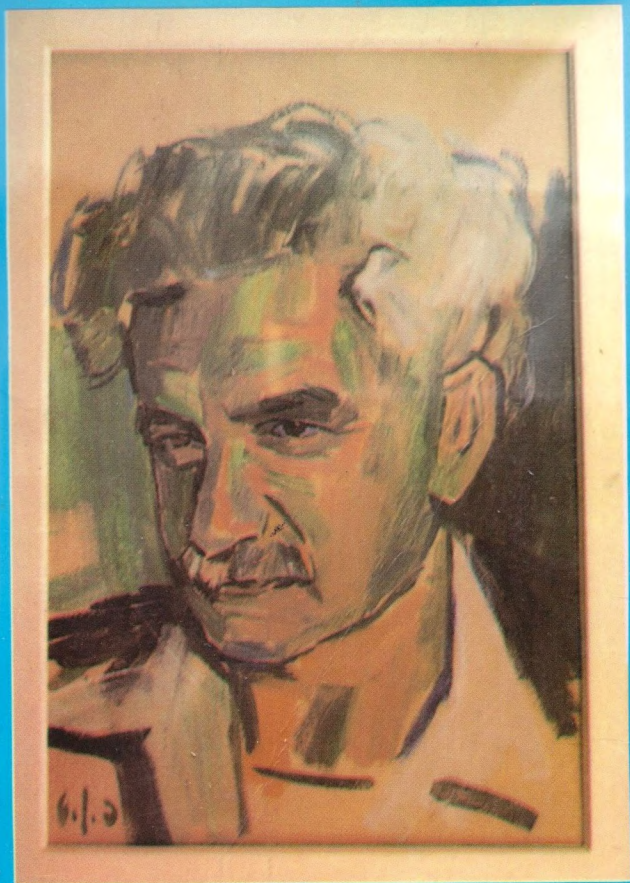

АНИТА ШАПИРА

Анита Шапира

БЕРЛ

БЕРЛ

I
126

Анита Шапира
Б Е Р Л
Биография
I

Анита Шапира

Б Е Р Л

Биография

I

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
1991

אניטה שפירא

ברל

עיריית חיפה
מערך ספרות ומסמכים
בית הספר ללימודי יהדות
מס. מלאי.....

A. SHAPIRA
BERL KATZNELSON
A BIOGRAPHY

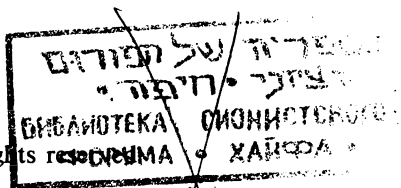
752

Сокращенный перевод с иврита *Симы Векслер*
Под общей редакцией *Ицхака Леви*

Репринт с издания 1987 г.
ISBN 965-320-171-9

Фотографии любезно предоставлены Музеем диаспоры
(из коллекции семьи Слуцкин, Эйн-Харод)

На обложке:
Берл. Художник *П. Литвиновский*

כל הזכויות שמורות
לספרית-עליה
ת.ד. 4140, ירושלים
יצא לאור בסיוע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק
מהדורה שניה

Printed in Israel

С о д е р ж а н и е

Вместо эпилога	1
Дорога в Эрец	6
Познание страны и себя. 1909—1919	
Яффа	45
Год первый	50
Киннерет, год 1911	75
Бен-Шемен и Эйн-Ганим — 1912—1914 гг.	90
Киннерет, Киннерет. 1914—1918	
Киннерет, тевет 5675 — ав 5677 (1915—1917)	104
Иерусалимская группа овощеводов	123
В преддверии грядущих дней 1918—1919	127
Добровольческие батальоны	138
Солдат 40-го батальона Его Величества короля Джорджа V	147
Объединение Ахдут ха-авода	153
В пору революции 1919—1921	180
Командировка в США	215
Кризис в Третьей алие	231
”Давар”. 1925 год	249
Переходный период. 1925—1929	276
Боевое крещение на государственном поприще. 1929—1931	305

Вместо эпилога

Жарким августовским утром 1944 года (ד'ש"ט) толпы народа заполнили улицы, прилегавшие к зданию в центре Иерусалима, где размещались национальные учреждения ишува. В вестибюле здания Керен каемет ле-Исраэль был установлен гроб с телом Берла Кацнельсона, покрытый бело-голубым флагом с красной полосой. Цвет ишува — главы национальных учреждений, университетские профессора, писатели, люди искусства и науки — теснился вокруг. На улице тысячи людей терпеливо ждали минуты, когда можно будет отдать покойному последний долг. Гроб вынесли Давид Бен-Гурион, Элизер Каплан, Давид Ремез и Ицхак Гринбаум. На углу улиц Кинг Джордж и Бен-Иехуда шествие замедлилось. Траурных речей не произносили. По воле покойного церемония была предельно простой, без тени красоты. Он не выносил похоронных процессий с многочисленными венками, знаменами и лентами — всех этих атрибутов христианского обряда, который так охотно копировали евреи.

Теперь, как и при жизни, он сумел навязать свою волю. Молчаливая, не находя никакого выхода переполнявшему ее горю, никакого утешения во внешней обрядности, двигалась многотысячная траурная колонна в направлении Тель-Авива.

Обычная трудовая жизнь Тель-Авива в тот день остановилась. Казалось, все его население вышло на улицы. Похоронная процессия извивалась гигантской змеей по улицам Алии, Алленби, Саламе, и на всем ее

пути вдоль проезжей части стояли десятки тысяч людей. Балконы и крыши были забиты до отказа. Солнце тем временем поднялось уже высоко, его раскаленные лучи безжалостно жгли обнаженные головы, но толпа продолжала свой скорбный путь. Молчаливо и печально глядели тысячи жителей Тель-Авива вслед человеку, "которого нельзя было не любить, даже если вы этого не желали, и который вызывал в сердцах трепет, сравнимый лишь с угрызениями совести".

Смерть примирила и объединила вокруг него самых разных людей. Члены партий Мапай, Тнуат ле-ахдут ха-авода, ха-Шомер ха-цаир, "новой алии" — все они с чувством тяжелой утраты шли за его гробом.

Траурный кортеж машин медленно продвигался вперед. Он ненадолго остановился у дома на улице Алленби, где размещался Исполнительный комитет Гистадрута, и собравшаяся вокруг него гигантская толпа замерла в горестном молчании. Потом, осторожно пролагая себе дорогу в безбрежном людском море, машины тронулись в направлении большой синагоги. Здесь хаззан прочел Эль мале рахамим* — Каддиш. Снова — никаких траурных речей и машины тронулись в путь к Дому Арлозорова**. И здесь та же картина; те же застывшие в скорбном молчании толпы. Пришлось обратиться к собравшимся с просьбой разойтись, чтобы дать дорогу машинам. Но людям было тяжело навсегда расстаться с человеком, лежавшим теперь в гробу, и они долго еще стояли под палящим солнцем, погруженные в горестное молчание.

Он еще в юности выбрал себе место для могилы. На маленьком кладбище в селении Киннерет, на холме, глядящемся в озерное зеркало, была похоро-

*Эль мале рахамим (ивр.), "Боже любвеобильный..." — начальные слова и название одной из заупокойных молитв.

**Зал собраний партии Мапай.

нена та, с которой испытал он боль, счастье и муки юношеской любви. И хотя со времени ее кончины прошло двадцать пять лет, ее очарование осталось нетленным в его душе, как красота Киннерета. И ему мечталось замкнуть круг, завершить свой путь человека и общественного деятеля там, где он начался. Немногие из тех, кто многотысячной толпой провожали его к месту последнего успокоения, знали о романтической тайне, связанной с Киннеретом, но и те, кому была известна эта тайна, кто прошел вместе с ним через незабываемую романтику дней Второй алии, бережно скрыли ее от непосвященных. Лишь поэт позволил себе коснуться в стихах этой тайны — нежно и тоскливо звучит эта тема в стихотворении Натана Альтермана:

Мой он, — сказал Киннерет, —
И ко мне он вернулся в покой.
Трибун дел великих и мудрого слова
Лишь со мною затих он, немой.

И я то кольцо замыкаю
Плитою надгробной и имя на ней,
Ибо мой он, — сказал Киннерет, —
С начала ушедших дней.

(Пер. И. Леви)

Кое-кто в рабочей среде был удивлен и даже уязвлен последней волей усопшего: человек, всем существом своим принадлежавший бурям общественной жизни, вдруг в смертный час удаляется от своих товарищей. Но его воля — воля одного человека — вновь восторжествовала над волей масс.

Кортеж машин, растянувшийся километра на два, двинулся из Тель-Авива к Хадере, прошел через Афулу, пересек Изреельскую долину, долину Бет-Шеана и медленно приближался к Киннерету.

Казалось, рабочий люд со всех концов Эрец-Исраэль вышел проститься с покойным. У каждого поселения

кортеж поджидали люди, друзья-товарищи, с которыми прошел он тридцатипятилетний путь борьбы. Первые поселенцы с поседевшими висками, на морщинистых лицах которых читалась повесть их трудов и подвигов. А рядом молодежь, для которой он был уже наставником и руководителем. Дети, предоставленные самим себе по причине каникул, убежали из деревень и поселков и сгрудились вдоль дороги. В их юную память навсегда врежется картина этих всенародных похорон. В полях остановилась работа. Лишь изредка мелькал силуэт крестьянина, занятого поливкой, которую нельзя было прервать ни на минуту. И когда мимо проезжал кортеж, сидящие в машинах видели, как одинокая фигура выпрямлялась и застывала неподвижно среди полей — до тех пор, пока процессия не скрывалась из виду. В каждом селении присоединялись к траурной колонне новые машины — сначала это были представители деревень и поселков, но по мере продвижения к Киннерету все больше народу вливалось в колонну. Берл возвращался к землякам из бурных странствий.

Солнце уже перевалило через зенит, в воздухе висел тяжелый, густой зной. Никто не шевелился, никто не уходил с обочины дымящегося шоссе, пока кортеж не проплывал мимо. В каждом селении колонна останавливалась. И снова — молчание и давящее чувство невозвратимой утраты.

В шесть часов вечера процессия достигла Киннерета. Около семи тысяч человек столпилось на маленьком скромном кладбище, выходящем на озеро. Здесь, среди своих тружеников, героев, людей Второй алии, была в свое время похоронена по ее завещанию поэтесса Рахел.

Теперь пришла очередь человека, символизировавшего собою Вторую алию. Отныне и он будет покоиться среди них, на холме в тени деревьев. Ализа Шидловская сказала короткую, сдержанную и глубоко продуманную прощальную речь. Эту честь предоставили не руководителям ишува, несшим гроб,

а ей, простой работнице из киббуца Киннерет, знавшей Берла с самого начала его пути. Давид Бадер, тоже один из ветеранов Второй алии, прочел Каддиш — Берл умер бездетным. И вновь воцарилось молчание, и думы каждого были исполнены любовью к тому, кто ушел навсегда. С заходом солнца могилу засыпали.

За тридцать пять лет, истекших с тех пор, скончались многие прославленные, выдающиеся люди. Но пожалуй, никогда не возвращалось с такой остротой чувство невосполнимой утраты. Много лет спустя знаменитый еврейский писатель*, вспоминая юношеское потрясение, сказал: "Это были последние похороны, когда люди горевали искренне".

*Александр Сенед, род. в 1921 г.

Дорога в Эрец 1887 – 1909

Берл Кацнельсон родился 25 января 1887 года в белорусском городе Бобруйске. Отца его звали Моше бен-Ахарон Кацнельсон, мать Тайбл-Рейзл.

Территория, бывшая прежде под властью Польши, отошла к России лишь в конце восемнадцатого века; с тех пор Бобруйск, небольшой городок на берегах реки Березины, сделался уездным городом Минской губернии.

План города походил на веер, в вершине которого находилась крепость, которая господствовала над городом у слияния реки Бобруйск с Березиной и сыграла важную роль во время Наполеоновского нашествия, а стороны — улицы, извивавшиеся по берегам Березины и Бобруйска. Через город проходила железная дорога, на запад шли поезда в Минск, на восток — в Гомель и Киев. А до прокладки "чугунки" естественной магистралью, связывавшей городок с внешним миром, служила река. По Березине сплавляли лес, который рубили в окрестностях города. Лес был главным источником заработка для жителей городка, другими источниками были крепость и пристань, с которой суда уходили на север и юг России.

Несмотря на то, что Бобруйск был укрепленным торговым городом, стоявшим на перекрестке важных путей, и его население насчитывало около сорока тысяч душ, мощных улиц в ту пору еще не было, а потому весной, с началом таяния снегов, и осенью,

после первых дождей, город превращался в сплошное болото, так что в округе даже сложилась поговорка о "бобруйской грязище".

И хотя согласно официальному реестру по числу жителей Бобруйск считался городом, по внешнему виду он напоминал скорее разросшееся местечко. Ни красоты, ни живописности. Трудно было найти в нем хоть один дом, строители которого позаботились бы о внешней привлекательности. Государственные учреждения тоже не блистали великолепием. Единственными хоть чем-то выделявшимися зданиями были два польских костела. В итоге Бобруйск был достойным представителем русских городов в черте оседлости, которые не были отмечены излишними эстетическими требованиями и не избалованы чрезмерным вниманием властей.

Больше половины жителей Бобруйска составляли евреи. До 1882 года, когда по указу императора Александра III евреям было запрещено селиться в деревнях, город являлся центром целого еврейского сельскохозяйственного района. Как и другие еврейские местечки, это был замкнутый в себе, своеобразный мирок. Если можно было говорить в то время об особом еврейском бытии, то существовало оно именно в таких вот городках и местечках черты оседлости, где в страшной тесноте и скученности обитали еврейские массы. Работали евреи, главным образом, друг на друга и, не отдавая себе в том отчета, жили в закрытом еврейском мире. Правда, неевреям отводилась в этом мире существенная роль — как в качестве представителей власти, так и в образе клиента или погромщика, — но всегда роль их была чисто внешней, тогда как жизнь сама по себе протекала в чисто еврейской среде, где быт определялся либо Талмудом, либо противодействием его законам. И хотя к концу девятнадцатого века, как раз в те годы, когда Берл подрастал и формировалась его личность, городок начал быстро развиваться под влиянием внешних факторов, самая суть жизни

Бобруйска оставалась по-прежнему чисто еврейской и не подвергалась каким-либо изменениям за весь тот период, что Берл оставался в родном городе. Даже новые веяния не смогли поколебать древа еврейской жизни, задеть ее внутреннего ядра — ощущения слитности, неразрывной связи со своим миром. И это чувство будет сопровождать молодежь городка на всех жизненных перепутьях.

Берл родился в семье, принадлежавшей к обширному клану Кацнельсонов. В Бобруйске говаривали, что если на улице бросить наугад камень, то непременно попадешь в кого-нибудь из Кацнельсонов. Следует, правда, добавить, что Кацнельсоны-то были разные. Семья Берла не принадлежала к богатой и образованной ветви Кацнельсонов, род которой шел от реб Нисана Кацнельсона, который мученически погиб от рук наполеоновских солдат.

Отец Берла, Моше Кацнельсон, как и многие евреи в те времена, долго странствовал, переходя из одной иешивы в другую, и некоторое время жил в Вильне, прославленном центре изучения Священного Писания. Там он посватался к девушке из родовитой семьи, дочери реб Шмуэля Страшона. Свадьба Моше Кацнельсона и Зелды-Рохл Страшон состоялась в 1879 году в Кракове, где, видимо, жили тогда родители невесты и где обосновались на первых порах молодые. К концу первого года совместной жизни родился у них сын, которого назвали Хаимом. Семь счастливых лет прожил Моше в Кракове с любимой женой. На исходе седьмого года она умерла, оставив его вдовцом с малолетним сыном. Вторая жена Моше рассказывала впоследствии, что после смерти любимой жены он долго тосковал и не соглашался вступать в новый брак, несмотря на уговоры отца реб Ахарона, считавшего, что добропорядочному еврею не следует долго оставаться одиноким. Выяснилось, однако, что эти романтические предания весьма далеки от действительности. Хотя реб Моше любил жену и после ее кончины записал в молитвеннике, где отмечал важ-

нейшие семейные события: "День смерти возлюбленной жены моей Зелды-Рохл", но не прошло и четырех месяцев, и он женился на другой — новую жену его звали Тайбл-Рейзл, она была дочерью реб Яакова Нимица из Бобруйска. Тогда будущий отец Берла вернулся в родной город.

Тайбл-Рейзл принадлежала к зажиточной купеческой семье. Она достигла ко времени замужества уже весьма зрелого возраста и стяжала репутацию разборчивой невесты. Но реб Моше Кацнельсон понравился ей — тень печали, лежавшая на его лице, придавала ему своеобразное очарование в ее глазах. Реб Моше решил испытать будущую жену и сказал ей, что он вдовец с двумя детьми. Но и это не устрасило Тайбл, она согласилась выйти за реб Моше и стать матерью двум его малюткам — к великому огорчению своего отца, который давал за дочь хорошее приданое и считал, что она еще слишком молода для того, чтобы связать свою жизнь с вдовцом, обремененным двумя детьми.

Но Тайбл, согласно семейным преданиям, была девушка с характером и настояла на своем. Отец вынужден был сдаться. 16 числа месяца шват 5646 (1886) года сыграли свадьбу, и молодая семья поселилась в большом доме рабби Яакова Нимица. Тайбл вложила деньги, полученные в качестве приданого, в скобяную лавку своего отца, где продолжала и после свадьбы ежедневно работать.

В доме реб Яакова Нимица родился меньше чем через год первенец Тайбл и Моше Кацнельсонов — Берл. Года два спустя появился на свет второй сын — Исраэль. За ним последовали Иссер, Стася, Биньямин (умер в годовалом возрасте) и Хана, родившаяся уже в 1897 году.

Более десяти лет прожила семья реб Моше Кацнельсона в доме тестя. За эти годы Моше Кацнельсон постепенно упрочил свое материальное положение. Занявшись торговлей лесом, он большую часть года проводил в разъездах по югу России,

преимущественно в районе Екатеринослава. Лишь дважды в год, на праздники, возвращался он домой. Жизнь вдали от семьи была в те времена уделом многих еврейских торговцев. Когда дела пошли на лад, реб Моше купил просторный дом, и семья его, состоявшая уже из шестерых детей, сумела наконец освободиться от многолетней опеки тестя.

Семья Кацнельсонов была весьма состоятельной и пользовалась в городе большим уважением. Мать семьи славилась трезвым умом и, хотя не получила систематического образования, умела читать и писать. Отец же был начитанным человеком, известным знатоком Писания. В доме была большая библиотека, где можно было найти книги по различным вопросам иудаизма. На чердаке кипами лежали газеты и журналы на современном иврите — светское дополнение к религиозным книгам, стоявшим в шкафу. Сам реб Моше Кацнельсон получил традиционное еврейское воспитание. Основу его духовного мира составляли Тора, Талмуд и комментарии мудрецов. Тем не менее, он был чужд любого фанатизма — причиной тому были, возможно, новые времена, а возможно, его непрерывные длительные поездки, где он сталкивался с русской культурой, испытывал косвенное влияние процессов, происходящих в русском обществе. Как бы то ни было, русскую литературу не изгоняли из дома Кацнельсонов. Впоследствии Берл будет вспоминать, что на столе в отцовском доме зачастую можно было увидеть рядом Мидраш, Пушкина и Менделеева.

Столкновение традиционного еврейского образа жизни и новых веяний времени сказалось и на отношении Моше Кацнельсона к его шуринам Лейбу Прохоровскому, одному из первых еврейских социалистов. Реб Моше относился к своему зятю-бунтовщику с симпатией, а их острые споры по вопросам социализма стали необходимой частью быта. В те дни, которые отец проводил дома, интеллектуальная жизнь в семье была ключом. Гости не переводились,

самовар постоянно кипел, а собравшиеся вокруг стола торговцы, учителя, владельцы лавочек горячо обсуждали идеи, волновавшие широкий русский мир и более узкий еврейский мирок. В этих беседах не обходили стороной, конечно, и темы сионизма, возвращения в Эрец-Исраэль.

Родители, и особенно отец, любили Берла больше других детей. Он рос красивым мальчиком, смышленные глазенки его весело глядели вокруг из-под шапки черных кудрей. По умственному развитию он намного опережал братьев и сестер. С ранних лет его окружала слава вундеркинда. Как мы помним, у Берла был сводный старший брат Хаим, сын отца от первого брака, но родители именно на Берла возлагали все великие надежды, которые выпадают обычно на долю первенцев.

Мать не могла уделять много внимания воспитанию детей, так как ежедневно работала в лавке своего отца, а дети находились на попечении няньки. Духовный мир Берла складывался под влиянием отца. Отец выбирал его первых учителей, серьезно обдумывал, в какой из многочисленных бобруйских хедеров отдать сына. Живя дома в перерывах между длительными своими разъездами, Моше Кацнельсон часто навещался в хедер Берла, и мальчик с гордостью видел, с каким почтением относится рабби к его отцу. Но пожалуй, главную роль в формировании характера Берла сыграло не формальное образование, а прочитанные им книги. Мальчику было лет восемь, когда отец впервые дал ему в руки книжку на иврите — рассказы для детей, построенные на тематике десяти заповедей, или, вернее, девяти заповедей, ибо десятая почиталась неподходящей темой для детского чтения. Вскоре Берл с головой ушел в мир книг, он перечитал всю имевшуюся в библиотеке отца современную прозу и поэзию на иврите, а также книги, относившиеся к периоду еврейского Просвещения (Хаскала), несмотря на то, что содержание их выходило за рамки доступного десятилетнему мальчику.

До десятилетнего возраста Берл воспитывался исключительно на еврейской традиции и литературе. Затем, когда требования отца в отношении основ еврейской культуры были удовлетворены, Берл взялся за изучение русского языка, потом с жаром принялся за русскую классическую литературу, которая тогда находилась в расцвете. Берла в равной мере привлекали художественная литература и публицистика. Можно с достаточным основанием предполагать, что в руки Берла попало также немало хороших книг западноевропейских писателей в русском переводе, но они не оставили такого глубокого следа в его душе, как сочинения Пушкина, Лермонтова, Добролюбова.

Берл рос довольно одиноко — он был всегда болезненным мальчиком и потому его не посылали ни в обычную школу, ни в училище Талмуд-Тора. Учение его протекало, в основном, на чердаке отцовского дома, где хранились подшивки ивритских журналов. Кроме того, он брал уроки у частных учителей. Друзей среди сверстников у него почти не было. Единственный друг детства, которого он всегда вспоминал с теплотой и с которым поддерживал связь на протяжении всей жизни, был будущий поэт Давид Шимони (Шимонович), с которым они вместе учились в хедере, а затем проводили долгие часы в библиотеке отца Берла. Мир Берла-мальчика отличался от привычного нам, естественного для ребенка мира с его проказами, с неразлучными друзьями, которым доверяются сокровенные тайны. В жизни Берла все вращалось вокруг двух главных осей: приездов отца, во время которых дом был полон гостей, а мальчик, забившись в уголок, впитывал разговоры взрослых, и вокруг книг, которые открывали перед ним целый мир воображения, страстей и мыслей.

Родственник, помнивший, каким был Берл в детские годы, полагал, что мальчик чувствовал себя ущемленным отсутствием друзей, своей болезнен-

ностью, а впоследствии — положением сироты. Берл и сам вспоминал как-то свои мальчишеские переживания, вызванные тем, что он вращался почти исключительно в обществе взрослых. Но весьма вероятно, что воспоминания эти носили ретроспективную окраску и не отражали его реальных ощущений в детские годы. Не следует также забывать о том, что столь одаренный мальчик не мог находить особого интереса в забавах сверстников. Именно в тот период в среде еврейской интеллигенции, первое поколение которой повернулось в сторону светского образования, дети, всецело отдавшие учению и наукам, были окружены большим почетом. В этих кругах люди уделяли основное время самообразованию и самоусовершенствованию, и эта сфера стала для них не только основным развлечением, но и почти единственным содержанием жизни. Это поколение обуревала ненасытная, несравнимая ни с чем жажда знаний, и учились эти люди с великим прилежанием и пылом, так же, как штудировали несколько поколений их предков Священное Писание в традиционных мидрашах.

Внезапная смерть отца была страшным потрясением для Берла и всей семьи. Во время обычных своих разъездов по югу России Моше Кацнельсон заболел воспалением легких и вскоре умер — 16 хешвана 5660 года (1 октября 1899 года). Тайбл отправилась в Екатеринослав хоронить мужа и месяц спустя вернулась домой. Моше Кацнельсон скончался, не дожив до тридцати восьми лет.

Вдовство и сиротство были в те времена широко распространенным явлением в еврейской среде. Как мы помним, и отец, и дед Берла вскоре после женитьбы овдовели, оставшись с маленькими детьми на руках. Но мужчину-вдовца нечего и сравнивать с вдовой — семьи со средним достатком, подобные семье Берла, целиком зависели от заработков отца. Смерть главы семьи означала для его домочадцев

резкое падение уровня жизни, а зачастую — существование на пороге нищеты. Да и доля вдовы, обремененной множеством детей, была совершенно иной, нежели положение вдовца. Горька была участь женщины, вынужденной взвалить на свои плечи тяжелые обязанности мужчины.

Такова была теперь участь Тайбл Кацнельсон. Прежде это была избалованная дочка состоятельного отца, которую муж тоже продолжал баловать и холить, женщина, привыкшая к тому, что завтрак ей приносили в постель, которая никогда не знала изматывающего домашнего труда и не занималась детьми, предпочитая работать в отцовской лавке. А теперь она вдруг вынуждена была нести ответственность за содержание и воспитание пятерых детей, младшему из которых еще не исполнилось и двух лет. Удар оказался слишком тяжелым для ее слабых плеч, целый год не могла она превозмочь горя, вызванного утратой любимого мужа, и была погружена в беспросветное уныние. Но прошел первый год траура, и она, словно очнувшись, проявила железный характер, о существовании которого мало кто подозревал, пока жизнь улыбалась Тайбл. Ее свекор, реб Ахарон Кацнельсон, зажиточный и крутой человек, предлагал вдове сына взять на себя заботы о содержании детей при условии, что они будут отданы под его опеку и вся семья переберется в его дом. Но Тайбл отказалась вести спокойную жизнь, зависимую от семьи мужа, и предпочла суровую долю вдовы, самостоятельно заботящейся о доме и детях.

Не прошло еще двух лет, и на семью обрушилось новое несчастье: в 1902 году в Бобруйске произошел жуткий пожар, во время которого деревянный город выгорел почти дотла. Дом семьи Кацнельсон уцелел, но дома бабушки Гител и дедушки Яакова Нимица сгорели — а с ними и скобяная лавка, куда было вложено приданое Тайбл. Дедушка Нимиц за одну ночь превратился из состоятельного человека в нищего и вынужден был поселиться с женой в

маленьком домике, стоявшем в дочернем дворе. В два года смерть унесла их обоих.

Есть нечто символическое в той цепи несчастий, жертвой которых стали три поколения семейства Кацнельсон. Судьба их была типичной даже для зажиточной еврейской семьи в черте оседлости, стоявшей, казалось, на пороге богатства, но бессильной перед жестокой игрой рока, так быстро ввергнувшей ее в нищету.

Тайбл купила на рынке лавочку и стала торговать веревками, валенками и рукавицами. Клиентами ее были белорусские крестьяне из окрестных деревень. Все годы своего вдовства Тайбл Кацнельсон строго придерживалась правила ни у кого не одалживаться. Благодаря ее уму, практичности и трудолюбию, семья не знала унижений нищеты.

На детей у нее не оставалось времени. Она следила за тем, чтоб дети были сыты, одеты, чтобы вовремя вносилась плата в школу и частным преподавателям. Но она толком не разбиралась в вопросах образования и потому постепенно переложила заботы о воспитании младших на своего любимца Берла, одаренность которого была предметом ее всегдашней гордости.

Со смертью отца в жизни Берла началась десятилетняя полоса скитаний и духовных исканий. Чувство сиротства, острая боль, вызванная смертью обожаемого отца, усугубили обычные переживания переходного возраста, заставили юношу долго и мучительно искать свое "я".

В отцовском доме все дышало "Хиббат-Цион" — любовью к Сиону, которая не нуждалась в рациональных доводах, а вытекала из самых основ еврейского воспитания многих поколений, которую ребенок впитывал вместе с молоком матери и слышанными с раннего детства библейскими рассказами о еврейских праведниках, любовью, которой была проникнута вся жизнь семьи вместе с ее субботними и праздничными обычаями, с покаянными молитвами перед Судным днем и весельем Симхат-Тора.

Первое упоминание об Эрец-Исраэль, сохранившееся в памяти Берла, было связано с той самой книжкой о девяти заповедях, которую привез ему отец. Среди прочих рассказов была там история о том, как цаддик отправился с купеческим караваном в пустыню и, когда настала суббота, он, чтобы не осквернить ее, отказался продолжать путь и остался в одиночестве среди песков, и как пришел к нему лев и всю субботнюю ночь охранял его, а потом, когда субботний праздник окончился, цаддик сел на льва верхом и догнал свой караван. В конце рассказа сообщалось, что потомки этого цаддика и поныне здравствуют в Хевроне. Окончив рассказ, маленький Берл разрыдался — от избытка счастья, что Эрец-Исраэль — это не только прекрасная сказка, подобно Царству небесному или воскресению мертвых, но взаправдашняя страна, где может жить человек, — и от горя, что сам он там не живет.

Книги Зеева Явица и картины Авраама Моше Лунца, собранные в "Альбоме цветов", подкрепляли чувство реальности Эрец-Исраэль. Прочитав, например, сообщение о том, что евреи получили концессию на строительство железной дороги из Яффы в Иерусалим, мальчик стал представлять себе Эрец-Исраэль чем-то вроде железнодорожной станции, на которой не раз провожал отца в поездки по югу России. Маленький Берл радовался цветам, посаженным вокруг станции, ведь жители вечно грязного Бобруйска не были избалованы цветами и декоративными посадками. "Моей самой заветной мечтой было стать не полицейским или солдатом, а начальником железнодорожной станции в Эрец-Исраэль. Понятие о еврейском государстве облеклось в моем воображении в образ железной дороги".

Доходили до Бобруйска и известия о людях Первой алии. Еврейские журналы, которые выпуск за выпуском накапливались на чердаке отцовского дома, вели подробную хронику радостных и печальных событий, происходивших в Эрец. В доме Кацнельсонов

бывал даже один еврей, проработавший пару лет в Эрец-Исраэль во времена строительства Реховота. Все считали этого человека чудачком — он был помещан на сельскохозяйственном труде и продолжал заниматься им даже в России, не стесняясь появляться в окрестностях Бобруйска с тачкой навоза. Да и женился он не так, как подобало владельцу собственного дома, — взял в жены служанку! Этот чудак стал частым гостем в доме Моше Кацнельсона, который любил поговорить с ним, а Берл, спрятавшись в своем уголке, как всегда внимательно прислушивался к разговору.

Достоверные сведения об Эрец-Исраэль можно было почерпнуть и у другого бобруйского домовладельца, зять которого отправился в 1898 году в Палестину и стал там рабочим. Письма, приходившие от соседского зятя, где описывалось отчаянное положение еврейских рабочих в Палестине и без прикрас выступала мрачная действительность, все же усиливали чувство непосредственной связи с Эрец-Исраэль, делали ее более реальной, достижимой.

В отцовском доме, как в доме любого преданного сиониста, конечно, велись нескончаемые споры об Ахад-Гааме, Герцле, полемике, разгоревшейся между ними, — это были важнейшие вопросы, стоявшие на повестке дня. Энтузиазм, вызванный появлением политического сионизма, с одной стороны, и острая критика его целей и методов Ахад-Гаамом, с другой, не обошли и дом Моше Кацнельсона. Сионистское движение еще только зарождалось. В Бобруйске силы сионистов были сравнительно невелики. "Богачи" занимались почти исключительно своей коммерцией, интеллигенция же, по большей части, склонялась к Бунду и революционной деятельности. К движению Хиббат-Цион примкнули, главным образом, представители среднего класса еврейского населения городка.

Сионизм их выражался в том, что они читали "Ха-мелиц" ("Вожатый") и "Ха-цфира" ("Гудок"), а впоследствии "Ха-шиллоах" ("Вестник") и спорили

за самоваром о Пинскере, Лилиенблюме, о величии и недостатках Герцля.

Изучая биографии людей, составивших Вторую, да и Третью алию, убеждаешься, что большинство их воспитывалось в атмосфере, сходной с той, которая окружала в детстве Берла, — то есть на старомодной, интуитивной, наивной, даже праздной любви к Сиону. Но у детей, выросших в таких семьях, сионизм уже был иным, он возник в иной общественной обстановке, стал знаменем нового поколения. Не будь у них с детства впитанной любви к Сиону, эти люди вряд ли вообще бы пришли к сионизму и алие. У большинства этих людей переход от движения Хиббат-Цион в том виде, в каком оно проявлялось у местечковых обывателей, к действительному, активному сионизму произошел естественно, без натуги и страданий. Примеров тому можно привести множество, упомянем лишь Давида Бен-Гуриона, земляка Берла Каддиша Лозинского и Давида Шимоновича, который с детских лет был товарищем Берла. Но у самого Берла переход этот происходил иначе, много лет спустя боль духовного перелома отозвалась в его строках: "Я всей душой верю в сионизм, и вера эта укрепилась во мне с ранней юности. Она далась мне нелегко, я пришел к ней через отчаяние и отрицание".

Обстановка отцовского дома не только взрастила в мальчике инстинктивное чувство сионизма, она привела его и на порог мира социалистических идей. Шурин Моше Кацнельсона, Лейб Прохоровский, любимый дядя Берла, был ветераном революционной борьбы, состоял в партии эсеров, вынужден был бежать от расправы властей в Соединенные Штаты Америки и лишь несколько лет спустя смог вернуться домой, после чего стал компаньоном своего шурина — отца Берла. За столом, вокруг которого сидели реб Моше, Лейб и молодой Берл, бушевали споры по вопросам мирового масштаба, дядюшка пытался доказать племяннику ошибочность его "шовинистического" уклона. В Бобруйске были сильны революци-

онные традиции. Бунд завоевал здесь много приверженцев, руководителем его местного отделения был Нехке Юхвид, получивший впоследствии, когда во время революции 1905 года он захватил в городе полную власть, прозвище "Нехке-полицмейстер". Это был талантливый и энергичный парень, которому удалось создать в городе крупную подпольную организацию, в которую входили молодые интеллигенты, юноши и девушки из "приличных" семей, а также настоящие еврейские рабочие. По воле случая центром революционной борьбы стал в тот период дом Якова Нимица, деда Берла с материнской стороны; оказалось, что Бунд, без ведома хозяина, снял в его доме трехкомнатную квартиру и разместил там подпольную типографию, обслуживавшую всю партию. В этой типографии были напечатаны несколько выпусков нелегальной газеты "Арбайтер штиме", а также "Манифест Российской социал-демократической рабочей партии" на идиш и на русском языке. Когда царская полиция обнаружила подпольную типографию, маленький Берл стал свидетелем волны арестов и жестоких репрессий, обрушившихся на еврейскую молодежь города.

У Бунда был и другой, конечно, случайный, способ влияния на Берла. Один из членов Бунда, еврей-рабочий, снабжал любознательного десятилетнего мальчика всей находившейся в его распоряжении нелегальной революционной литературой.

Ко всему этому присоединилась огромная русская революционная литература, с которой ознакомился Берл в те годы: Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Михайловский, Лавров — все гиганты русской революционной мысли XIX века. И если было какое-то искушение, звавшее Берла прочь от еврейских истоков, то это, конечно, галерея упомянутых выше великих людей, преданное поклонение которым Берл сохранит на всю жизнь. Несмотря на резкие различия в образе мысли, исторической обстановке и самой деятельности таких, например,

личностей, как Герцен и Чернышевский, их объединяло несколько общих черт характера, которые Берл усвоил под их влиянием: исходной точкой их социализма являлась глубокая вера в человека, в индивидуума, в его права и возможности. Корни этого социализма уходили в гуманизм, во всеобъемлющую любовь к человеку — не к человечеству как целому, а именно к отдельным людям во плоти и крови. Это был социализм, который, исходя из своей глубочайшей веры в индивидуума, из стремления возвеличить его, возлагал на него многочисленные обязанности, и опять-таки, это было не какое-то абстрактное, упрощенное целое, а самая что ни на есть подлинная индивидуальность. Рассматривая с моральных позиций взаимоотношения общественных классов, эти социалисты видели в порабощении и эксплуатации российского крестьянства сначала со стороны дворянства, а затем буржуазии, историческую несправедливость, искажение истинного образа человека и общества. Это был некий первородный грех, накладывавший особые обязанности — и моральные, и материальные — на те слои общества, которые пользовались плодами эксплуатации угнетенных для своего развития. Отсюда проповедь о том, что интеллигенция и дворянство должны воздать народу за его страдания. Долг этот — моральный, он основан не на незыблемых и неизбежных законах исторического развития, но вытекает из нравственного чувства отдельной личности и всего общества... Эти мыслители требовали от русской молодежи, чтобы она взяла на себя роль воспитателя масс и привела их к осознанию своего положения и борьбе за изменение извращенного и искажающего души людей общественного порядка.

Наиболее привлекательным для молодежи в таком образе мыслей были возлагаемые на нее высокие требования. Обращение к самому лучшему, что есть в человеческой душе, к чувству справедливости и несправедливости и образ идеального общества были бесконечно притягательны для идеалистически настро-

енной молодежи, находившейся в том возрасте, когда вера в возможность исправления мира составляет неотъемлемую часть процесса созревания личности. Классический вопрос, которым задается каждое молодое поколение, вопрос "Что делать?" в его положительном, идеалистическом аспекте, получал в этой системе взглядов позитивный ответ: молодежь должна принести свою жизнь в жертву на алтарь общества. Сначала эта готовность пожертвовать жизнью находила выход в пропагандистских акциях, затем в "хождении в народ", охватившем значительную часть образованной молодежи, которая шла в деревни, горя желанием довести до сознания крестьян их истинное положение и поднять их на борьбу за освобождение. Русская молодежь проявила величайшую самоотверженность: крестьяне выдавали "возмутителей спокойствия" властям, и молодые революционеры шли в Сибирь, попадали в тюрьму, а во многих случаях — в лечебницу для душевнобольных, переживая страшные физические и духовные мучения. Но их жребий не останавливал новых и новых борцов — начиная с 70-х годов XIX века каждое следующее десятилетие поднимало на гребень волны новых мучеников. Движимая, как и их предшественники, жаждой подвига и мученического венца, молодежь продолжала идти тем же крестным путем, видя в судьбе предшественников воодушевляющий пример для подражания. Эта молодежь, сознавая свою неразрывную связь с народными массами, жертвовала ради их освобождения всем: карьерой, учебой, семьей, и даже самой жизнью — жертвовала без колебаний, с чистосердечием юности, с воодушевлением и даже радостью. Безграничная самоотверженность, аскетизм, доходящий до самоотречения, и все это по свободному выбору, по собственному решению и собственному желанию, подобно мученикам раннего христианства — такова была революционная этика, завещанная участниками "хождения в народ" своим наследникам из "Народной воли", а теми, в свою

очередь, — революционным партиям, в особенности социалистам-революционерам (эсерам).

Но когда выяснилось, что жертвы одиночек не приводят к сознательному пробуждению масс и революционному брожению; что царь противопоставляет идеализму и жажде самопожертвования всю безжалостную мощь государственного аппарата насилия — полиции, сыска, суда, каторги — революционеры пришли к неизбежному выводу: у них нет иного пути поднять массы, с одной стороны, и защитить себя от жестокости властей, с другой, кроме пути индивидуального террора. Молодая революционерка Вера Засулич совершила покушение на петербургского полицмейстера, по приказу которого был до смерти забит арестованный революционер. Этим выстрелом начался новый период в истории революционного движения, когда политическое убийство превратилось в основной способ революционного действия, апогеем которого стал выстрел в императора Александра II. Вскоре в результате хода событий, который можно было предвидеть заранее, революционеры оказались в клубке роковых противоречий, вопросов о цели и средствах, о добре и зле, о роли вождей и масс, об атеистическом социализме и анархизме.

Параллельно усилению террористического движения, концентрировавшегося вокруг "Народной воли" и ее политической наследницы — партии эсеров, в конце XIX — начале XX веков возникло и окрепло марксистское движение. Оно давало свой собственный ответ на вопрос "что делать?". Если сторонники произвольного действия, отчаявшись, погрязли в терроризме, то марксизм выдвинул тезис о неизбежном историческом развитии и, основываясь на диалектическом материализме, обещал наступление революции и осуществление социализма. Железная логика, объективность, историческая необходимость — все это притягивало к марксизму сердца революционеров, убедившихся в том, что идеализмом и самопожертвованием не приблизить желанной революции.

Бурное море русской революции увлекало Берла Кацнельсона. Сперва он не видел никакого противоречия между своей любовью к русской революционной мысли и верностью идеям сионизма, приверженности к ивриту, но два-три года спустя он оказался в тупике и начались его метания из одного движения в другое, от одной веры к другой.

Берлу было, видимо, около двенадцати лет, когда он приобщился к кругу бобруйской интеллигенции. Известный в городе преподаватель ряда еврейских дисциплин И. Л. Дубров, человек исключительной нравственной чистоты, оказавший огромное влияние на своих учеников, ввел Берла в компанию первых еврейских студентов-сионистов. Все они были, разумеется, гораздо старше нашего юного гения, но Берл сумел найти свое место в их обществе. Они стали первыми наставниками Берла на революционной стезе, с ними вел он первые споры, помогавшие каждой стороне лучше осознать свои позиции. Один из членов этого студенческого кружка, Шимон Гинзбург, ввел Берла в работу народной еврейской библиотеки, распространявшей книги на идиш, которая была составлена из пожертвованных книжных собраний и должна была служить противовесом городской библиотеке имени Пушкина, бывшей важным очагом русской культуры в городе.

Берл принадлежал к той группе еврейской молодежи, которую в черте оседлости называли "экстерны". Название это отражало единственное в своем роде явление, возникшее среди нового поколения, которое, пренебрегая еврейской традицией, стремилось к светскому образованию, к университетскому диплому, бывшему в то время "входным билетом в Европу". В годы реакционного правления императора Александра III процент евреев, допускавшихся к занятиям в гимназиях, был крайне ограничен, а без аттестата зрелости дорога к высшему образованию не только в России, но и за границей, была закрыта. Поэтому множество еврейских юношей и девушек готовилось

к экзаменам на аттестат зрелости экстерном. Если для предыдущих еврейских поколений типичным был образ прилежного ученика бет-мидраша, то теперь на первый план выдвинулись экстерны, тоже до полусмерти долбившие книжную премудрость, но на этот раз уже не еврейскую, а чужую, с целью вырваться за пределы замкнутого круга еврейской жизни в черте оседлости. Много, очень много экстернов готовилось к экзаменам, но столь немногим из них удавалось добиться заветной цели — учиться в настоящем университете. Экстерны принадлежали к среднему слою еврейского населения. Высший слой сумел обеспечить своим детям нормальный путь к образованию через привилегированную гимназию. Дети бедных еврейских рабочих не смели мечтать об учебе, им надо было зарабатывать на жизнь. Итак, тот самый слой, из которого в свое время выходили талмид-хахамы, знатоки Священного Писания, породил экстернов, и они, как прежде их отцы, взяли на вооружение зубрежку и самообразование. Еврейская молодежь издавна привыкла кочевать в поисках знаний, устремилась в прославленные иешивы Литвы — этот путь прошел в молодости, как мы помним, и отец Берла. Теперь направление этих странствий переменялось. Экстерны оставляли местечки и городки черты оседлости и перебирались в большие города на юге России.

Голод, болезни, острое чувство неприкаянности были спутниками экстернов на дорогах странствий, к ним присоединялась постоянная угроза со стороны властей — экстернам грозила отправка этапом назад, "в места, отведенные для расселения евреев", ибо для проживания в больших южнорусских городах евреям необходимо было иметь специальное разрешение. Но тот, кому улыбалось счастье, оказывался в тесном кругу еврейских экстернов и студентов, его ждали интеллектуальные бури, непрекращающиеся споры, где проблемы различных революционных течений и будущего, которое ожидает еврейский народ, заняли

место талмудических вопросов. Так было и с Берлом.

Основным предметом непрерывных споров среди евреев в те времена был конфликт между Ахад-Гаамом и его сторонниками с одной стороны и приверженцами герцлевского политического сионизма с другой. Главный вопрос — в чем состоит цель сионизма. Герцль, который на Первом сионистском конгрессе (1897 год) явился перед еврейским миром, как мятежный дух пробуждения, предвещавший грядущие подвиги, видел в сионистском движении путь избавления еврейского народа от многовекового рассеяния. Подобно Пинскеру, Герцль пришел к сионизму через боль, оскорбление и отчужденность, возникшие при столкновении с проявлениями антисемитизма. Считая антисемитизм динамичным, крепнущим явлением, Герцль видел жизненную необходимость радикального решения еврейского вопроса, без которого евреи обречены на гибель. Сионизм призван был, по его мнению, воссоздать еврейское государство, где найдет убежище большинство еврейского народа. В этой концепции были два основополагающих компонента: **отрицание галута**, обусловленное пессимистическим взглядом на будущее еврейского народа в диаспоре, и потребность в **своей отдельной территории**. Гениальная простота концепции Герцля, пытавшегося одним ударом разрубить гордиев узел еврейской судьбы, стала мишенью убийственной иронии Ахад-Гаама. Если Герцль пламенными речами воодушевлял еврейскую молодежь, уже и без того жаждущую дела, исполненную зависти к русским революционерам, перед которыми лежало широкое поле деятельности, то Ахад-Гаам без усталости лил на горячие головы ушаты студеной воды. Хладнокровно и методично проанализировав возможности поселенчества и абсорбции евреев в Палестине, Ахад-Гаам пришел к выводу, что даже если удастся расселить в Эрец достаточно большое количество еврейских иммигрантов, оно все же не превысит естественного

прироста населения в диаспоре и еврейская проблема снова не найдет своего решения. Под острым скальпелем мысли Ахад-Гаама "новый исход из Египта" — массовая эмиграция евреев из Европы — представляла пустым призраком, бесплодной фантазией, к которой могли всерьез относиться лишь легковверные простаки.

Логика доводов Ахад-Гаама была, возможно, острее логики Герцля, но герцлевские пророчества стали источником неистощимой веры, целью великой борьбы для движения национального еврейского возрождения, тогда как путь Ахад-Гаама вел в исторический тупик.

Время было роковое — в 1903 году разразился Кишиневский погром. Все ощущали приближавший взрыв. Росло давление внешнее — властей и погромщиков, нарастало в результате него и давление изнутри — увеличивалось обнищание еврейских масс, которые не в состоянии были найти выход из замкнутого удушающего круга существования на грани уничтожения. И потому рвущаяся к делу молодежь не могла удовлетвориться теориями, не дававшими ответа на вопрос — как жить евреям в диаспоре. Поэтому отрицание пути Герцля означало для этой молодежи полное разочарование в сионизме.

Кружки, в которых вращался экстерн Берл Кацнельсон во время своих скитаний по просторам Белоруссии и Украины, состояли из еврейской молодежи с острым чувством национального самосознания, глубоко раненной "безбрежным еврейским горем". Ощущение ответственности за судьбу народа, готовность принять на свои плечи, плечи образованной молодежи, бремя его бедствий и осознание исторической, роковой важности принимаемого решения — таково было умонастроение в этих молодежных кружках. Из герцлевского сионизма они взяли отрицание диаспоры. К ней они относились с полнейшим пессимизмом — приговор был окончательный и не подлежал изменению — в диаспоре еврейский

народ ожидало полное исчезновение — таков был результат анализа окружающей их еврейской жизни. "Наяву и во сне мы видели сверкание занесенного над нами меча... В темных еврейских переулках Вильны, в их голоде, грязи, в назойливом гомоне их копеечного существования дышали мы воздухом гибели".

Аргументируя свой беспросветный пессимизм, они ссылались на теорию депролетаризации, которая имела хождение в кружках и интерпретировалась либо по Нахману Сыркину, либо по Беру Борохову. Согласно одному источнику, Берл считал себя ревностным сторонником этой теории и, надо думать, не раз развивал ее в задушевных, продолжавшихся за полночь беседах в дружеском кружке. Суть этой теории состояла в отрицании возможности для еврейского народа жить в диаспоре трудовой жизнью.

Второй пункт, воспринятый кружком Берла от Герцля, был территориализм, то есть необходимость превратить безземельный народ в народ, живущий на своей земле. Если Герцль приводил логические и политические обоснования, то молодые социалисты из черты оседлости приводили социально-экономические аргументы в защиту своей идеи: лишь в собственной стране смогут евреи перейти к трудовой жизни и вновь стать нормальным народом. Еврейская аномалия выражается в отходе от физического труда широких, необеспеченных слоев нации, которые в диаспоре не могут найти себе места в процессе производства. Но в еврейской стране, где еврейский народ возродится в своем истинном образе, эта проблема получит естественное разрешение и широкие неимущие слои нации образуют многочисленный пролетариат — надежную основу нормальной структуры нового еврейского общества.

Пока казалось, что Герцлю удастся получить у султана хартию на Палестину, само собой разумелось, что страной сосредоточения еврейского народа станет Эрец-Исраэль. Но два обстоятельства отбрасывали

густую тень на Эрец: первое — продолжавшиеся провалы попыток Герцля добиться согласия Османской империи, и, параллельно с этим, предложение британского министра колоний Джозефа Чемберлена отдать евреям британскую колонию Уганда на востоке Африки (ту ее часть, где теперь находится Кения); второе — погром в Кишиневе, который после периода относительного спокойствия осветил жутким светом отношения между евреями и гоями в России. Что касается кружков, где вращался тогда Берл и в которых сформировалась группа, создавшая в начале 1905 года политическую партию сионистов-социалистов, то для них Кишиневский погром был, точно огненные письма на стене, Уганда же — искра спасения. "Что толку держаться за Палестину, пусть она и обладает культурной ценностью древности и даже определенной исторической романтикой, если она не в состоянии разрешить насущных проблем еврейства?" — говорили они. В острой полемике, разразившейся между Ционей Цион ("сионистскими сионистами") во главе с Усышкиным, активным помощником которого был тогда Борохов (в будущем один из основателей партии Поалей Цион), и территориалистами разных оттенков — члены партии сионистов-социалистов, и в том числе Берл, стояли на стороне территориалистов.

Положение Берла в этом кругу было двусмысленным: с одной стороны, сионисты-социалисты (эс-эсники) привлекали его бесповоротным отрицанием галута, глубокой связью с еврейскими массами, для которых они некоторое время были национальной по характеру и антигалутной альтернативой программе Бунда, — с другой стороны, отрыв эсэсников от Эрец-Исраэль останавливал Берла. В письме товарищам по партии, сообщая, что будет отныне участвовать в их деятельности, Берл писал, что он верит в Эрец-Исраэль, но вопрос этот еще не прояснился для него окончательно. Берл надеялся, что в конце концов партия будет вынуждена пересмотреть свою

позицию по вопросу о Палестине и, стремясь к "жизни на земле", на собственной территории, партия придет к выводу о том, что единственная страна, которую по-настоящему желают евреи, — это Эрец-Исраэль. В этом отношении Берл, по-видимому, сходилась с достаточно большим числом эсэсников. Бен-Цион Динабург (Динур) рассказывает о своем помощнике по имени Зелиг, который мечтал о еврейском государстве в Палестине, но не осмеливался высказать свое мнение после того, как руководители партии, и прежде всего Динабург и Элизер Шейн (друг Берла), заявили, что невозможно ждать, пока станет реальным переселение в Палестину, что необходимо спасать народ от вырождения в диаспоре и немедленно эмигрировать. Парень этот то и дело печально шептал про себя: "Как жалко, что нельзя устроить еврейское государство в Эрец-Исраэль".

Берл расходилась с товарищами по партии не только в палестинском вопросе. Другим камнем преткновения была проблема характера еврейской самообороны. Кишиневский погром произвел настоящий переворот в отношении еврейской молодежи к погромам. Публикация стихотворения Бялика "Сказание о погроме", где поэт бичевал бессилие и беспомощность, проявленные евреями во время погрома, стала поворотным пунктом. Начали организовываться группы самообороны ("Зелбстшц"), первая из них была создана в Гомеле при известии о готовящемся в городе погроме. Если существовало какое-то отдельное явление, способное отразить изменения в умонастроении нового поколения евреев, то это была именно самооборона, доказавшая и влияние на еврейскую молодежь новых ветров, веющих над Россией, и приверженность этой молодежи к ценностям еврейской жизни. Еврейский дух в черте оседлости был так силен, что юноша, бунтовавший против дедовских традиций, не мог в то же самое время не ощущать своей кровной связи с ними и заявлял о своей причастности к ним самым естествен-

ным образом, не нуждаясь в каких бы то ни было теоретических "доказательствах" существования еврейского народа. Поэтому результатом отхода от веры являлся не отказ от своего народа, а совершенно новая реакция на глумления над ним. "Довольно покорности и согнутых спин — отныне мы гордо и мужественно требуем уважения к народу Израиля и его безопасности!" — такова была воинственная и гневная позиция Берла и его друзей, в отличие от пассивного горя, характерного для прошлых поколений.

К описанным выше кружкам еврейской интеллигенции был близок и еврейский юноша Пинхас Дашевский. Вооружившись ножом, он совершил в Петербурге покушение на Крушевана, считавшегося организатором погрома в Кишиневе, и ранил его. Дашевского арестовали и предали суду. Крушewan остался в живых, но покушение имело двойкий результат: оно обратило внимание общественного мнения на то, что правительство подстрекало погромщиков, и подняло на борьбу многих молодых евреев из черты оседлости. Кажется, все, кто впоследствии рассказывал историю тех бурных лет, на едином дыхании говорили о Кишиневском погроме и покушении Дашевского — наконец-то нашелся еврейский мститель, поступивший так же, как русские эсеры, отвечавшие террористическими актами на глумление над своими товарищами!

Партия сионистов-социалистов не признавала террора. Не только руководители партии отрицали террор по идейным соображениям, но и рядовые ее члены с отвращением отворачивались от него.

Берл же отказался принять в этом вопросе партийную точку зрения. В 1904 году, когда ему было семнадцать лет, он находился во время погрома в местечке Смилна и принимал деятельное участие в добывании оружия для нужд самообороны. Но самооборона не удовлетворяла его, он считал, что "евреям надо поступать так же, как эсеры поступают

с русским правительством, — надо мстить”. По мнению Берла, месть имела не только большое значение за пределами еврейского мира, но играла не менее важную роль внутри него: если у погромщиков она должна была вызвать страх и опасение, то в среде еврейства она была нужна для воспитания евреев нового типа — людей революционного образа мыслей, смелых, волевых, решительных, готовых на самопожертвование. Поэтому так значителен был поступок Пинхаса Дашевского, поэтому неверным был, по мнению Берла, приговор партии эсэсников по этому вопросу.

Странствуя по России, Берл наезжал и в Польшу, особенно в Варшаву. Бывая там, он останавливался у своих родственников Табенкиных. В то время Берл уже принадлежал к партии Поалей Цион — территориалистов (эсэсников), как и все его земляки, состоявшие в Поалей Цион, и поэтому не соглашался с Ицхаком Табенкиным, твердо стоявшим на Палестинской платформе.

Несмотря на эти разногласия, Берл помогал Ицхаку в его организационной работе. По словам Табенкина, Берл участвовал в организации стачки варшавских старьевщиков. В Варшаве застала Берла первая русская революция.

В Кровавое воскресенье, 9 января 1905 года, Берл и Ицхак бродили в окрестностях Варшавы. Стихийно началась большая демонстрация, на улицах полиция и солдаты стреляли в толпу. Берл собирался тогда в Цюрих, где ждали его занятия в университете, так долго бывшие пределом желаний молодого экстерна-самоучки. Но зрелище, представившееся его глазам на варшавских улицах, потрясло его до такой степени, что он отменил намеченную поездку в Цюрих и решил посвятить себя революционной деятельности.

Пожалуй, 1905 год является самым важным для понимания развития личности Берла в период, предшествовавший его переезду в Эрец. Тем не менее, именно этот год наиболее слабо изучен в биографии

Берла Кацнельсона. До нас не дошло ни одного письма, написанного Берлом в тот год, богатый странствиями и событиями. Берлу было восемнадцать, и его, как многих других юношей, увлек за собой вал революционной борьбы. Из Варшавы он спешно возвратился домой в Бобруйск. Потом, видимо, снова уехал в Варшаву, где весной 1905 года участвовал в нескончаемых дебатах между Бороховым и территориалистами. Тут снова сказалась двойственность позиции Берла: являясь одним из ораторов территориалистского направления, он, по его собственным словам, развивал идеи о связи евреев с Эрец-Исраэль.

В тот период он решил стать формальным членом партии сионистов-социалистов, которая уже охватила широкие слои еврейства. Но вступив в партию, Берл не замедлил разочароваться в ней — главным образом, ввиду ее отношения к террору, о чем уже писалось выше. В Кишиневе и Гомеле Берл пережил много тяжелого, виденное там настолько потрясло его, что и много лет спустя он отказывался говорить об этом. Младшая сестра Берла, Хана, была свидетельницей его активной работы в бобруйской организации самообороны, которая возникла, когда начали ходить слухи о готовящемся погроме. Он ушел из дома, как видно, из конспиративных соображений и поселился в темной комнатке у одного из родственников. А однажды сестра застала его днем в постели — казак избил его нагайкой. Этого унижения Берл никогда не забудет. Вскоре он оставил партию сионистов-социалистов и летом 1905 года примкнул к новой группе "Возрождение", из которой впоследствии сформировалась "Сеймистская" партия. Члены ее считали, что прежде чем заниматься бесплодными поисками территории для эмиграции, следует пробудить творческие силы народа, живущего в диаспоре, ибо без этого ничего добиться нельзя. Избавлению еврейского народа от галута должно предшествовать "еврейское бытие" в условиях диаспоры. А когда

народ возродится и силы его окрепнут, он сам изъявит свою волю и решит вопрос о территории проживания. К Палестине новая партия относилась по принципу "поживем — увидим". А вот террор оказался для нее более допустимым, чем для сионистов-социалистов. В сентябре 1905 года в местечке Крочи Могилевской губернии собрались для обсуждения программы руководители новой группы: Иехуда Новаковский, Аврахам Разин (Бен-Адир), Шимон Довин, Нахум Шатиф, М. Зильберфарб. Некоторые из них были товарищами Берла с самого начала его экстерновских скитаний.

Берл тоже приехал в Крочи и принял активное участие в работе съезда. Он выступил с речью, в которой высказался против превращения движения в партию. Он предпочитал, чтобы люди, которых он глубоко уважал и с которыми остался в близких отношениях и впоследствии (особенно с Бен-Адиром), ограничились бы текущей критикой и не пытались создавать новую партию с собственной подробной программой и платформой. Речь Берла вызвала бурные споры. Предложение его было в конце концов отвергнуто. Сблизившись с группой "Возрождение", Берл взялся за организационную работу среди еврейского и русского населения, созывал собрания рабочих, где яростно выступал против Бунда. Протекала эта деятельность Берла на юге России, насколько можно судить теперь, в Одессе и Екатеринославе. По свидетельству М. Зильберфарба, старания Берла не увенчались успехом, ему не удалось создать ни одного рабочего кружка, привлечь к движению ни одного настоящего пролетария. Вскоре Берл охладел и к новой группе, и к своей работе в ней. По его словам, он отрезвел от восторженного преклонения перед руководителями движения, их широкой образованностью, эрудицией в еврейских и социалистических проблемах, глубиной и оригинальностью их мышления, когда увидел, сколь необоснованной была их критика в адрес других партий, например, Бунда. Как-то Берл

попробовал даже апеллировать по этому поводу к одному из вождей движения, но тот ответил ему, что надо уметь отличать высшую правоту от правоты политической. И этот ответ "сразу же показал мне противоречие между практикой политического руководства и ее изначальными целями и декларациями... И именно это, в известном смысле, положило конец моим связям с этим движением", — так объяснял зрелый Берл отход юноши-Берла от схватки идей, от поисков единственно правильного политического пути. Итак, острый кризис юношеского мировоззрения, характеризовавший это десятилетие жизни Берла, привел его к отрицанию беспощадной критики.

Как в палестинском вопросе, так и по отношению к ивриту позиция Берла Кацнельсона была двойственной. С одной стороны, он хранил верность ивриту — его письмо о вступлении в партию сионистов-социалистов написано на иврите! Но, с другой стороны, в контактах с внешним миром он выступал законченным идишистом. В первый год революции он получил работу в бобруйской школе, организованной "Обществом по распространению просвещения", которое боролось за распространение русского образования среди еврейской молодежи. Берл должен был преподавать иврит и еврейские дисциплины девочкам из нуждающихся семей. Поняв, что ивриту он их научить не сумеет — в лучшем случае ученицы постигнут алфавит, — Берл решил преподавать им еврейскую историю и литературу на идиш — в противовес господствовавшей тогда тенденции к русификации. Поэтому он настаивал, чтобы ученицы называли его "Берл", а не переиначивали его имя на русский лад. Берл даже изложил свои педагогические идеи в письменном виде и внес предложения об изменениях в преподавании иврита и еврейской истории в школах, а также о роли идиш в учебных программах.

Если до 1904 года письма Берла написаны на иврите, то начиная с 1906 он пишет на идиш. Сеймистское движение, возникшее на базе группы

”Возрождение”, стремилось к обновлению национальной жизни в диаспоре и потому ратовало за возрождение творческого духа народа на языке народных масс — на идиш.

В 1906 году Берл жил некоторое время в Вильне и стал свидетелем ”дезертирства” молодых писателей, которые до тех пор писали на иврите, их присоединения к лагерю идишистов. Когда до этого кружка дошел выпуск издаваемого Бреннером в Лондоне журнала ”Ха-меорер” (”Пробуждение”), члены его стали сокрушаться о том, что силы такого крупного писателя как Бреннер расходятся впустую, ибо он пишет на вышедшем из употребления языке. Берла возмутила страсть, с которой молодые писатели осмеивали язык, еще вчера бывший для них естественным и родным. Как и в вопросе об Эрец-Исраэль, Берл не мог до конца понять, почему он не может забросить иврит и перейти на идиш, который он любил и который являлся в его глазах выражением еврейского национального творчества. По свидетельству самого Берла, его взгляды вытекали не из ”веры в сионизм, а из чувства оскорбленной чести, из упрямства и нежелания принадлежать к этому поколению, которое не в состоянии даже достойно умереть”.

Чувство принадлежности к самобытному народу, ответственному за свою собственную судьбу, не дало тогда Берлу полностью отождествить себя с русской революцией: ”Нас захлестнул вал мирового потока, нас пьянило вино революции, мы шли с ее воинством, революционный шторм бросал нас из стороны в сторону, все мы стали жертвами этого сокрушительного поветрия. И мы всегда чувствовали себя маленькой каплей среди кипящего моря, но у нас были свои корни, и даже революционная буря не могла оторвать нас от еврейской почвы. Мы защищали свое существование, говорили о верности самим себе, верности детей, отторгнутых от отчего дома”. Он искал тот архимедов рычаг, который поможет ему

перевернуть жизнь еврейства, — отсюда и его нескончаемые метания из одной партии в другую, из кружка в кружок. Слух о переменчивом юноше, бросающемся из стороны в сторону, разнесся далеко, и "умнейшие и лучшие" из его товарищей, посмеиваясь, спрашивали Берла, в каком "миньяне" молится он на этот раз. В 1906 году Берл пришел к выводу, что в диаспоре невозможно подлинно еврейское бытие, ибо нет сил, способных обновить его. Нет людей, для которых участь еврейства была бы не предметом бесконечных разговоров, а жизненным признанием, судьбой, нет даже никого, кто был бы способен позвать людей на такое дело. Вот в чем причина всех бесплодных споров, вот почему лучшая, идеалистически настроенная еврейская молодежь вовлекается в нееврейские движения, требующие самоотречения и дающие ответ на вопрос "что делать?". В этом выводе Берла нашло выражение его горькое разочарование в еврейских революционных течениях, разочарование, обусловленное новой обстановкой, сложившейся к тому времени в России. Окончился 1905 год, год великих надежд и русских, и еврейских революционеров. Революционный шторм стал стихать, так и не добившись коренных изменений, которые были его целью. Царский режим, воспрянув от первого шока, перешел к жестокому подавлению революционного движения. Начался разгул реакции, подкосивший надежды Берла на подлинные перемены жизни еврейства в диаспоре.

Если б не отцовское воспитание, которое накрепко врезалось в душу Берла, быть может, и он, как многие еврейские юноши, ушел бы в русскую революцию. Однако его контакты с нееврейским миром были крайне поверхностными.

Берл перестал соблюдать религиозные заповеди в ранней юности. Произошло это как-то само собой, без борения страстей, без долгих колебаний, никакого кровавого рубца не появилось в его душе. Но Песах остался для Берла событием, которое не обойдешь в письме к другу, да и трэфного он по-прежнему не ел.

Он заставлял своего брата Исраэля по два часа в день изучать Талмуд, говоря, что надо знать традиции предков. И много лет спустя, узнав, что Исраэль, эмигрировавший в Соединенные Штаты, живет в доме бывшего земляка, которого подозревали в связях с христианскими миссионерами, Берл тут же отправил брату гневное письмо. Среди имен друзей и даже знакомых Берла не фигурирует ни одного русского имени, никогда не бывало в его доме приятеля-гоя. Правда, в 1905 году он занимался пропагандистской деятельностью также и среди нееврейских рабочих, но продолжалось это, видимо, недолго и, разумеется, не оставило в душе никакого следа. Связи с русским миром были случайны, но отчаяние, вызванное в нем еврейской действительностью, сопровождалось завистью к русским революционерам. Почему нет у евреев такого движения, способного зажечь молодежь, позвать ее на самопожертвование? Но зависть эта никогда не переходила в самоунижение. Берл по самой своей природе не был способен ассимилироваться, он был застрахован от этого атмосферой своего детства, полученным воспитанием, всем жизненным опытом. Вместе с тем, Берл был слишком открыт всем новым веяниям, чтобы сохранить в непорочной целостности свою юношескую веру в сионизм.

Многие его сверстники, прошедшие сходный с ним путь, пережив жестокое разочарование, стали делать карьеру — бросили общественную деятельность и вернулись к занятиям, успешно сдавали экстерном экзамены и готовились к поступлению в университет. И Берл тоже отошел от политической деятельности (1906 год), но он искал чего-то "настоящего", что означало для него подготовку к физическому труду.

В конце 1906 года Берл решил выучиться ремеслу, связанному с физическим трудом. Впоследствии Берл будет говорить, что за этим решением стояло созревшее в нем стремление к алии в Эрец-Исраэль. От этого периода остались немногочисленные письма,

да и те обращены лишь к членам семьи, что, безусловно, ограничивает их ценность в изучении мировоззрения Берла. Мы не располагаем письмами к друзьям, написанными в тот период. И тем не менее, можно высказать сомнение относительно того, что тяга к физическому труду была связана с жизненно важным решением о переезде в Эрец. Узнав о том, что брат Исраэль собирается эмигрировать в США, Берл пишет ему резкое письмо, где горячо возражает против его скороспелого решения, против того, чтобы бросить дом, родных, все дорогое и близкое. Притом, в письме нет и тени критики относительно выбора места эмиграции — почему Америка, а не Палестина. И когда, по прошествии года, братья Хаим и Исраэль уже были в Америке и пришло известие о том, что Исраэль начал работать, Берл преисполнился радостью по поводу "пролетаризации" брата и говорил об этом примерно так же, как о собственном стремлении к физическому труду: "Это уже победа, проявление способности к действию — хоть раз почувствовать свои силы, ощутить, что ты жив..." А год спустя, весной 1908 года, Берл описывает в письме Исраэлю свои неудачи: "Мне не везет с работой, ничего не удается". В том же письме он раздумывает о возможности для себя эмигрировать в Америку, где переход еврейских юношей к физическому труду был повседневной практикой, ибо то, чего не удавалось достичь в черте оседлости за счет идеализма, быстро осуществлялось в Америке в силу жизненной необходимости. И тут по-прежнему нет ни единого упоминания, ни единого намека на Эрец-Исраэль.

Около трех лет пытался Берл заниматься физическим трудом. Сперва он работал у жестянщика, потом перебрался в другой город и поступил к кузнецу-еврею. Наконец ему посчастливилось — его приняли в прославленное Одесское ремесленное училище для евреев "Труд", где он стал заниматься токарным делом. Но — "мало того, что руки мои не

привыкли к настоящему труду, даже мозги мои не схватывают приемов работы. Глаза ничего не видят, я не понимаю, что происходит вокруг. Мне не хватает практической сметки. В глазах специалистов я стал посмешищем, меня все считают законченным болваном, неспособным научиться чему-нибудь путному”.

Берл страшно переживал свое поражение. Разочаровавшись в творческих силах еврейской интеллигенции, он попробовал перевернуть свою жизнь, доказать себе ”свою пригодность к делу” — и именно к физическому труду. И тут он на собственной шкуре испытал справедливость своих теоретических выводов о процессе депролетаризации русского еврейства — он не мог прокормиться таким трудом. Тогда-то Берл пришел к заключению, что ему нечего больше делать в России, ибо он отчаялся не в физическом труде вообще, а в возможности жить таким трудом в России. Таков был его путь ”отрицания галута”.

Он мог, разумеется, эмигрировать в Америку, это была проторенная дорога, по которой пошли многие молодые евреи, в том числе двое братьев Берла. Как уже говорилось, Берл обдумывал такую возможность, но вскоре отверг ее. Почему предпочел он Америке Палестину? Потому ли, что не мог забыть о заветах покойного отца? Или, быть может, его останавливала чуждость Америки, потеря собственного лица, бывшая уделом еврейских эмигрантов в США? Быть может, Берла устрасило самоубийство друга юности, Лейба Флакона, который уехал в Америку и нашел там страшный конец? А может, прав Абба Ахимеир, утверждавший, что Америка была слишком известной, слишком надежной, а ”Берла с детства тянуло в туман неизвестного”? Пожалуй, есть доля истины в каждом из этих предположений — кроме последнего. Ибо Берл всей душой стремился ухватиться за что-то реальное.

В возрасте двадцати—двадцати одного года, отчаявшись в возможности осмысленной жизни в России, Берл вернулся к детской мечте, от которой отказался

было в переломные годы возмужания. Сначала он прятал одолевавшую его тягу к Сиону от всех окружающих. Но убедившись, что идея эта окрепла в нем, он с дрожью в голосе поведал о ней двум близким подругам детства, своим воспитанницам Саре Шмуклер и Лее Мирон. Девушки благосклонно отнеслись к планам Берла. "Они не кажутся им такими уж сумасбродными, как я опасался загодя". Теперь Берл открылся старшему брату Хаиму: "Я хочу уехать в Эрец-Исраэль. Я хочу что-то сделать. Это желание — крохотная искорка, но у меня не хватает духу погасить ее. Меня тянет к этим упрямам, которые бросили все, чтобы попробовать начать жизнь сызнова, чтобы избавиться от галута, чтобы испытать себя". Но он все еще не уверен в себе: "Я пишу тебе, а на душе у меня еще холод. Нелегко разгореться этой искорке, но я не могу избавиться от нее. Я хотел бы быть серьезнее и думаю, что потом, когда найду себе какую-нибудь работу, во мне пробудится настоящее чувство — и к самой работе и к собственным силам. Но кто знает...".

Официальное сионистское движение и его деятели, "которые упорно проповедуют, что их программа избавит нас от всех бед", продолжали вызывать у него глубокое отвращение. Вторая половина первого десятилетия XX века была в сионистском движении периодом отрезвления от опьяняющих пророчеств Герцля. Но отрезвление это не вывело сионизм на новый путь, не появилось ни нового знамени, ни призыва к настоящему делу. Только повседневная мелочь; сионизм, символом которого была коробочка для пожертвований в Керен каемет ле-Исраэль. Берл не возлагал на свою алию особых надежд: "В душе моей не окрепла вера в то, что так можно освободить массы (и кто теперь думает о массах, ведь всеобщее равнодушие проникло и в мои кости не меньше, чем в тех, кого я так ненавижу). Но для себя, для наших евреев, я хотел бы найти другой угол, другую жизнь,

куда можно было бы сбежать из этой удушающей атмосферы”. Им двигала не любовь к Эрец-Исраэль, а ненависть к галуту.

Даже теперь, когда он уже решился на алию, Берла снедали сомнения по поводу успеха своей личной революции. Неудачные попытки приобщиться к физическому труду тяготили его. “Особенно я боюсь, что стану еще одним неудачником в многотысячной толпе праздношатающихся меламедов”, — пишет он брату. И тут же жалоба интеллигента, ищущего конкретности, практического дела: “Знал бы я бухгалтерское дело или хоть один из европейских языков — я бы уж и тем удовлетворился”.

По меньшей мере год отделял решение Берла уехать в Эрец-Исраэль от его осуществления. Берлу угрожал призыв в русскую армию. Многие еврейские парни бежали от военной службы в Палестину, особенно в период русско-японской войны. Берл не хотел поступать подобным образом. И кроме того, если бы он сбежал, матери его пришлось бы платить штраф в триста рублей, а это была огромная сумма. Поэтому Берл решил явиться на призывной пункт. Мать Берла, подобно множеству еврейских матерей в Российской империи, пошла к знакомому врачу, члену призывной комиссии, и пообещала ему двадцать пять рублей за освобождение сына от воинской повинности. Но Берлу не понадобилась протекция — его и без того освободили от службы в армии из-за низкого роста и испорченных зубов. Тайбл хотела было не давать врачу обещанной взятки, но Берл настоял на том, чтобы врач получил все полностью — он не хотел вредить другим призывникам-евреям. Как бы то ни было, осенью 1909 года Берл уже исполнил свои воинские обязанности перед царским правительством. Но на пути к алие стояло еще одно препятствие — не было денег на дорогу. Тайбл Кацнельсон с трудом зарабатывала на себя и дочерей, и сын не хотел обременять ее своими расходами. Он нашел работу в той самой городской библиотеке, где

работал юношей. Ему положили ежемесячное жалование в двадцать пять рублей за составление каталога еврейских и русских книг. Составленный Берлом каталог удостоился премии Общества по распространению просвещения, и таким образом Берлу удалось скопить триста пятьдесят рублей, нужных на дорогу до Палестины.

Впоследствии, описывая последний год своей жизни в России, Берл говорил о нем как о периоде упорной подготовки к работе в Эрец, как о задержке "по техническим причинам". Но еще накануне праздника Песах 1909 года он писал в Америку брату Исраэлю: "Я все еще стою на распутье. Думаю через пару недель написать тебе про себя что-нибудь новенькое. Надеюсь на это, но пока дело окончательно не решено, мне не хочется писать тебе о нем". Вскоре Берл заразился тифом и долгие месяцы боролся с болезнью. Много лет спустя Берл так вспоминал эти события: у него был сильный жар, он бредил, и в бреду открыл матери свое намерение отправиться в Эрец-Исраэль. Мать же рассказывала об этом иначе: будто он сообщил ей о своем желании уехать за границу еще до болезни. А потом она нашла на его столе путеводитель по Палестине, поняла, о какой стране он мечтает, расплакалась и пыталась отговорить сына, "потому что Эрец-Исраэль была тогда чужой". Но когда Берл заболел, она дала обет, что если он выздоровеет, она не будет его более удерживать.

Как бы то ни было, оправившись от болезни, Берл окончательно решил уехать в Эрец. Осенним днем 1909 года поднялся он на борт грузового парохода, ходившего по Березине, и отплыл в Киев, откуда намеревался добраться до Одессы. Из-за скудости средств Берл не мог позволить себе прямой железнодорожный билет из Бобруйска до Одессы, а потому выбрал более медленный, но зато и более дешевый путь — речной. И быть может, это неторопливое плавание стало для него прощанием со страной, где он родился.

В сентябре 1909 года Берл прибыл в Одессу. Накануне своего отъезда в Эрец он написал брату Хаиму: "Я еду не ради кого-то или чего-то, но исключительно ради себя самого. Так я больше жить не могу. Если б даже мои сокровенные мысли о будущем еврейства были беспросветно-мрачными, то и тогда — пусть возможность уцелеть и высвободиться из галута существует лишь для нескольких десятков евреев — я буду среди них. Это мне предельно ясно... Во всех нас (Кацнельсонах. — *Прим. автора*) живет какой-то дух, не дающий нам примириться с галутом. И потому я думаю, что если существует возможность спасения, трудовой жизни — не нам упускать эту возможность".

А два-три дня спустя Давид и Рахел Жуховицкие (впоследствии Заккаи), стоя на палубе корабля, отплывавшего в Палестину, увидели, как по трапу поднимается невысокий черноволосый кудрявый паренек с заплечным мешком и чемоданом. Давид и Рахел сразу признали в нем еврея, да и их внешность, видимо, не вызвала у него сомнений. Опустив свою ношу на палубу рядом с четой Жуховицких, он попросил их присмотреть за вещами и поспешил вернуться на причал, так и не успев представиться. Пароход вот-вот отплывал, а паренек все еще не появлялся. Буквально в последнюю минуту он, наконец, появился "вспотевший, прижимая к себе каждой рукой по арбузу". Так с двумя арбузами под мышками и отплыл Берл Кацнельсон в неведомое.

Алия Берла Кацнельсона не произвела особого впечатления на его знакомых в России. Немало народу и до него уезжало в Палестину, потом многие из этих неудавшихся олим держали путь дальше — в Америку и даже возвращались назад, в Россию. Никто не считал переезд в Палестину чем-то окончательным, бесповоротным — тем более, если речь шла о молодом человеке, который уже успел перепробовать большинство еврейско-социалистических движений. Неудивительно поэтому, что когда Бен-Цион

Динабург услышал от их общего приятеля Элизера Шейна про отъезд Берла в Эрец-Исраэль, то спросил: "Что толку в такой алии и насколько она серьезна?" Шейн, взвешивая каждое слово, ответил: "Берл уехал в Эрец после длительной самоподготовки и после очень долгих раздумий... Это будет настоящее дело и не только для него одного. Оно по-настоящему скажется на всей Эрец-Исраэль".

Несколько месяцев спустя бывшие члены партии сионистов-социалистов — разочарованные, подавленные, сбившиеся с пути — устроили дружескую вечеринку. И Бени Фридланд (один из лидеров движения), вернувшийся из странствий по белу свету, рассказал товарищам о своей встрече с недавним "вундеркиндом от революции" — они столкнулись на ярко освещенной крыше яффского кафе, в первый вечер после приезда Берла Кацнельсона в Эрец. Берл изумился, узнав, что Бени собирается наутро покинуть Палестину. Фридланд, в свою очередь, поразился виду новоиспеченного оле. "Он выглядел очень счастливым, и у меня осталось впечатление, что он приехал в Эрец-Исраэль как человек, спасшийся с потерпевшего крушение корабля, уцепившийся за последнюю доску, с которой и прибило его к берегу..."

Познание страны и себя 1909-1919

Я ф ф а

Берл не был среди зачинателей Второй алии. В 1909 году, когда он приехал в Эрец, первая, главная волна ее уже схлынула. Начавшись в 1904 году с приездом в Палестину группы молодежи Гомеля, волна эта продолжалась в период русско-японской войны и неудавшейся революции 1905 года. Берл приехал в Эрец на исходе Второй алии, уже после того, как обрисовался ее характер, определились ее основные черты. Во главе ее стояли две рабочие партии — националистическая ха-Поэл ха-Цаир (Молодой рабочий) и Поалей Цион, исповедовавшая социализм по Борохову. Партии эти вели между собой непримиримую борьбу. Газета "Ха-поэл ха-цаир" завоевала читателей как первая газета на иврите, одушевленная новыми идеями. Первым печатным органом партии Поалей Цион была газета на идиш "Дер анфанг" ("Начало"), уступившая затем место ивритской "Ха-ахдут" ("Единство"). Организация Бар-Гиора уже влилась в организацию ха-Шомер, и несколько ее членов пали жертвой в борьбе с арабским террором. Коллектив единомышленников, основавший Седжеру, после года совместной работы стоял на пороге раскола. Уже было основано поселение Далейка на озере Киннерет, а на приобретенной у арабов земле Умм-Джунни, которой со

временем предстояло стать киббуцом Дгания, уже прошла первая пахота. Рабочие Галилеи уже объединились в профсоюзную организацию ха-Хореш (Пахарь). На пустынных песках к северу от Яффы уже строились первые дома нового поселка, ставшего впоследствии Тель-Авивом, а в Яффе появилась "Ивритская гимназия" ("Герцлия"), где стали учиться дети из состоятельных семей. Рядом с Петах-Тиквой возникло новое рабочее поселение под названием Эйн-Ганим. Иосеф Хаим Бреннер поселился в Палестине и успел уже оставить работу в редакции газеты "Ха-позл ха-цаир". В Эрец уже приехали и Шмуэль Иосеф Агнон, и Давид Шимонович, и будущие лидеры рабочего движения: Ицхак Бен-Цви, Рахел Янаит, Исраэль Шохат, Давид Бен-Гурион, Иосеф Аронович, Ицхак Вилканский и другие.

Проблемы, занявшие центральное место в жизни Второй алии, тоже успели уже наметиться и определиться: отношения с крестьянами-землевладельцами, ветеранами Первой алии, которые не находили общего языка с новыми иммигрантами; проблема еврейского труда или, вернее сказать, арабского труда в еврейских поселениях; проблема завоевания труда и все, с нею связанное, — уже были вполне ясны. В 1909 году в составе Всемирной сионистской организации был образован палестинский отдел, который должен был способствовать поселенческой деятельности в Палестине. Главой отдела был назначен молодой, но уже "застегнутый на все пуговицы" доктор Артур Руппин из Пруссии.

Во времена Второй алии уже существовали еврейские поселения в Иудее, Самарии и Галилее. И хотя молодежь Второй алии беспощадно критиковала их, само их существование служило новоприбывшим хотя бы шаткой опорой в первые месяцы. Уже тот факт, что было на кого жаловаться, являлся каким-то утешением, давал надежду на будущее, ибо это был урок, путеводная вежа, показывавшая, чего надо остерегаться. В Эрец уже заново началась еврейская

жизнь, она была далека от первых надежд и, уж конечно, от ожиданий молодых энтузиастов Второй алии, но ее существование ободряло. Рядом с нею и в противовес ей новички создавали свои собственные организации, строили планы и даже делали первые робкие шаги в их осуществлении.

Берл не был и самым молодым среди молодежи Второй алии. В год приезда в Эрец ему исполнилось двадцать два года. Большинство его товарищей по алии приехало в более молодом возрасте. Он приехал поздно. Для других не были характерны ни его прошлый извилистый путь, ни ощущение беженца, спасающегося от катастрофы, приведшее Берла в Эрец. Многие-многие из них приехали с наивной юношеской верой в сионизм, пылая стремлением построить в Эрец-Исраэль новое еврейское общество. Отчаянное разочарование во всем, которое Берл в зрелости считал характерным мироощущением людей Второй алии, было на деле присуще лишь ему самому да, пожалуй, еще небольшой группе новоприбывших, выразителем настроений которой стал Бреннер. Другие — ни Бен-Цви, ни Бен-Гурион, ни Шпринцак, ни Аронович, ни Рахел Кацнельсон, ни Рахел Блувштейн (будущая поэтесса), ни Элизер Яффе, ни Иосеф Бусель, ни Ицхак Табенкин и многие другие — не разделяли душевных страданий Берла, его "сложных отношений" с сионизмом.

Здесь, быть может, истоки острой реакции Берла на первую встречу с Эрец-Исраэль. После двенадцатидневного плавания по Черному морю, миновав Стамбул, Измир, Бейрут, Берл прибыл к берегам Палестины и высадился в Яффском порту.

Его встретили обычный шум и суматоха портового города: арабы на своих лодках, сразу же завладевавшие новоприбывшим и переправлявшие его вместе с пожитками на берег, прежде чем он успевал опомниться; вавилонская путаница языков: арабского, идиш, русского; новые краски и запахи, палящий зной августовского дня. К ощущению чуждости нового

мира примешивалась давящая душу встреча с "отчаявшимися" — ведь Яффа не только принимала олим, именно отсюда уезжали и люди, покидавшие Эрец. И количество их было весьма и весьма велико. Берл так впоследствии описывал это зрелище: "Уезжавшие во много раз превосходили количеством прибывавших... Увы, Палестина и для наших братьев место проезжее. Приезжают посмотреть — и возвращаются назад..." Алия не входила в число "основных добродетелей" сионизма. Можно было быть хорошим сионистом и провести всю жизнь в галуте. Лидеры сионистского движения отнюдь не считали, что сионизм обязывает их и в самом деле поменять родину и образ жизни, отказаться от знакомого мира, покинуть страну, где уже сотни лет покоятся их предки. Таковы были Шмарьяху Левин, Нахум Соколов, Давид Вольфсон, Иехиэль Членов и, разумеется, люди предшествующего поколения, скажем, Пинскер или Лиленблум. Алия в Эрец воспринималась обычно как некая авантюра или курьез, а совсем не как непреложный личный долг. А потому и те, кто приезжали в Эрец, не рассматривали свою алию как поворотный, необратимый поступок. Связи между Эрец и диаспорой были крепкими, границы — открытыми, и евреи все время ездили туда-сюда. Согласно более поздней оценке Бен-Гуриона, 90% олим, приехавших в Палестину за десятилетие 1904—1914 годы, уехали обратно. Даже если эта оценка преувеличена — а думать так нет никаких оснований — она все же свидетельствует о масштабе иериды (отъезда из Эрец), которая сопровождала алию, как неразлучная сестра. Многие приезжали в Палестину не по внутреннему убеждению, а по самым разнообразным причинам, в том числе потому, что дорога туда была гораздо дешевле, чем в Америку. Немало молодых людей, особенно во время русско-японской войны, сбежав от призыва в царскую армию, искали убежища в Палестине. Были и такие, что приезжали из сионистских побуждений, но не выдерживали

столкновения с ожидавшей их тяжелой действительностью. Некоторых гнал из Эрец голод, иных — болезни, третьи просто истосковались по оставленной семье и родному дому, по привычной природе. А были еще и "умники", отчаявшиеся в реальности сионистской идеи при виде жалких попыток ее воплощения в жизнь.

Как уже говорилось, алия в Эрец не считалась в те дни чем-то бесповоротным. Это подтверждает и изучение биографий лидеров палестинского рабочего движения: сколь многие из них частенько посещали Россию. Один ехал, чтоб получить освобождение от призыва в армию, другой — чтоб поддержать семью, третий — учиться. Что толкало этих людей так часто "навещать родину"? Только тоска по дому? Или, быть может, желание немного отдохнуть от жестокого климата, болезней, скверной пищи? Или потребность отдохнуть от тяжелой работы, страха перед надвигающимся кризисом? Надо думать, все эти факторы соединялись тут в одно целое.

Итак, нечего удивляться тому, что, ступив на берег, новоприбывшие наталкивались на множество отъезжавших. Еще на пароходе Берлу повстречались люди, поднявшиеся на борт, чтобы встретить приезжих. Спросив новичков: "Зачем ты приехал?" — они тут же пустились в объяснения и рассказы, должныствующие убедить новоприбывших в величайшей глупости их поступка. Много лет спустя Берл так описывал это зрелище: "Их злорадство, упоение собственным поражением и презрение к Палестине, насмешки над наивностью новичков — не знаю, видел ли я за всю свою жизнь в Эрец что-нибудь более потрясающее и ужасающее, чем эта встреча". Берл хорошо знал, что такое отчаяние, он должен был понять и даже уважать его. Но горькое отчаяние разбитой души совсем не то, что эта злорадная ненависть к тем, кто продолжает держаться, эти издевательства и насмешки над всем, что происходит в Эрец.

Отправляясь в Эрец, Берл не считал себя сионистом. Но его реакция на первое соприкосновение со страной была почти мистической: "Уже вступив на берег, я ясно понял, что это последний берег. Все, что было прежде, для меня кончилось... Я знал, что другого берега для меня не будет", — рассказывал он. Это чувство тоже не было характерно для его сверстников. Не имея, подобно Берлу, за плечами многолетнего спора с сионизмом, они не пережили и того душевного переворота, который испытал он, едва ступив на берег. Он по-прежнему не считал себя сионистом и не мог объяснить свой приезд в Эрец, но сверх всех аргументов и логических рассуждений был твердо убежден, что нашел наконец свое место в жизни.

Пройдут десять лет, прежде чем Берл уедет из Эрец. В противоположность своим друзьям, он ни разу не ездил погостить "домой" — в Россию. Он не поехал ни учиться, ни "укреплять здоровье". А когда поехал — по заданию партии, — то уж в радикально изменившейся обстановке, но даже тогда Агнон (еще до Первой мировой войны уехавший учиться за границу) видел, что Берлу поездка эта была малопривлекательна. За все десять лет Берл не строил никаких планов поездки за границу. Он, точно спасшийся при кораблекрушении, изо всех сил цеплялся за доску спасения, боясь оторваться от нее.

Год первый

Берл приехал в Эрец 21 зула 5669 (1909) года. Чтобы избежать споров с группой уезжавших из Эрец, он решил не останавливаться в известной гостинице "Хаим-Барух", а вместе со своими спутниками по путешествию Давидом и Рахел Жуховицкими (Заккаи) поселился в другой гостинице. Изо дня в день отправлялся он на строительство "поселка" искать работу — и не находил. Яффа казалась ему тем же

галутом, жизнь там теряла искомый смысл: это был город, где кипела извечная еврейская полемика, так хорошо ему знакомая: "...все мысли висят в воздухе, болтаются из стороны в сторону безо всякого толку". После того, как в тягостном ощущении бездействия прошел праздник Рош-ха-Шана, Берл решил взять судьбу в собственные руки и, несмотря на предостережения "ветеранов", отправился, по обычаю всех новых иммигрантов, в самое крупное и ближайшее к Яффе из еврейских поселений — в Петах-Тикву.

Первые его впечатления о Петах-Тикве были неоднородны: "Здесь смешались свет и тень — надежда и отчаяние. Между ними нет четких линий". Зеленая деревня с красивой главной улицей и чересчур шикарными, на вкус Берла, домами. Дух роскоши, подобающий не настоящей деревне, а скорее, кварталу нуворишей. Но радовали душу признаки еврейской государственности: регулярное дилижансовое сообщение с Яффой, почтовые марки, которые печатались в Петах-Тикве вместе с денежными банкнотами, имевшими хождение по всей округе, и у евреев, и у арабов. Все это нельзя было не поставить в заслугу "матери еврейских поселений". Но высокомерие хозяев Петах-Тиквы и безработица среди рабочих-евреев, скопившихся в известной гостинице Рабиновича, произвели на Берла скверное впечатление.

Наутро после прибытия в Петах-Тикву Берл отправился в Эйн-Ганим — рабочее поселение, возникшее годом раньше, в 1908 году, при помощи одесского комитета, который приобрел землю и предоставил каждой семье надел в пятнадцать дунамов. Это была первая попытка конструктивного решения проблемы еврейского труда. Пионеры Второй алии стремились стать сельскохозяйственными рабочими — завоевать право на сельскохозяйственный труд. Он привлекал их, во-первых, тем, что другой работы в тогдашней Палестине не имелось, а во-вто-

рых, потому, что отвечал сформировавшимся у них еще в России идеалам возвращения к земле, естественному образу жизни, к исконным занятиям, которые были жизненно необходимы для строительства нормального еврейского общества в Эрец-Исраэль. Они мечтали создать в Эрец еврейский пролетариат — надежный фундамент здорового общества. Партия ха-Поэл ха-цаир начертала на своем знамени лозунг: "Решающее условие практического осуществления сионизма — это завоевание евреями всех рабочих специальностей в Эрец-Исраэль". Такова была третья составная часть идеи завоевания труда — сионизм невозможно воплотить в жизнь, пока еврейский народ собственными руками не построит свою страну. Без этого евреи не станут большинством в Палестине. Только в поте лица своего, только самоотверженным трудом снова приобретет еврейский народ право на Эрец-Исраэль. Ибо неверующую и гордящуюся своим атеизмом молодежь Второй алии, а особенно социалистов — членов Поалей-Цион не устраивали аргументы, обосновывающие право еврейского народа на Эрец-Исраэль его исторической связью с ней, а также догматами веры и строками Библии. И подобно тому, как русские революционеры верили в то, что земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает, так и молодые сионисты видели в практическом труде источник права на землю Палестины. Поэтому так потрясены были эти молодые, готовые к самопожертвованию и уверенные в своей правоте идеалисты, встретившись с крестьянством зажиточных старых поселений и особенно самого богатого из них — Петах-Тиквы. Эти крестьяне, прошедшие через годы голода и мучений, достигшие наконец известного богатства, не торопились предоставлять работу евреям: опытные арабские рабочие были выгоднее молокососов, которые до приезда в Эрец в глаза не видели мотыги; к тому же нужды и требования арабов были куда скромнее. Наконец новоявленные еврейские рабочие во всеуслышание

кричали об отказе от традиций, а это очень задевало набожных крестьян из Петах-Тиквы. Да и вообще, не находилось у крестьян, говоривших на идиш и арабском, общего языка с приезжей молодежью, упрямо говорившей на иврите, да еще с сефардским произношением, — дело тут было не только в языковых различиях, но в разнице мировоззрения, отношения к жизни, к сионистской идее и путям ее осуществления. Здесь сталкивались два поколения, две полярно противоположные цивилизации: молодое общество со старым, религиозное с атеистическим, консервативное с передовым. Не понадобилось поэтому много времени, чтобы между ними вспыхнула взаимная вражда. Крестьяне предпочитали нанимать арабских рабочих, лишь немногие из них — кто из принципиальных соображений, кто из жалости — брали на работу евреев, а молодые рабочие, мучаясь от голода и глядя на покидающих Эрец отчаявшихся товарищей, возненавидели крестьян-богатеев.

И все же во главе угла стояла не проблема культурных различий и даже не проблема занятости, а вопрос о том, способна ли образованная еврейская молодежь заниматься тяжелым, изнурительным, однообразным и кропотливым сельскохозяйственным трудом, и если да, то сумеет ли она, живя на земле, прокормиться, создать семью, построить дома. Эти вопросы в 5668 (1908) году и в последующие годы вызывали "великое отчаяние" у энтузиастов Второй алии.

Следует учесть, что если первый из этих вопросов — способность отдельного человека вынести испытания — носил субъективный характер, то второй из них был объективным: образованный еврейский рабочий, даже если находил работу, не мог жить на ту мизерную плату, которую платил крестьянин. Люди Второй алии приходили в ужас от одной мысли о халукке, о "паразитизме" — перед их глазами стояла судьба участников Первой алии, которые ради получения финансовой поддержки барона Ротшильда добро-

вольно пошли к нему в кабалу, приняли его опеку, отказавшись тем самым от независимости и собственной инициативы, исказив свою истинную сущность. Стремясь избежать аналогичной судьбы и сохранить свою независимость, пионеры Второй алии остерегались любой поддержки. Опасаясь даже тени чего-либо подобного халукке, они порой отказывались даже от поддержки сионистских организаций. По тем же причинам они запрашивали с крестьян такую же плату, как та, которую получал арабский поденщик, и страшно оскорблялись, если подозревали, будто им заплатили больше оттого, что они евреи. Однако для араба работа на еврейских полях была своего рода побочным заработком — он жил в деревне, прилегавшей к еврейскому поселению, у него был свой дом, свои поля, где работали члены его семьи, а потому работа у евреев давала лишь прибавку к обычным доходам. Пищу ему готовили дома, за жилье платить ему тоже не было нужды. Рабочий-еврей, напротив, должен был из своей скудной зарплаты платить и за питание, и за квартиру, не имея притом никаких дополнительных источников дохода. Лишь немногие из еврейских рабочих получали финансовую поддержку из дома. Заработка же едва хватало на еду, а потому приходилось отказывать себе в книгах, газетах и других "культурных излишествах". Если же рабочий заболел — а в тогдашних условиях болезни подстерегали его на каждом шагу — и не мог работать, то был обречен на голод. О том, чтобы завести семью, разумеется, нечего было и помышлять. В первые годы Второй алии эта проблема еще не бросалась в глаза. Но когда молодые люди стали старше и им опостылела холостяцкая жизнь с ее вечным чувством одиночества, то проблема заработка, необходимого для обзаведения семьей, стала со всей остротой. Основание поселения Эйн-Ганим и было первой попыткой решения этой проблемы. Семье рабочего предоставляли там надел в пятнадцать дунамов, где можно было построить дом и завести

небольшое хозяйство: огород, молочную корову, за которыми смогли бы смотреть жена и дети. Это позволило бы разнообразить питание семьи, расширило бы ее возможности, тогда как отец семейства оставался бы по-прежнему наемным рабочим в Петах-Тикве. Эйн-Ганим был создан на основе свободного выбора его будущих жителей, без какой бы то ни было посторонней опеки и при полном сохранении принципа еврейского труда.

В эту-то "маленькую свободную республику" и отправился Берл. Здесь ему сразу все полюбилось: дух молодости, веселье, простота, свобода — все так непохоже на чопорную и набожную Петах-Тикву. Здесь он впервые увидел настоящего ветерана Эрец-Исраэль — рабочего, прожившего тут уже шесть лет. После йордим, на которых он насмотрелся в Яффе, после отчаявшихся рабочих, с которыми жил он в гостинице Петах-Тиквы, одна эта встреча уже придавала бодрости. Рабочие Эйн-Ганим радушно встретили новичка. Проведя ночь под кровом одного из гостеприимных домов деревеньки и хорошенько отдохнув, Берл, наконец, впервые в жизни вышел работать в поле.

Берл шел на работу с душевным трепетом. Его преследовали воспоминания о неудачных попытках приобщиться к физическому труду в России. Проверка трудом была главным жизненным испытанием для этого еврейского интеллигента из черты оседлости, который считал, что алия в Эрец должна повернуть всю его жизнь. Ибо для него осмысленная жизнь означала жизнь трудовую, основанную именно на физическом труде.

Страх нового провала неотступно следовал за ним. Даже убедившись, что справляется с работой, Берл все еще не мог верить в себя. Он боялся пропустить даже один рабочий день, чтобы не отвыкнуть от работы, становившейся для него естественной. И потому, когда в середине недели праздника Суккот его пригласили в Яффу на съезд

партии ха-Поэл ха-цаир, он не поддавался искушению и боясь, что ему трудно будет вернуться на работу, упустил возможность побывать на первом, после приезда в Эрец, съезде партии.

Первые впечатления Берла от новой жизни носили ярко-палестинскую окраску. Совместные трапезы после работы, несмотря на скудость самой пищи и небрежность сервировки, приводили его в восторг. Он остро ощущал свои успехи в работе. Его радовал труд на лоне природы, вид Иудейских гор на горизонте, купание в речке после летнего трудового дня и вечерняя приятная усталость. "Хорошо, так хорошо, что не находишь слов, чтобы выразить физическое ощущение счастья". Много лет спустя Берл будет так вспоминать эти незабываемые впечатления: "Как описать выпавшее мне счастье? Трудовые дни, когда я жадно глотал воздух Эрец. Отдых после работы, когда можно растянуться на земле Эйн-Ганим..." Ему было трудно, но он этого даже не замечал. Усталость, столь приятная поначалу, изнеможение были так велики, что не хотелось даже книгу взять в руки, что письмо домой требовало невероятных усилий. Он был не в силах даже газету прочесть и уж подавно не было никакой охоты идти в Петах-Тикву, чтоб покопаться в тамошней библиотеке. За первые три месяца жизни в Эрец Берл ни разу не выезжал из Эйн-Ганим, даже по субботам и праздникам он не ходил в долгие прогулки — все от той же "приятной" усталости. Но он был так счастлив, что справился с работой, что отход от всякой духовной жизни казался ему добрым предзнаменованием, обещавшим перемену в характере, он не понимал, что это был просто результат непреходящей усталости.

Но несмотря на идеализацию действительности, вызванную энтузиазмом первых дней, Берл не закрывал глаза на ее теневые стороны: еврейский эксплуататор, не брезговавший кнутом, чтобы управлять арабами, составлявшими большинство рабочих;

евреи-надсмотрщики, вчера бывшие наиболее прилежными рабочими, а сегодня утратившие всякий стыд, не понимающие унизости своего занятия. Да и еврейские рабочие, его товарищи по труду, тоже были не без греха, они подчас работали спустя рукава, но если появлялся надсмотрщик, сразу начинали добросовестно трудиться, а если он был не в духе, то из кожи вон лезли, чтобы ублажить его. Берл, еще новичок, сгорал от стыда и в то же время он понимал этих жалких поденщиков. Даже простоту обращения и свободу от материальной собственности — эти, на первый взгляд, положительные черты пролетариев — Берл видит в их истинном свете: "Здесьняя отчаянная, беспросветная бедность". Ему нравится взаимопомощь и гостеприимство рабочих, но он и тут видит изъяны: двери дома ни на минуту не закрываются, "здесь, видно, не признают права человека побыть наедине с собой".

Но все эти недостатки не могли омрачить ему радость новой жизни. А потом к ней присоединилось счастье знакомства с двумя людьми, с которыми в будущем свяжут его крепчайшие душевные узы. Это были И. Х. Бреннер и А. Д. Гордон.

Бреннер приехал в Эрец на полгода раньше Берла. В его рассказах, особенно "Среди вод" и "Вокруг точки", где отражались переживания еврейского юноши из черты оседлости, запутавшегося в еврейских и русских революционных движениях, Берл находил правдивое и искреннее описание своих метаний. Приверженность Бреннера к ивриту в те годы, когда большинство молодых еврейских писателей, особенно добившихся известности, перешло на идиш, тоже привлекала Берла. Это был вызов всем тем, кто так легко расставался с наследием отцов и шел за чужими знаменами, — а Берл достаточно навиделся таких людей среди своих знакомых. Боль Бреннера, его презрение к современной жизни еврейства в галуте и к человеческому типу, порожденному этой жизнью, его беспросветное отчаяние — тоже были

близки Берлу. Берл Кацнельсон и Хаим Бреннер встретились в доме Давида Шимоновича, жившего тогда в яффском квартале Неве-Шалом, на следующий день после приезда Берла в Эрец. Между ними сразу пробежала искра взаимопонимания. Это была одна из тех встреч, когда одна душа соприкасается с другой. После иронии и цинизма яффских интеллигентов воодушевление Бреннера, за которым стояли мучительные душевные терзания, было откровением. "Истинное и какое-то энергическое отчаяние — до разрыва сердца". У Бреннера был надлом человека, уже все испытавшего и всюду потерпевшего поражение. Он пробовал заниматься в Эрец физическим трудом, но ничего у него не вышло. Разочаровавшись в себе, он разуверился и в силах еврейского рабочего, юноши из иешивы, взявшегося за непосильное дело. Бреннер переживал период безысходного отчаяния, когда их с Берлом дороги внезапно переплелись. Рядом с ним Берл казался оптимистом.

Алия Берла тоже вытекала из отчаяния, подобного тому, которое испытывал Бреннер, отчаяния в самой жизнеспособности еврейского народа. Но дальше начинались различия: Бреннер не излечился от своего отчаяния и в Эрец, все его надежды оборачивались новыми разочарованиями. Своему другу Ашеру Бейлину, находившемуся тогда в Лондоне и собиравшемуся приехать в Палестину, Бреннер писал: "Бейлин, ты знаешь, что я тебя люблю, знаешь, как хотел бы я с тобою увидеться, но я тебе категорически заявляю: не приезжай! Я и сам, будь у меня девушка, по которой я бы тосковал, или хоть место, к которому меня бы тянуло, уехал бы отсюда сей же день!" Берл, напротив, еще даже не найдя работы, уже предвкушает приезд друзей. Не пройдет и года, как он станет звать брата к себе в Эрец. Берл, похоже, излечился в Эрец от своего пессимизма. А Бреннер продолжал терзаться, хоть ему и не суждено было, несмотря на все разговоры, покинуть Палестину вплоть до смертного часа. Берл, найдя в новой жизни

источник какого-то исходного, глубинного оптимизма, относился к Бреннеру, уже известному писателю, к тому же старшему по возрасту, почти как к ребенку, будто пытался защитить его.

Ну, а Бреннер — что он нашел в молодом парне, только вчера приехавшем в Палестину, не прославленном ни писательским даром, ни другими яркими талантами? Что заставило его искать себе зимой 5670 (1910) года работы и пристанища в Эйн-Ганим ради того, чтобы подолгу беседовать с Берлом?

Много лет спустя Агнон вспоминал о разговоре, состоявшемся у него с Бреннером после того, как они навестили лежавшего с приступом малярии Берла. "Когда мы вышли, я хотел спросить Бреннера, отчего он так заботится об этом человеке, но увидел, что Бреннер погружен в свои думы, и не стал мешать ему. Вдруг он вскинул на меня свои ясные голубые глаза и, обернувшись к дому Берла Кацнельсона, сказал: "Вот это — еврей!" Я посмотрел на него вопросительно и с недоумением: что, де, в нем особенного? Тогда Бреннер прибавил на идиш: "Берл Кацнельсон — настоящий еврей, ты понимаешь, что это значит — еврей! Ты, конечно, хочешь, чтобы я тебе объяснил, что такое еврей. Нет, я тебе этого не объясню, тебе уже время и самому это понять". Рассказывают, что Бреннер называл Берла "еврейским интеллигентом в высочайшем смысле этого слова". Бреннер увековечил свое отношение к другу, посвятив ему статью "Тропа" (беседа о литературе) — словами: "Берлу Кацнельсону из Эйн-Ганим с уважением".

Кажется, именно беспощадный, зоркий взгляд Берла на свой народ, мучительное ощущение его гибели, аналогичное бреннеровскому, и, наряду с этим, выросшая из отчаяния уверенность в себе, которая стала проявляться у Берла, и были точками соприкосновения между двумя этими людьми. Бреннер хорошо передал эту скрытую общность в своей книге "Оттуда и отсюда":

”У народа Израиля по законам логики нет будущего.

Но все же надо работать.

Пока живет в тебе душа, есть время

Для возвышенных деяний и высоких минут.

Да здравствует истинно человеческий еврейский труд!”

Девиз этот подходил больше Берлу, нежели Бреннеру.

Сближал этих людей не только схожий взгляд на существование еврейства, но и родство душ. Можно сказать, что оба они прошли школу Достоевского. Сложность душевной жизни, буря чувств, муки, доходящие до упоения страданиями, жажда чистоты, доходящая до святости, — и одновременно недостаток внутренней цельности — все это мотивы, характерные для Достоевского. Темный туннель страданий, выводящий к свету, — этим тернистым путем прошли и Бреннер, и Берл, но Берл уже верил в то, что в конце туннеля блеснет свет, а Бреннер все еще терзался сомнениями.

В Эйн-Ганим повстречался Берл с другим замечательным человеком — А. Д. Гордоном. Будучи уже немолодым, он все же забрал свое семейство из привычного украинского местечка, перевез близких в чужую страну с беспощадно-тяжелым климатом, где ждал их убогий домишко и еще более убогое пропитание, и физический труд, не приносящий почти никакого дохода. Еще живя в России, Берл прочел как-то в газете ”Ха-позл ха-цаир” статью, подписанную тремя звездочками. Она произвела на него сильное впечатление, и он поинтересовался, кто ее автор. Ему ответили, что фамилия автора — Гордон. Приехав в Эйн-Ганим, Берл поспешил познакомиться с ним. Гордон сидел возле дома на разодранной циновке, ”босой, с непокрытой головой, в залатанных штанах”, вокруг теснились подростки и взрослые рабочие. Дом Гордона стал для молодежи

Второй алии заменой покинутого отцовского дома. Гордон был среди них единственным "пожилым" человеком, отцом семейства. И вся эта молодежь, которая, конечно, яростно отрицала, что тоскует по брошенному родительскому дому, но по субботам и праздникам не знала, куда приткнуться, искала у Гордона лекарства от пронизывающего их жизнь чувства сиротства. Берлу очень нравилось ласковое отношение этих восемнадцати-двадцатилетних ребят к Гордону. Но от пронизательного взгляда Берла не ускользнуло, что веселость Гордона напускная. Трудности, пережитые им в Эрец за четыре-пять лет, успели нарушить радостную гармонию его душевного мира. Берл видел, что Гордон оставался чужим для своей молодой компании, хоть он пел и шутил вместе с нею. И пусть продолжал он между делом точить свой рабочий инструмент, который именовал "священной мотыгой", пусть по-прежнему считал физический труд тайной и конечной целью человеческой жизни, но ему было трудно, очень трудно: если уж молодым нелегко давалась сельскохозяйственная работа, то что говорить о пожилом человеке, не привыкшем с юности к физическим нагрузкам. Да и нищенское существование достаточно четко отпечаталось на лице Гордона. "Этот еврей содержит себя и семью на шестьдесят копеек в день и говорит, что ни в чем не нуждается, но на душе у него кошки скребут", — писал Берл.

Было в облике Гордона нечто от древнего праведника, живущего в полном согласии с собою и миром. Но Берл не был до конца убежден в том, что за фасадом безмятежного счастья не скрывается скорбь и чувство поражения — ведь Гордон при всей своей любви к физическому труду не слишком отличался в работе. И все же сама личность Гордона уже возвышала душу, вселяла уверенность в новичков. В противоположность глубочайшему отчаянию Бреннера, Гордон олицетворял оптимизм, не зависящий ни от каких обстоятельств, счастье опрощения и

новой жизни, несокрушимую уверенность в ее внутренней правоте.

Из двух этих людей первый, Бреннер, несомненно, оказывал большее влияние на молодых рабочих, был для них гораздо важнее. Он выражал их сокровенные чувства и мысли. Гордон хуже понимал их, был еще менее понятен им. Они любили в нем образ отца семейства, праведника, но ему не хватало так ценимого этой выросшей на русской литературе молодежи "надрыва сердца". У Бреннера этот компонент был в избытке.

Берл оставался в Эйн-Ганим до окончания периода дождей. Он работал на посадке цитрусовых плантаций, работа шла хорошо, и он понемногу поверил, что способен к такому труду. В долгих беседах, которые вел он зимними вечерами с Гордоном и Бреннером, начали проступать его первые оригинальные мысли о пути молодого рабочего в Эрец. Малярия, это боевое крещение новичков, не миновала и его. Они с Бреннером по очереди ухаживали друг за другом во время приступов болезни.

Когда прошла пора дождей, Берл решил побродить по Эрец. Надо было вырасти в царской России, чтобы испытывать чувство освобождения в Османской империи. На первый взгляд режим ее казался абсолютистским и даже деспотическим, фактически же каждый делал что хотел. Центральная власть была настолько слабой, организационная структура настолько расшатанной, что в Палестине царил свобода. Страна была открыта на все четыре стороны, бери посох и странствуй. Все было здесь совсем другим, чем "дома": вместо простиравшихся до горизонта украинских и белорусских равнин с невероятной быстротой сменяли друг друга холмы, горы, причудливые живописные развалины. Вместо тенистых дубрав и березовых рощ — низкорослая средиземноморская растительность. Другие цветы, другие деревья, другое солнце над головой, буйство красок, запахов, света. Галилея оказалась сказочной страной:

”Как объяснить словами, что такое дикие скалы, древние горы, узкая тропинка в ущелье между ними, ключ, бьющий на каменистом склоне? И горный воздух, и красота долин. И что такое заря, заливающая горы...” Берла опьянило знакомство с Землей Израиля.

Источник этого опьянения не только в радости открытия. К ней присоединилось чувство освобождения от всех забот. Прежде всего, само ощущение странствия — человек не привязан пуповиной повседневности к одному месту. Вчера Берл работал на посадках в Петах-Тикве, а сегодня ”невесть откуда повеял ветер и позвал меня в Хадеру”. Дух цыганских скитаний, нежелание привязываться к одному месту, к постоянной работе, даже к одному человеку красной нитью проходят в истории Второй алии. Берл назвал этот феномен ”духом бедуинства, или нищей богемностью”. Некоторые скитались в поисках работы, другие стремились увидеть Эрец, исходить ее вдоль и поперек, некоторые просто бежали из мест, где свирепствовала малярия и было невозможно оставаться. Иные, как, например, члены организации ха-Шомер, мечтали расширять границы и всегда жить в пограничной полосе. Но ко всем этим доводам надо добавить, что цыганский образ жизни был, видно, просто чертой характера молодого человека, бросившего родную страну и родительский дом, оказавшегося свободным от всяких авторитетов, от всех ограничивающих условностей, в новой стране, не связанный никакими обязательствами. Это чувство неограниченной свободы ошеломляло. Только не вспоминать про обтрепанную одежду, про пустой желудок, про то, что надо когда-то обзаводиться семьей, — и ты свободен ото всех забот, открыт всему на свете.

Берл тоже принадлежал к кочевникам Второй алии. За первый год своего пребывания в Эрец он успел пожить и поработать в Эйн-Ганим, в Хадере, в Седжере, в Умм-Джуни и снова в Эйн-Ганим.

Кочевали в те годы пешком, так . что любое путешествие, включая поход в Галилею, растягивалось на много дней — дней праздных скитаний. Берл не спешил закрепиться на одном месте, пристать к какой-то определенной компании. Он бродил туда-сюда как турист, глядящий на происходящее вокруг; радость существования переполняла его. "Я ощущал себя абсолютно свободным, бросившим целый мир". Юноша, на котором с двенадцати лет лежала ответственность за семью, впервые почувствовал себя свободным. Привыкнув с детских лет к обществу старших, он наконец нашел круг сверстников. И ко всему тому еще открытие Эрец-Исраэль — не удивительно, что, несмотря на все трудности и сомнения, мир его полон света, а письма к братьям (где он зовет их приехать в Эрец) носят отпечаток твердой уверенности в себе и стыдливого оптимизма человека, нашедшего наконец свое место: "Я здесь дома".

Первой остановкой Берла в его странствиях по Эрец была Хадера, известная сильнейшей лихорадкой, унесшей уже много жертв. И местные жители, и пришлые рабочие бежали из этого гиблого места. На этот раз Берл нашел себе новую работу — рубить деревья в Хадерском лесу. Он не слишком отличался в этом деле: "Хоть я и научился обращаться с топором, но настоящим лесорубом не стал". Работа, видно, давалась Берлу труднее, чем остальным его товарищам, и потому ему нередко поручали сравнительно легкое дело — он грузил на осла ведра с водой и доставлял воду из деревни в лес.

Однако в некотором отношении пребывание в Хадере стало для Берла поворотной вехой: его приняли в общество Легион ха-авода. Легион ха-авода, или просто Авода был основан членами организации ха-Шомер. В задачу легиона входили труд и караульная служба в любом еврейском поселении. Он был построен на основах последовательного коллективизма: жалованье членов легиона поступало в общую

...иссу, они жили коммуной, а питались на общей кухне рабочих Хадеры. Для легиона был характерен размах, свойственный всем идеям ха-Шомера: он должен был создать свои отделения по всей Палестине — нечто вроде движения Киббуц-арци с его "ротами" в разных местах. У общества Авода были отделения в Хадере, в Седжере и Умм-Джуни. Как и все начинания ха-Шомера, оно достойно упоминания в истории скорее за оригинальность и "первородство" идеи, нежели за ее воплощение в жизнь. В трех отделениях общества насчитывалось в общей сложности около тридцати членов — не такая уж маленькая цифра по масштабам Второй алии, — но оно просуществовало не более года.

Ха-Шомер унаследовал от русского революционного движения конспиративную структуру и образ действий, совершенно излишние в обстановке разнуданной свободы османской Палестины. Как и все детища ха-Шомера, общество Авода являлось секретной организацией с широкими полномочиями руководителя. Однако между хадерской коммуной и ее седжерской сестрой имелось существенное различие: если седжерская коммуна была по духу и составу членов близка к руководству и в ней веяли ветры "диктатуры", то коммуна в Хадере отличалась большей открытостью и "демократизмом". Члены общества Авода из Седжеры часто конфликтовали с местными рабочими, не состоявшими в их организации. Согласно одной версии, Берла послали разобраться в причинах конфликта между членами коммуны и другими рабочими, большинство которых принадлежало к партии ха-Позл ха-цаир.

Пробывание Берла в Седжере было недолгим — он провел там меньше месяца — между Пуримом и Песах 5670 (1910) года. На Песах в Умм-Джуни проводился первый съезд общества Авода, на котором Берл впервые по приезду в Эрец выступал перед сравнительно широкой аудиторией. Хоть он и не стремился к этому, выступление его вызвало резкую

полемику, в ходе которой он высказался против атмосферы секретности и дисциплины, окружавшей группу Авода из Седжеры, а также против конфронтации членов коммуны с остальными рабочими. Здесь Берл получил первый урок политической жизни Эрец-Исраэль: никто официально не исключал его из общества Авода на основании выступления на съезде, но он как бы был отстранен от дел. Вскоре Берлу сообщили, что общество распалось, а коммуна прекращает свое существование из-за недостатка денежных средств. Берл нашел нужным предоставить в распоряжение "основателя коммуны" первый сэкономленный наполеондор — на покрытие финансового дефицита.

Направляясь на съезд партии Авода в Умм-Джуни, Берл впервые увидел долину Иордана: "В вышине, на чудесном склоне горы виднеется Далеика, а за нею притаилось село Умм-Джуни". Еще живя в Петах-Тикве, слышал он про созданную там маленькую рабочую республику. Рассказывали про шестерых парней (девушка, присоединившаяся к ним, не имела равных с ними прав и обязанностей), которые взяли на себя обработку всех посевных земель Длейки, расположенных на восточном берегу Иордана. В другой части Далеики, находившейся на противоположном берегу, уже было основано поселение Киннерет, которому предстояло сыграть важную роль в жизни Берла, но в это первое посещение Иорданской долины Берл предпочел Умм-Джуни. Его привлекала новая система труда в этом селе: еврейские рабочие безо всяких надсмотрщиков и опекунов сами заключили договор с палестинским отделом Всемирной сионистской организации, во главе которого стоял тогда Артур Руппин, на обработку земли — от пахоты до уборки урожая. Шестеро рабочих, объединившихся в ударную группу Умм-Джуни, прошли тщательный отбор. Принцип отбора — добиться представительства в этой группе всех рабочих организаций, действовавших в Галилее: ха-Хореш — профессиональная

организация рабочих Галилеи, Авода, ха-Шомер, Поалей Цион и ха-Поэл ха-цаир. Уже сам факт этого отбора свидетельствует о важном значении, которое придавалось в те времена смелому эксперименту в Умм-Джуни, хоть он и не пользовался излишней известностью. До своего начала эксперимент этот даже не получил собственного названия. Впоследствии его стали называть "квуца" (группа). Шестеро кандидатов были одними из самых опытных среди галилейских рабочих. Это была совсем иная порода, нежели рабочие Иудеи. Они не знали столь модного в Иудее "отчаяния", замкнутого, угнетающего мирка колоний плантаций. Это были крестьяне, любящие труд и землю, сроднившиеся с просторами Галилеи. Берл так описывал их: "Это коллектив людей, сплотившихся для общего дела и только для дела... и потому здесь была квинтэссенция "галилейства". Никакого идеологического пустозвонства, никакой дурацкой романтики, никакой показухи, но и никакого чрезмерного нежничанья... Я видел на лицах этих людей отпечаток настоящей зрелости, что так отличало их от других еврейских парней".

Берла взяли работать на жатву в Умм-Джуни, он считался временным рабочим, а не членом "квуцы". В его задачу входило грузить снопы на телеги. Под руководством опытного рабочего Исраэля Бацера Берл скоро перестал втыкать вилы в сноп, как вилку в кусок мяса, и хорошо справлялся с работой. Так довелось Берлу участвовать в той исторической жатве, положившей начало Дгании. Ударная группа завершила год с прибылью, тогда как для фермы Киннерет, где дело велось по старой системе, год оказался убыточным. Успешная жатва в Умм-Джуни вывела движение за самостоятельный еврейский труд на столбовую дорогу. Если Берл и сознавал, что он является, пусть второстепенным, участником поворотного момента в истории палестинского рабочего движения, то нам об этом ничего не известно. Он прожил в Дгании около месяца и ушел оттуда в

разгар жатвы — из-за болезни. Краткое пребывание в Дгании не отражено в его письмах, и он, видимо, не придавал ему особого значения. Возможно, это было вызвано тем, что он не нашел душевной близости с людьми, составлявшими "квучу", чуждыми ему по характеру, как и члены Седжерской коммуны. В этом, быть может, и причина того, что, пережив в Галилее душевный подъем, он вернулся в Иудею. Как бы то ни было, в июле 1910 года Берл вернулся в Эйн-Ганим, и вскоре после этого Бреннер писал о нем Давиду Шимоновичу: "Я видел Берла и показал ему твою открытку. Состояние его не блестящее. Он теперь в Эйн-Ганим. Пытается работать. Вообще все как обычно: мира нет. Конец лета. Все это невыносимо". Этот пессимистический отзыв Бреннера подтверждается и словами самого Берла. Он снова и снова зовет к себе брата Хаима. Он не видит в Эрец никаких недостатков, но в людях он их находит. Он жалуется на то, что "сами-то мы не люди. Ох, как нам еще далеко до того, чтобы стать людьми". Он все еще не уверен, что может справиться с физическим трудом. Брату Исразлю он пишет: "Как ты знаешь, я по собственной воле положил эту работу в основу своей жизни. На вопрос, что она дает мне, отвечать еще рано. Я еще в середине пути. Если не подведет меня здоровье, не помешает прежний образ жизни, я надеюсь победить — и тогда смогу, быть может, отчитаться перед тобой".

Подошел к концу первый год жизни Берла в Эрец. Он успел открыть для себя Эрец-Исразль, испытать радость беззаботности, успел завязать настоящую дружбу с Бреннером и сблизиться с А. Д. Гордоном. Но над ним все еще висело мрачной тенью воспоминание о провале его российских попыток заниматься физическим трудом. Вопрос о том, может ли он продолжительное время прокормиться трудом рук своих, все еще не был решен.

Что же касается общественной жизни палестинских рабочих, то свой первый год в Эрец Берл провел

почти в полном молчании. Берл, с четырнадцати лет участвовавший в разных движениях и партиях, остерегался присоединяться к одной из двух существовавших в Палестине партий. Ха-Поэл ха-цаир не привлекал его еще с тех пор, как он впервые ознакомился с его газетой. Эта партия была чисто палестинской. Языком ее был иврит, и в этом ее большая заслуга. По духу она была близка популистским, волонтаристским течениям с их приверженностью к субъективизму — а к этим течениям издавна тянуло Берла. Но она сохраняла какую-то аристократическую дистанцию, ей не хватало сердечной чуткости — она была слишком уверена в себе, слишком однозначна. И хотя по существу действия членов этой партии не отличались, с социалистической точки зрения, от деятельности другой рабочей партии, но было все же в ее среде, в ее людях нечто отталкивающее Берла. В будущем ему суждено было завязать дружеские отношения с несколькими ее членами, но к самой партии он не чувствовал близости.

Еще более далеки были от Берла члены партии Поалей Цион. Они придерживались "Программы Рамле" — палестинский вариант учения Борохова. Признавая роль классовой борьбы и считая долгом рабочих способствовать созданию демократического общества в Эрец, это учение одновременно призывало их устраниваться от социально-экономической ответственности за государственное строительство Эрец-Израэль. Еще в дни скитаний по российским партиям Берл не испытывал никакого влечения к учению Борохова, тем более не могло оно его привлечь в Палестине, где казалось оторванным от действительности и от насущных задач. Партия Поалей Цион все еще не вынесла ясного решения по вопросу об иврите, Берл же, приехав в Эрец, снова вернулся к ивриту и даже обрек себя на молчание до тех пор, пока не выучился говорить на иврите как следует, а в конце первого своего года в Эрец даже предложил

брату, Исраэлю, перейти в переписке с идиш на иврит. Берлу был не по вкусу также политический стиль партии Поалей Цион и ведущих ее деятелей. Попытка Берла сблизиться с лидерами Поалей Цион, бывшими одновременно руководителями ха-Шомера, окончалась, как мы помним, неудачей.

Берл был связан с некоторыми людьми, которые не играли заметной роли в партии, но не примыкал ни к одному блоку, ставившему перед собой политические цели.

Вместе с тем у Берла постепенно формировались первые самостоятельные мысли о путях палестинских рабочих. То был период завоевания труда, и обе рабочие партии, каждая на свой лад, считали, что трудящийся еврей и в будущем останется в Эрец наемным рабочим. Партия ха-Поэл ха-цаир полагала, что завоевание труда осуществится с добровольного согласия богатых еврейских крестьян, а потому уделяла главное внимание разъяснительной работе среди них. Большое значение она придавала также добросовестному прилежному труду самих рабочих. А партия Поалей Цион верила в то, что завоевание труда произойдет естественным образом, что в результате развития палестинской экономики и притока еврейского капитала появятся новые рабочие места для евреев. Еще не настала пора примириться с неудачей всех попыток завоевания труда в старых еврейских поселениях. Гордон еще не разработал своего учения о труде как пути внутреннего освобождения личности. Значение "завоевания труда" для внутреннего самоосвобождения человека, осознание метаморфозы в характере человека и общества, вызвавшей тягу к физическому труду, — все эти понятия еще не стали всеобщим достоянием. Необходимость завоевания труда оправдывали тогда реальными соображениями: завоеванием Палестины для евреев, уничтожения любого вида зависимости от арабов и так далее. И все эти доводы должны были убедить крестьян-богатеев нанимать еврейских рабо-

чих. Первым, кто бросил вызов идеологии завоевания труда в еврейских поселениях, был Иосеф Виткин. Он призвал рабочих экономить деньги, приобретать земли в Галилее и основывать новые поселения. План Виткина, вынесенный на рассмотрение съезда партии ха-Поэл ха-цаир, подвергся резкой критике со стороны Иосефа Ароновича и был отвергнут.

К моменту приезда Берла в Эрец Виткин отстранился от не пошедшего за ним общества, которое пребывало в состоянии "великого отчаяния". Ведь если невозможно быть рабочим в еврейских поселениях, т. к. еврейский рабочий не в силах соревноваться с арабом, если даже нашедший там работу рабочий не видит перед собой никакого будущего, ибо не может прокормить семью, а рабочие взрослеют с каждым годом, — то какая же дорога открыта перед ними, если крестьянский путь заказан? А этот путь отрицали все; все признали, что он связан с подчинением и вырождением. Даже издольщики, получившие земли в Галилее от поселенческой компании барона Гирша, среди которых было немало старых, испытанных рабочих, считанные годы спустя уже ухватились за дешевый арабский труд. А уж о жителях старых поселений в Иудее, начавших крестьянствовать лет двадцать пять назад, и говорить было нечего — они потеряли уже последние искры идеалов, приведших их некогда в Эрец. Страх перед превращением в кулака вел к отрицанию самой мысли о прикреплении к земле. Вставал тут и вопрос финансирования: ведь поселенчество требовало покупки земель и, следовательно, капиталовложений, по меньшей мере до первого урожая. Рабочий не может самостоятельно нести это бремя, а поддержка извне влекла за собою зависимость от опекуна, ненавистную "халукку", "милостыню"*.

* Халукка — организованная система материальной поддержки общинами диаспоры малоимущих евреев, поселившихся в Эрец-Исраэль из религиозных побуждений.

Впоследствии Берл утверждал, что уже во время первой своей беседы с Гордоном, на циночке перед его домом в Эйн-Ганим он развивал собственные мысли о пути палестинских рабочих. Во-первых, завоевание труда окончилось неудачей и рабочий должен превратиться в поселенца, причем надо найти новую форму поселенчества, трудового поселенчества с обязательным личным трудом каждого. Во-вторых, именно Керен каемет должен взять на себя приобретение земель для рабочих поселений. Гордону, вспоминал Берл, этот разговор принес большую радость: он видел перед собой юношу, который не только не поддался модному среди рабочих Петах-Тиквы унынию, но и строит планы по преодолению нынешнего безотрадного положения. Но мы не располагаем достоверными свидетельствами ни об этой беседе, ни о тогдашних идеях Берла. Ясно лишь, что уже вскоре после приезда Берл внес первые предложения о помощи рабочим. Особенно сильное впечатление произвела на него беспризорность рабочих, их пренебрежение к самим себе. Вторая алия состояла, в основном, из одиночек, оторвавшихся от родительского крова, от круга друзей, от родного местечка и кинувшихся не просто в незнакомую страну с беспощадным климатом и тяжелейшими условиями жизни, но и в незнакомое и чуждое окружение. "Одиночество и чувство сиротства" сопровождали этих юношей и девушек на всем их трудном пути. Это были бесприютные холостяки, которые стеснялись даже говорить о каком-то комфорте. Они забирались каждый в свой угол, где болели, мучались душевно и физически, лишенные настоящего человеческого участия, настоящей человеческой близости. Они почти утратили потребность в красоте, вежливости, культуре, даже в чистоте. И эта заброшенность немало способствовала тому безотрадному настроению, которое сопровождало молодых людей с первых шагов в Эрец.

Делались попытки устроить общую кухню, где

рабочий мог бы получать питательную, чистую и дешевую пищу и одновременно общаться с товарищами. Попытки эти провалились из-за отсутствия опыта организации подобных предприятий. Зимой 1910 года, вскоре после приезда в Эрец, Берл пригласил Бреннера прочесть лекцию для рабочих Петах-Тиквы. Темой лекции было творчество Менделе Мохер Сфарима. Вскоре в Петах-Тикве был создан постоянный рабочий клуб. Основатели клуба хотели дать рабочим место, где они могли бы в культурной обстановке спокойно посидеть, выпить стакан чаю, почитать газету, поговорить о житейских делах, а иногда — прослушать лекцию. Клуб существовал на грошовые взносы самих рабочих. Для Берла клуб был лучом света, он считал его важнее всех споров о проблемах заселения и строительства Эрец. Для Берла создание теплого общественного климата было делом первостепенной важности. Умение жить — тема, к которой Берл будет часто возвращаться, — должно выражаться в умении сохранять работоспособность, умении уберечься от какой бы то ни было неряшливости и распушенности. Без такого общественного климата рабочий не сможет осесть на земле Израиля, пустить в ней корни.

Однако в первый год своей жизни в Эрец Берл, видимо, еще не нашел своего пути — ни работы по душе, ни какого-то постоянного образа жизни, ни просто постоянного места. Он не торопился пристать к какому-то "одному углу" или к одной группе. Через несколько месяцев после того, как он ступил на землю Эрец, приехала из Бобруйска Лея Мирон. Лея была на год моложе Берла, но уже с шестнадцати лет она вместе со своей закадычной подругой Сарой Шмуклер вошла в кружок, который создал в родном городе Берл и где обсуждались проблемы, стоящие перед еврейским народом, и социалистические идеи. Лея происходила из зажиточной семьи, Сара — из более бедной. Стремясь подготовиться "к жизни", одна из подруг стала осваивать ремесло портнихи, а

другая отправилась в Киев учиться на фельдшерницу. Берла связывала с двумя этими девушками теснейшая дружба. Сара проводила младшую сестру Берла, Хану, в школу в день начала занятий. Уехав в Киев, она поддерживала с Берлом и Леей постоянную переписку. Вскоре дружба между Берлом и Леей переросла в любовь. Лее было семнадцать лет, когда ее отец, вернувшись однажды из синагоги, впервые застал восемнадцатилетнего Берла в своем доме. Вооружившись метлой, он прогнал Берла из дому и долго гнался за ним по улицам Бобруйска, а после этого строго-настрого запретил дочери встречаться с этим опасным парнем. И в последующие годы отец держал свою революционерку-дочь под строгим надзором: когда ей было уже под двадцать, он все еще регулярно вскрывал и прочитывал адресованные ей письма. Сара, как уже упоминалось, уехала в Киев и оттуда посылала взволнованные, нежные письма Лее, Берлу и другим бобруйским друзьям. Особенно теплые отношения связывали ее с товарищем Берла Элизером Шейном и его сестрой Батей. Как мы помним, именно Лее и Саре Берл впервые поведал о своем решении уехать в Эрец.

До нас не дошли любовные письма Берла к Лее того периода. Прежде чем отправиться в Палестину, Лея провела несколько недель на курорте неподалеку от Киева, у двух своих подруг. Туда посылал Берл письма с первыми впечатлениями об Эрец-Исраэль... Чувств своих он в этих письмах не открывал. В них есть теплота, дружеская привязанность, но нет бурных любовных излияний. Быть может, причина тут в том, что письма эти должны были читаться несколькими людьми, по меньшей мере двумя подругами Леи, а может, это просто была сдержанность, характерная для многих представителей Второй алии. Они стеснялись на людях говорить о своих чувствах. Берл тоже был воспитан в традициях той внутренней скромности, сдержанности, застенчивости, которые были свойственны его поколению. На отношения между мужчиной

и женщиной эти люди смотрели серьезно, с уважением, в духе классических романов русской литературы. В этом, возможно, причина того, что Берл так скупно говорит в письмах о своей любви.

Как мы уже говорили, Лея приехала в Эрец через считанные месяцы после Берла, зимой 1910 года. Нет никаких признаков того, что они с Берлом решили тогда вступить в постоянную связь. В его письмах не чувствуется даже особой радости от ее приезда. Тем не менее, во время пребывания Берла в Седжере Лея тоже была там. Когда Берл вернулся в Эйн-Ганим, Лея осталась в Галилее искать работу. Как бы то ни было, ясно, что в первый год жизни в Эрец Берл еще не думал обзаводиться семьей. Привычка к беспризорности, к цыганской жизни, к одиночеству — все то, в чем видел он беду своего поколения, было и в его характере.

Киннерет, год 1911

В начале 1911 года Берл отправился в Галилею. Галилея представлялась молодежи Второй алии волшебной страной, где все подлиннее, чем в Иудее. И земледелие там настоящее — хлебопашество, а не плантации. С хлебопашеством справлялся один работник, который собственными руками мог обработать большую площадь. Просторное поле, плуг, лошади, сев, жатва — все это было в представлении наших героев первоосновой жизни.

В галилейских селах, занимавшихся хлебопашеством, возникли новые человеческие отношения. Тут рабочие были прочно связаны с нанимавшим их крестьянином, жили в его доме, ели за его столом, вместе с ним терпели нужду, вместе болели малярией и другими болезнями, становились членами семьи. Галилейский крестьянин был не намного богаче своего работника, их объединяла общая судьба, рождавшая ощущение истинной близости. У рабочего

крепло чувство ответственности и самостоятельности, которого и в помине не было у рабочих Иудеи. Там большие группы батраков трудились под неусыпным оком надсмотрщика и отдельный рабочий мог без труда снять с себя ответственность за качество своего труда. Если у иудейского батрака складывалась ментальность наемного работника, видевшего в своем нанимателе "хозяина", которого не грех и обмануть, то в Галилее возникал новый тип рабочего, уважающего свой труд, считающего себя ответственным за неудачи и удачи хозяйства, где он работает, — словом, нечто среднее между рабочим и крестьянином. Это был тип самостоятельного рабочего, способного взять на себя ответственность за ведение хозяйства.

К такой работе и тянуло Берла. Он мечтал проработать год у одного крестьянина и сделаться заправским земледельцем. Совершенствование в сельскохозяйственном труде было для него на этом этапе жизни самой важной задачей.

А потому каждый успех в работе приносил ему радость, приподнятое настроение, а любая неудача повергала в уныние. Проработав некоторое время у одного из крестьян села Киннерет, где был он одним из многих батраков в большом хозяйстве, Берл перебрался в деревню Менахемия, которая особенно полюбилась ему, и стал единственным наемным работником у одного из крестьян. Но тут ждало Берла сокрушительное поражение, и три дня спустя он снова пустился в путь. Ему трудно было говорить об обуревавших его чувствах с мужчинами, и он излил всю накопившуюся на душе горечь в разговоре с Леей. Он сказал ей даже, что почти отчаялся в своей способности жить физическим трудом.

Прошло немного времени, и Берл стал работать на ферме Киннерет. Это была первая национальная ферма, созданная в 1908 году палестинским отделом ВСО, возглавлявшимся Артуром Руппином. Ферма была основана на землях, именовавшихся Длейка и приобретенных фондом Керен каемет ле-Исразль на

побережье озера Киннерет по обоим берегам Иордана. Управляющий фермой палестинский отдел Всемирного еврейского агентства назначил агронома Моше Бермана, который плохо ладил с рабочими.

Многочисленные острые конфликты с Берманом побудили нескольких рабочих-ветеранов уйти с фермы и создать новую коммуну в Хадере. Другая группа рабочих отправилась на "завоевание земель Хулы" — лозунг этот был провозглашен организацией ха-Шомер. Еще несколько опытных рабочих, как уже говорилось, взяли на себя ответственность за обработку земель Умм-Джунни. Кроме того, группка, состоявшая из четырех человек, изучала возможность выращивания овощей на землях, прилегающих к озеру Киннерет. Если прибавить к этому коллектив работников Седжеры, общество Авода и стоявший тогда на повестке дня план Оппенгеймера о создании поселения в Мерхавии, то мы получим картину поселенческой деятельности, развернувшейся в те годы в Галилее. Галилея превращалась в опытную базу, где испытывались разные варианты поселенчества. Все эти варианты объединяло несколько характерных черт:

прежде всего, желание рабочих избавиться от приказов извне и работать самостоятельно. Они искали работу, которая, пользуясь выражением Бен-Циона Исраэли, "вся была бы творчеством", а такое чувство могла дать только самостоятельная работа. Потребность самовыражения в труде была характерной для лучших представителей Второй алии.

Во-вторых, стремление к той или иной форме коллективизма. Формы эти тогда еще не установились. Еще не ясно было, надо ли двигаться в направлении коллективизации всей жизни — то есть к коммуне, или только к коллективному труду в рабочих группах. Коллективы сплывались, как правило, на основах личной дружбы — к примеру группа: Бен-Цион Черноморский (Исраэли) — Меир Рутберг — Ноах Нафтольский — ядро будущего "Киннерета".

Иногда участниками нового коллектива становились члены какого-то политического или общественного движения — таковы были ударные группы ха-Шомер. Как бы то ни было, идея коллективизации носилась в воздухе Галилеи, пропитанном романтической идеализацией старых русских "артелей" и "общин", привезенной энтузиастами Второй алии из России вместе с жаждой равенства. Жажда эта питалась и отвращением к институту надсмотрщиков, и тягой к дружеской компании, характерной для той холостяцкой среды.

В-третьих, поиски новых форм поселенчества, которые помогли бы поселенцу сохранить собственное достоинство и идеалы, предотвратили бы разрушение личности и в то же время отвечали бы потребностям сионистского движения в широком заселении Эрец-Исраэль. Форма поселенчества должна была соответствовать потребностям, желаниям и ментальности еврейского рабочего. Как уже говорилось выше, рабочие с отвращением относились к возможности превращения в кулака и предпочитали оставаться наемными работниками в старых поселениях, а потому переход к новой форме поселенчества был для них революционным переворотом. Идея еще не созрела окончательно, но уже делались первые попытки двигаться в этом направлении. Дело здесь шло впереди слова.

Все это брожение происходило на относительно небольшом географическом пространстве. Доехать на повозке от Киннерета до Мигдала (где была создана частная ферма с "современными", по понятиям тех дней, условиями жизни для рабочих) можно было за три часа; от Киннерета до Умм-Джуни — за полчаса, а от Киннерета до далекой Мерхавии — всего за четыре часа. Между всеми этими пунктами поддерживалась постоянная связь, новости распространялись быстро, и каждый из рабочих был в курсе происходящего.

Берл пришел в Киннерет в период спада, после того, как с фермы ушли идеалистически настроенные ветераны, а оставшиеся, упав духом, подчинились

суровой дисциплине, введенной Берманом. Однако условия жизни на ферме были столь тяжелы, что даже послушные работники не могли долго мириться с ними.

В течение всего лета рабочие спали во дворе, под открытым небом. С наступлением зимы все они были вынуждены тесниться в одной комнате старого арабского дома с прохудившейся крышей и разбитыми окнами, где ветер гулял всюду. Кровати рабочих стояли среди луж и грязи, покрывавших пол. А поскольку на всех кроватей не хватало, некоторые спали на тюфяках, разложенных прямо на этом полу. Берман считал такое положение естественным. Его отношение к уровню жизни рабочих сохранилось в рассказе Руппина: "Когда я спросил управляющего фермой Киннерет Бермана, где у них туалет, он королевским жестом простер руки в стороны, как бы говоря: 'Весь мир открыт перед тобой!' Берман решительно возражал против введения всяческих 'городских новшеств' на селе".

В убогой и грязной общей комнате, где кроме кроватей и тюфяков не было никакой мебели, спали попеременно здоровые и больные. И много же было больных! Прилежавшее к ферме большое болото являлось постоянным источником малярии. Жуткие жилищные условия, наряду с недоброкачественной, скудной и приготовленной без соблюдения надлежащих санитарных норм пищей, приводили к тому, что измотанные тяжелым физическим трудом люди заболели, и значительная часть рабочих всегда была прикована к постели. Создавался порочный круг: болезнь — слабость — тяжелые бытовые условия — снова болезнь и так далее. Ни врача, ни даже фельдшера на ферме не имелось. Первая медицинская помощь ограничивалась стоявшей в столовой коробкой хинина, которым рабочие посыпали свои питы.

Наконец терпение рабочих лопнуло, и в декабре они объявили забастовку на полдня, выставив Берма-

ну четыре требования: улучшение жилищных условий (ремонт дома и пристройка нескольких новых комнат); выделение специального помещения для больных; покупка кроватей и матрацев и оборудование комнат для рабочих элементарной мебелью — столами и стульями, чтобы рабочий мог написать письмо; и, наконец, чтобы ферма совместно с деревней Киннерет наняла фельдшера. Берман пообещал выполнить все требования, но не сдержал слова. Примерно через месяц произошло событие, разогревшее страсти. Один из старейших рабочих фермы Меир Ингберман заболел желтой лихорадкой. Его поместили в больницу при христианской миссии в Твери, ибо во всей округе не было врача-еврея. Через несколько дней он скончался. Узнав о смерти товарища, рабочие попросили отпустить их на похороны. Стоял дождливый день, и работа все равно остановилась. Берман разрешил им поехать в Тверию и выделил подводу. Но выяснилось, что желающих ехать на похороны больше, чем могла увезти одна подвода, и рабочие запрягли лошадей во вторую, не спросив управляющего. Берман рассвирепел и со своей обычной грубостью запретил брать вторую подводу. Оскорбленные рабочие отказались и от первой подводы. Долго плелись они, увязая в грязи, до Твери, а когда добрались, оказалось, что похороны уже окончились. "В башмаках наших хлюпала вода, а сердца сжимались от боли". Разбитые, усталые, продрогшие, потащились они обратно в Киннерет. Тем же вечером, в канун субботы, была объявлена забастовка. Рабочие решили бастовать до тех пор, пока Берман не уедет с фермы. Но, поскольку необходимо было окончить сев озимых, рабочие согласились продолжить работу при условии, что руководить ими будет заместитель Бермана. Когда тот отказался, вся работа на ферме, кроме кормления скота, была остановлена*.

*Имеется значительное расхождение между рассказом Берла о забастовке, относящимся к 1929 году ("Чтобы не нанести

Забастовка длилась две недели (начиная с 11 февраля 1911 года), пока на место происшествия не явился Руппин. После утомительных переговоров с рабочими он пришел к выводу, что выдвигаемые Берманом против рабочих обвинения в узурпации власти абсолютно безосновательны (рабочие отказались вернуть ключи от склада, чтобы иметь возможность кормить скот), тогда как обвинения в адрес Бермана вполне обоснованы. Приговор Руппина гласил: зачинщики забастовки должны покинуть ферму, Берман же подлежит увольнению, а на его место будет назначен новый управляющий. Сначала думали, что Бермана оставят на положении агронома, но когда Руппин объявил о его полной отставке, рабочие согласились выполнить требование Руппина, чтобы организаторы забастовки также ушли с фермы.

Достигнув зрелости, став одним из руководителей рабочего движения в Эрец, Берл будет придавать забастовке на ферме Киннерет первостепенное значение, считая ее первой демонстрацией мощи рабочего движения, положившей начало отношениям с Всемирной сионистской организацией на основе признания силы рабочего движения и уважения к нему. С течением времени Берл стал думать, что эта забастовка подорвала всю систему администрации на ферме. Однако такая точка зрения не выдерживает проверки фактами.

Забастовка была первым общественным событием, в котором Берл стал вожаком, взял на себя ответственность за других и повел их за собой. До нас не дошли письма Берла, свидетельствующие о тех

ущерба хозяйству, было решено взять на себя руководство ведением всех дел. Пахота и сев продолжались”), и тем, что сообщалось в отчетах того периода. В одном из них, наиболее близком по времени к происшествию, говорилось: “После дождей установились погожие дни. Нас очень тянуло выйти в поле, но мы изо всех сил сдерживались и продолжали забастовку”. (“Киннерет”, “Ха-позл ха-цаир”, 13 марта 1911 г. — *Прим. автора.*)

днях, и потому трудно теперь определить его функции, его роль в забастовке. По-видимому, он составлял первые скромные требования рабочих из упомянутых четырех пунктов. Но когда вспыхнула забастовка, был избран другой, больше него проработавший на ферме рабочий, чтобы предъявить Берману требование об уходе с фермы. Как мы помним, в тот момент на ферме не оставалось работников, известных всей рабочей Галилее. Надо думать, среди горстки этих забитых, униженных людей не нашлось никого, кроме Берла, кто был бы способен долгое время возглавлять забастовку, непреклонно отстаивать позиции рабочих и, особенно, вести переговоры с Руппином.

У нас, опять-таки, есть лишь косвенные доказательства того, что Берл встречался с Руппином. Несомненно, пикантное зрелище представлял собой поединок между затянутым в строгий костюм, говорящим исключительно по-немецки прусским асессором и курчавым, заросшим бородой революционером в черной робе с зелеными заплатами, который только с помощью идиш мог кое-как изъясняться с молодым руководителем палестинского отдела Всемирной сионистской организации. Усевшись на бревно во дворе, эта экзотическая пара вела переговоры с помощью Ицхака Вилканского (Элазари-Вилкани), который, видимо, служил переводчиком.

В противоположность последующим утверждениям Берла, забастовка не привела к ликвидации прежней административной системы. Недели через две после окончания забастовки на ферму прибыл агроном Гулда, назначенный новым управляющим. На этом этапе Руппин не принял точку зрения рабочих, заявивших, что жалование управляющего и оплата его расходов — это излишнее и тяжкое бремя для хозяйства, не говоря уже о социальной напряженности, являющейся следствием резкого различия в уровне и образе жизни между управляющим и рабочими, живущими бок о бок в пределах маленького двора.

Эта пропасть, по мнению рабочих, делала невозможным искреннее сотрудничество между сторонами. Год спустя после забастовки в газете "Ха-ахдут" появилась хвалебная статья, посвященная агроному Гулде и его деятельности на ферме Киннерет.

Итак, система управления фермой не претерпела существенных изменений в результате забастовки. Тем не менее, стачка имела существенное значение для самих рабочих. Она продемонстрировала им их собственную силу и указала естественного союзника — Всемирную сионистскую организацию. Хозяин-частник уволил бы рабочих и вопрос был бы исчерпан. Иное дело палестинский отдел ВСО под руководством Руппина. Его судьба была тесно связана с еврейским рабочим в Эрец, что создавало почву для сотрудничества. Немалое значение имела также открытость Руппина по отношению к людям иного склада, иного образа жизни, с иной системой ценностей, его постоянная готовность искать новые пути к взаимопониманию. В этом смысле беседы на ферме Киннерет имели исключительно важное значение — они открыли Берлу и его товарищам глаза на характер Руппина, их партнера по переговорам, и с тех пор между ними навсегда установились отношения взаимного доверия.

Во всей истории этой забастовки более всего удивляет позиция самого Берла. Ни в каких документах того времени деятельность Берла не упоминается. Это и не удивительно: в те годы было не принято называть в газетных статьях имена рабочих лидеров — все та же характерная для Второй алии скромность. Однако Руппин писал о забастовке много лет спустя. За прошедшие с тех пор годы у него сложились дружеские отношения с Берлом, ставшим видным деятелем палестинского рабочего движения. Следовало поэтому ожидать, что Руппин подчеркнет роль Берла в проведении забастовки и ее урегулировании. Но, если не считать брошенного мимоходом замечания, Руппин вовсе не упоминает Берла. Исходя из этого, можно, по-видимому,

заклучить, что, оглядываясь на пройденный путь и вспоминая годы Второй алии, Берл видел в киннеретской забастовке начало своей общественной деятельности в Эрец и придавал своему участию в этом инциденте большее значение, нежели это имело место в действительности.

Киннеретская стачка являлась лишь звеном в цепи других событий, выявивших потребность палестинских рабочих в новой организационной структуре. Две существовавшие тогда партии — ха-Поэл ха-цаир и Поалей Цион, — по-прежнему упрямо державшиеся за позиции отказа от расселения рабочих на земле, не могли служить подходящими организационными рамками для решения проблем, возникавших в отдельных рабочих коллективах; не могли представлять рабочих в палестинском отделе Всемирной сионистской организации и других сионистских учреждениях; не могли, наконец, выражать позиции рабочих по отношению к затрагивавшим их интересы проектам, например, плану Оппенгеймера о создании поселения в Мерхавии. В ходе киннеретской забастовки стало ясно, что рабочим необходим авторитетный орган, который мог бы представлять их интересы, помогать им в стачечной борьбе и организовывать, если нужно, поддержку других рабочих коллективов. Забастовка ускорила созыв съезда рабочих Галилеи, состоявшегося в Умм-Джунни во время праздника Песах 5671 (1911) года. Берл участвовал в работе съезда как один из представителей рабочих фермы Киннерет.

Это был первый внепартийный съезд рабочих, и не случайно, что проходил он именно в Галилее. Влияние обеих партий в Галилее было значительно слабее, чем в Иудее. Центральные комитеты их находились в Яффо и Иерусалиме, там же жили их руководители. Кроме того, рабочих Галилеи волновали вопросы, которые мало занимали партийное руководство. Вследствие всего этого новая организация появилась на свет именно в Галилее.

Естественным представляется и тот факт, что Берл

участвовал в подобной организации и именно здесь нашел свое место. Ведь для него с самого начала труд был средством личного спасения и возрождения, якорем, за который можно было бы ухватиться, а отнюдь не путем формирования пролетариата. Первые попытки создания новых рабочих поселений в Галилее, свидетелем которых он был, а также уроки киннеретской забастовки только усилили в Берле это стремление. Вскоре после забастовки он писал брату Исраэлю: "Я хочу трудиться, но не хочу быть пролетарием. Это в моих глазах вовсе не добродетель. Любить труд, чувствовать себя человеком, быть свободным от крестьянского и служивого ярма — для этого надо быть независимым. И палестинский рабочий желает сам распоряжаться собою. Только вот путь к этому еще не проторен". Далее он описывает попытки создания рабочих поселений нового типа и добавляет: "Со временем они позволят каждому правильно отыскать свое место". Он не отдает предпочтения какой-либо одной форме поселения перед другой, они представляются ему лишь экспериментом. Но ему ясно, что именно этот путь отвечает стремлениям нового палестинского рабочего.

Можно выдвинуть и другие предположения, касающиеся вступления Берла в новую организацию галилейских рабочих, исходя из его отталкивания от тогдашних партий. В двадцать четыре года у Берла накопился богатый опыт партийной жизни. Ему опротивела оторванная от реальной жизни фразеология, характерная и для российских, и для палестинских партий, особенно в тот период, когда идеологическая косность приводила к полному отрыву от жизни. Берл никогда не испытывал чувства верности по отношению к какой-то определенной идеологии, если считал, что время ее миновало. С течением времени он станет весьма нетерпимо относиться к тем, кто не сразу разделит эту его точку зрения. Пока что он просто не вступал в их среду.

И еще: в период Второй алии партии были почти

”семейным” делом. Их члены, и в особенности руководители, крепко сплотились за первое десятилетие нового века. Число членов партии тогда было весьма ограниченным, все знали друг друга. Имелись признанные руководители, и сама руководящая верхушка походила на закрытый клуб, со своим собственным стилем речи и привычным образом действий, с собственным политическим жаргоном. Опоздавшие к началу, подобно Берлу, уже не могли пробить себе дорогу в один из этих закрытых клубов. Вот Берл и вступил в новую организацию, только еще создававшуюся в Галилее, где главным вопросом на повестке дня был путь создания рабочих поселений. В этом был источник роста нового беспартийного движения, его основа.

В работе съезда участвовало семнадцать делегатов, каждый из которых представлял восемь избирателей. Таким образом, в Галилее имелось тогда около ста пятидесяти рабочих — немалая цифра по понятиям Второй алии. Заранее не были разработаны ни организационная структура, ни программа. Даже повестка дня съезда была утверждена в последний момент, как и кандидатуры двух ораторов, которым предстояло открыть дебаты. Согласно одному из источников, это были Элизер Шохат и Берл Кацнельсон.

Съезд постановил избрать двух представителей рабочих в комиссию, которая должна была контролировать осуществление плана создания поселения в Мерхавии. Под конец перешли к выборам, и после шушуканья на партийной кухне съезд избрал комитет из семи человек: двоих от Мерхавии, двоих от Киннерета, одного от Умм-Джуни, одного от Йемы и одного от Маджала. Двое из них были членами Поалей Цион, представлявшими одновременно ха-Шомер, — Маня и Исраэль Шохат; трое из ха-Поэл ха-цаир — Элизер Шохат, Хана Майзель и Цви Иехуда; двое беспартийных — Исраэль Бацер и Берл.

Берл быстро занял центральное положение в

Галилейском комитете. Двое представителей ха-Шомера практически не участвовали в работе комитета, а Элизер Шохат и Исраэль Бацер, являвшиеся членами ударной группы из Мерхавии, были летом 1911 года арестованы турецкими властями. Итак, оставались Цви Иехуда и Берл. Цви Иехуда собирался навестить родителей, оставшихся в России, а потом и вправду уехал. Само собой вышло так, что почти всеми делами заправлял Берл.

Деятельность его не была особенно разнообразной, но отвечала поставленной цели — главной заботой Берла было привлечение новых рабочих в Галилею.

Берлу не везло. Его главная проблема — его роль в работе — еще не была решена. Неудачи, сопутствовавшие Берлу и в кучерском ремесле, и на пахоте, его неспособность постичь даже самые простые технические приемы служили неиссякаемым источником шуток среди рабочих Киннерета. Они и по сей день любят рассказывать истории о его тупости во всем, что требовало практической хватки. У него были "глиняные руки", а он желал во что бы то ни стало стать заправским пахарем! Другие находили выход из подобной ситуации — они попросту бросали сельский труд. Одни делались учителями, вторые — публицистами, третьи — служащими. Но Берл был не таков. Он даже на время не пытался сбежать от мучительной деревенской работы — ни в гости к родным, ни ради учебы. Не пробовал он и "устроиться" как-нибудь в Палестине. Для него работа была и оставалась превыше всего. И потому ему никак не удавалось избежать насмешек и оскорблений.

Была в нем, несмотря на двадцатичетырехлетний возраст, какая-то незрелость. Рядом с глубиной мысли, четкостью видения судьбы, ожидавшей еврейский народ в диаспоре, и пониманием его исторической роли в Эрец уживалось в нем стремление уйти от ответственности. Отношения его с Леей были все те же — они были близки, как бывают близки только люди, много лет хорошо знавшие друг друга, но он

не делал никаких попыток заменить их случайные встречи постоянным союзом. Лея большую часть года проводила в Мадждеале, куда нетрудно было дойти из Киннерета пешком, и, надо думать, они часто встречались, но вместе не жили и Берл не проявил к этому никакого желания. Он красовался простотой одежды, костюм его был сплошь в заплатках. А когда пришлось, наконец, купить новые брюки, он немало потрудился, чтобы придать им вид старья. Внешность его была выражением внутреннего бунта, желания выделиться и уйти от чувства ответственности, требующего устойчивости и связанного с определенными обязательствами. Много лет спустя Берл, описывая окружающих его людей, создал и собственный портрет: "Все в нас кричало, бушевало, рвалось наружу. Вера, которую мы носили в сердце, не рядилась в нарядную одежду. Она требовала заплат, лохмотьев. Ни наш голос, ни наши обычаи не отличались гармоничностью. Мы сбрасывали с себя старую одежду, старую вежливость, старый мир — не всегда толком понимая, что делаем".

Та же неустойчивость распространялась и на общественную жизнь. "Мы были, по правде сказать, 'свободными художниками'. Хотелось — работали, не хотелось — не работали. Почувствовав себя в одно прекрасное утро 'не в настроении', человек поднимался и уходил, бросая все к чертям". Так вел себя и Берл. Его страсть к скитаниям еще не утихла, а когда к ней присоединилось желание найти работу, которая принесла бы, наконец, удовлетворение и успех, он, не долго думая, бросил свою общественную работу в Галилее, собрал немудреные свои пожитки и в начале 1912 (5672) года вернулся в Иудею.

Год, проведенный в Киннерете, не принес Берлу новых друзей. Он был там, кажется, довольно одинок. Ни с кем из тогдашних рабочих фермы не сохранилось у Берла дружеских отношений в последующие годы. Люди, жившие тогда в Киннерете, были простые рабочие, без каких бы то ни было

интеллектуальных запросов, довольно малоинтересные. Берл так и не нашел с ними общего языка. Они любили посудачить о его непригодности к труду и, хотя уважали Берла настолько, что избрали своим представителем, все же не видели в нем ничего особенного.

Иначе воспринимали Берла другие люди, побывавшие тем летом в Галилее. Его навестили в Киннерете Шмуэль Иосеф Агнон и Залман Рубашов. Оба они в один голос говорили о нем как о провидце, открывавшем собеседнику за один ночной разговор такие истины и миры, о которых тот и не подозревал, как о пророке, осветившем новым светом настоящее и будущее.

С каждым из своих гостей Берл бродил по залитому волшебным лунным светом берегу озера и говорил ночь напролет. Тема разговора была одна и та же — "человек в Эрец": важность мелких, лишенных как будто всякого значения дел, совершаемых в Эрец-Исраэль, в отличие от грандиозных, на первый взгляд, событий, происходящих в диаспоре. Халуцианская деятельность в Эрец, пусть слабая и жалкая, перевешивает все революции диаспоры. Алия и работа в Эрец — поступок, превышающий все прочие добродетели.

Шазар (Рубашов) с упоением рассказывал о гигантских демонстрациях против царя, сотрясающих Россию, а Берл стоял на своем: одна телега соломы во дворе фермы Киннерет важнее для еврейского народа, чем все эти массовые демонстрации, вместе взятые.

Агнон заключает рассказ о разговоре с Берлом такими словами: "И если малые наши дела в Эрец важнее в моих глазах многих великих дел, происходящих в мире, то за это я благодарен Берлу Кацнельсону, который научил меня видеть то, чего я не видел, и понимать то, чего я не понимал".

В начале 1912 (5672) года Берл, как уже говорилось, вернулся в Иудею. Он теперь отдавал себе отчет в том, что работа, которая ему по душе и по силам, — это лесонасаждение и садоводство. Желая усовершенствоваться в этом деле, он поступил на работу в питомник "Леса имени Герцля" неподалеку от Лода, где теперь находится Бен-Шемен.

Вернувшись в Иудею, Берл не переставал интересоваться общественной жизнью. У него сложились независимые суждения по многим вопросам, с ним считались в рабочей среде. С новой его жизнью тесно связаны два понятия, которые одновременно вошли в мир палестинского ишува: "рабочие профсоюзы" и "беспартийные" организации.

В каждом новом историческом явлении есть нечто таинственное: еще вчера его не было, а нынче от него уже не уйти. В чем его истоки, какие соки питали его — вот вопросы, занимающие изумленного свидетеля его появления. И так уж устроен мир, что современники склонны глядеть на новое явление, скептически покачивая головами и считая его диким растением, которое засохнет с наступлением летней жары. Подобным же образом отнеслись к "беспартийным" объединениям и старые партии — ха-Шомер ха-цаир и Поалей Цион. Было в этом отношении и какое-то неуклюжее опекуновство, грозящее гибелью нежному молодому существу, и пренебрежение старика к зеленому юнцу. Была и неприкрытая враждебность, защита пошатнувшихся позиций и устоявшегося порядка. Тут руководители обеих партий нашли общий язык, который им никак не удавалось отыскать при обсуждении других вопросов.

Истоки новых рабочих организаций Галилеи и Иудеи крылись в том вакууме, который оставили две существующие политические партии. Как уже отмечалось выше, главным был вопрос о поселениях. Пока обе партии продолжали возражать против рабочих

поселений, рабочие поселения уже стали возникать сами собой. Потребность в органах, которые представляли бы рабочих, независимо от партийной принадлежности, в организациях, ведающих поселенчеством (как, например, в случае с Мерхавией), подхлестнула возникновение объединений на внепартийной основе. Было априори ясно, что подобное объединение не могло быть профессиональным, на манер существующих в разных странах профсоюзов, ибо занималось бы прежде всего проблемами поселенчества, а не только вопросами, касающимися наемных рабочих. Парадоксально, что пока рабочий не освободился от положения поденщика, не было нужды в такого рода организации, и рабочие удовлетворялись партийными спорами на отвлеченные темы. Но как только рабочие отошли от теории "пролетаризации", им тут же понадобилась собственная организация. Беспартийные объединения в Иудее и Галилее выросли из жизненных потребностей самих рабочих, и человеческим материалом, из которого строились эти объединения, тоже были сами рабочие. Столь популярный в период Второй алии спор о том, какой именно рабочий возродит Эрец-Исраэль: рабочий-идеалист или "естественный" рабочий — был бесплоден, ибо среди тех и других были такие, которые побеждали, и такие, которые терпели поражение. Нет, однако, сомнения в том, что рабочие-идеалисты, или ставшие таковыми, были особенно распространены среди сельскохозяйственных рабочих. Переход к сельскому труду был связан у большей их части с духовным переворотом, проповедником которого был А. Д. Гордон. Такого же переворота жаждал и Берл. Люди эти принадлежали к особому человеческому типу, они фанатически связали свою жизнь с сельским трудом — и тут вдруг обнаружили, что их проблемы совсем не интересуют то или иное партийное руководство.

Партии, возникшие в начале Второй алии, выражали ментальность и темперамент того человеческого типа,

который появился в Эрец в этот период. У членов каждой из этих партий возникла своя, характерная манера поведения, сложились особые отношения — личная преданность, враждебность, любовь. Поскольку каждая партия состояла всего лишь из нескольких сот членов, она как уже говорилось, представляла собой нечто вроде закрытого товарищеского клуба, где все знают друг друга, все связаны общими воспоминаниями о первых годах жизни в Эрец. И новичок, опоздавший вступить в этот клуб, при всем старании будет чувствовать себя здесь посторонним.

Думается, не случайно то обстоятельство, что многие активисты сельскохозяйственных объединений составляли вторую волну Второй алии и появились в Эрец после 1909 года. Наиболее выдающимися деятелями этой волны были Ремез, Табенкин и Берл. Приехав в Эрец, они застали здесь партии со сложившимся аппаратом, с установившейся иерархией руководства. Ицхак Табенкин, например, вступил в местное отделение партии Поалей Цион, в которой состоял еще до приезда в Эрец, но вскоре вышел из партии. Как представителя Поалей Цион Табенкина избрали в центральный комитет рабочих Иудеи (на третьем съезде) — в объединение именно сельскохозяйственных рабочих. Прошло немного времени, и Ицхак с удивлением обнаружил, что декларируемые партией позиции чужды ему.

Берл с самого своего приезда в Эрец держался подальше от партий. Причинами такого внутреннего отталкивания были российский опыт партийной работы и желание отвечать только за самого себя, характерное для Берла в первый год его жизни в Эрец. Когда же он вылез из скорлупы и готов был взвалить на свои плечи ответственность руководителя, перед ним уже ясно вырисовывался его путь — не партийная борьба, а вырастающая из новых условий жизни, еще только нарождающаяся форма рабочего объединения — независимого, имеющего собственное хозяйство и основанного на равенстве. Всеми этими

признаками обладало Объединение сельскохозяйственных рабочих Иудеи, в которое он теперь и вступил.

26—27 кислева 1912 (5672) года в Петах-Тикве состоялся второй съезд рабочих Иудеи. Он сыграл важную роль в развитии рабочего движения в Эрец и в жизни Берла. На съезде наметились несколько важнейших направлений дальнейшей деятельности рабочего объединения, которые также стали делом жизни Берла.

В числе прочего на этом съезде было решено учредить больничную кассу для рабочих — "куппат-холим". С практической точки зрения это было самое важное решение съезда — в условиях нищенской бесприютной жизни рабочих Второй алии создание больничной кассы явилось историческим, поворотным моментом. Согласно предложению Берла, касса должна была финансироваться за счет сбережений самих рабочих и действовать на основе взаимопомощи. Таким образом, Рабочее объединение брало на себя функции семьи, которой так недоставало рабочим, а также социальные функции, до осознания которых крохотный тогдашний ишув еще не дорос.

Берл предложил, чтобы Рабочее объединение занялось также распространением образования среди рабочих. Прежде всего — обучением ивриту с тем, чтобы рабочие, недостаточно владеющие языком, смогли активно участвовать в общественной жизни Эрец. Распространение языка должно было также предотвратить процесс, который Берл считал губительным, — разрыв между интеллигенцией и рабочими. Взаимопонимание между этими двумя слоями, их совместное участие в жизни общества были главным лейтмотивом мировоззрения Берла. Однако эта проблема еще недостаточно созрела в сознании рабочих и потому предложение Берла не нашло поддержки на съезде.

Берл предлагал также распространять среди рабочих сельскохозяйственные знания. Весь его предшествующий опыт неудач и злоключений подводил Берла к

выводу: рабочие не имеют профессиональной подготовки по сельскому хозяйству; сельскохозяйственная литература отсутствует — отсюда и провал столь многих начинаний, душевные срывы. Необходимость профессиональной подготовки отражала тенденцию к переходу от работы поденщика, не отвечающего за результаты своего труда, к самостоятельному труду и ответственности за ведение хозяйства. Берлу удалось убедить съезд в своей правоте, и этот пункт его предложений был принят. Решено было создать передвижную сельскохозяйственную библиотеку. В будущем ей предстояло стать темой бесчисленных шуток и карикатур.

Уже на съезде стало ясно, что обе партии видят в рабочих объединениях нового опасного конкурента. Предложение Берла о культурной работе среди членов Объединения воспринималось как вторжение в сферу компетенции партий, занимавшихся идеологическими вопросами. Представители обеих партий, Зрубавел и Аронович, поспешили ограничить деятельность Рабочего объединения отведенной ему областью — профессиональной. Борьба этих двух тенденций: стремления партий ограничить сферу деятельности Рабочего объединения и стремления самого Объединения разбить профессиональные рамки и занять место партий — будет продолжаться в течение последующего десятилетия.

Берл был избран на съезде в две комиссии: комиссию по культуре и информационную комиссию.

1912 год не был ознаменован особыми достижениями в работе Объединения рабочих Иудеи. Фактически тяжесть всей повседневной работы взвалил на свои плечи один человек — Меир Рутберг, а остальные члены комиссий, кто больше, кто меньше, от отделились. Берл тоже не блистал в том году своей работой в Объединении. Однако полемика по вопросу о кассе палестинских рабочих достигла большого накала, и Берл тоже принял в ней участие, опубликовав в газете "Ха-поэл ха-цаир" свою первую

в Эрец статью "Изнутри". Спор разгорелся вокруг бюро по найму, учрежденном кассой. Объединение рабочих Иудеи рассматривало это бюро как одно из партийных учреждений. Хотя Берл и не слишком активничал, но разозлить членов Поалей Цион ему удалось, в результате чего они единым фронтом выступили против него на выборах делегатов на третий съезд рабочих Иудеи, состоявшийся в Бен-Шемене накануне Ханукки 5673 года, и не допустили его избрания на съезд. Однако, хотя Берл и не являлся делегатом съезда, его пригласили прочесть вступительный доклад по вопросу о рабочих поселениях. Отсутствие делегатского мандата не помешало ему также стать членом "бюро" — исполнительного органа Объединения.

На этом съезде Берл развил свою концепцию рабочего-поселенца. Идея эта уже начала облекаться в плоть и кровь в Галилее. Она была публично изложена с трибуны съезда и превратилась из замысла отдельного человека в идеологию целого движения. Отныне лозунгом будет не завоевание труда, а создание рабочих поселений. Причем это будет не прилегающий к большой старой деревне рабочий поселок, а самостоятельное поселение, где рабочий и его семья будут вести собственное хозяйство. В таком поселении следует поставить вне закона практику использования дешевого арабского труда, ставшего источником общественного и национального паразитизма старых деревень. Все жители нового поселения обязаны будут использовать исключительно работников-евреев. Чтобы не допустить ведущей к вырождению зависимости от воли опекунов, в новом поселении будет гарантировано право поселенцев самостоятельно решать вопрос о принятии новых членов. Чтобы устоять перед лицом экономических трудностей, неизбежных в первые годы жизни сельскохозяйственного поселения, трудностей, которые привели к краху многие прекрасные начинания, все члены поселения будут нести коллективную ответ-

ственность за уплату долгов. Все это станет возможным только в том случае, если за основание рабочих поселений возьмется Сионистское движение, которое передаст им землю в вечное пользование, но не в собственности — чтобы избежать соблазна земельных спекуляций.

В этой программе было два принципиальных новшества: концепция постоянного рабочего поселения, в отличие от существовавших тогда временных групп завоевания труда, и активная роль, отводившаяся Сионистскому движению в процессе закрепления еврейского рабочего в Эрец-Исраэль.

Третий съезд в организационном отношении стал значительным этапом в развитии Объединения. Впервые, оно взяло на себя задачу создания поселений. Сделано это было с согласия представителей партий, или, можно сказать, что те просто не заметили этой его новой функции. Весьма вероятно, что легкость, с которой представители обеих партий возложили на Объединение "работу по учреждению рабочих групп ("квуцот") и поселений", свидетельствует о том, что они еще не отдавали себе отчета в важности этого решения.

Организационную базу Объединения составляли наемные сельскохозяйственные рабочие и поселенцы различных типов: члены рабочих групп и рабочих поселений, где нет эксплуатации и наемного труда. Если партии носили городской характер, то Объединение стало органом сельскохозяйственных еврейских рабочих. Берл видел в нем ядро нового общества, нарождающегося в Эрец-Исраэль.

На этот раз в бюро Объединения были избраны трое: Ицхак Табенкин — представитель Поалей Цион, Берл Кацнельсон — беспартийный, Меир Рутберг — от ха-Поэл ха-цаир. Со временем Берл станет причислять и Рутберга, и Табенкина к беспартийным — и не случайно. Вокруг Объединения сплачивался определенный круг людей, начался динамичный процесс оттока из обеих партий и перехода новых сил в

Объединение. Постепенно сложилось руководящее ядро, некоторые из его членов, подобно Берлу и Ицхаку, знали друг друга еще по России, другие сблизились с этой группой уже в Эрец. Берл определял беспартийных как "крохотную группку близких друзей". Для него тесная личная дружба, завязавшаяся в совместной работе, была не менее важна, чем сотрудничество в решении общественных дел. В этом кругу у Берла сформировались твердые взгляды на путь рабочего в Эрец и расселение еврейского народа в новой стране.

Интересно, что именно в этот год Берл начал по-настоящему работать в Объединении. После трудового дня (сперва в Бен-Шемене, а потом в Эйн-Ганим) он верхом на осле или пешком отправлялся по поселениям и рабочим группам — разбирая споры между членами разных партий, выслушивал жалобы, устранял недоразумения. В Петах-Тикве, например, члены Поалей Цион открыли для рабочих клуб и кухню, но рабочие, не состоявшие в этой партии, бойкотировали их. Берл уладил это дело. Вел он переговоры и с отделом ВСО Эрец-Исраэль, представляя разные рабочие поселения и группы, отстаивая монополию Объединения в вопросах поселенчества, если ему казалось, что в эту область вторгнулся ха-Шомер. В этот год Берл сформулировал принципы больничной кассы, и организация, основанная формально еще в 1912 году, встала, наконец, на ноги. Тот факт, что, посещая Эрец-Исраэль, крупнейшие деятели Сионистского движения Усышкин и Соколов встречались и беседовали с Берлом, а также избрание его членом еврейского мирового суда в Яффе, свидетельствуют о новом положении Берла среди общественности Эрец. Окрепла его вера в себя, формулировки приобрели большую четкость и ясность. Можно, пожалуй, сказать, что в 1913—1914 годы и Объединение сельскохозяйственных рабочих Иудеи, и сам Берл вступили в полосу зрелости.

В Ханукку 5674 (1914) года состоялся четвертый

съезд Объединения, на этот раз в Ришон ле-Ционе. Съезд представлял 460 рабочих — членов Объединения и привлек всеобщее внимание. Берл произнес на съезде большую речь. На первый взгляд, он ничем не обогатил концепцию поселенчества, изложенную им годом ранее. Но какая разница в формулировках, в четкости видения явлений! То, что в 1913 году говорилось как бы между строк, теперь произносилось во весь голос, с полной уверенностью в себе. Берл бросает лозунг создания "рабочего ишува". "Мне думается, такова теперь столбовая дорога еврейского рабочего в Эрец". Прошло время половинчатых формулировок, всех этих "наряду с этим". На сей раз он открыто предлагает решение: "Надо, чтобы все поняли: рабочий ишув — это начало и завершение заселения Эрец, это единственная форма создания поистине национального ишува". Форма поселенчества должна отвечать желаниям участников самого движения, это гарантирует укоренение еврейских рабочих в Эрец. Свободные самостоятельные поселения, обеспечивающие рабочему средства к существованию, станут фундаментом справедливого общества, которое будет привлекать к себе сердца идеалистов из диаспоры.

Берл видит, как в новых сельскохозяйственных поселениях из овощеводов, животноводов, земледельцев формируется новый тип еврейского рабочего. "Внимательно присмотревшись к жизни наших немногочисленных рабочих поселений ...мы поймем, что это "опытные станции" истории; именно здесь воспитывается народ".

То, что четыре года назад казалось сомнительным и маловероятным, превратилось теперь в идейную базу настоящего движения. Движение это было пока немногочисленно — не более тысячи сельскохозяйственных рабочих, — но его самосознание, дерзость мысли и действия придавали ему значение и силу, намного превосходящие численность. Формы его еще не устоялись, все было еще открыто для перемен, но

направление уже было ясно. И Берл стал рупором этого движения.

Доминирующее положение Берла в Объединении четко выразилось на четвертом съезде — он зачитал отчет о работе бюро за истекший год, он ответил на критику в адрес бюро, он выступил с программной речью, основные положения которой нашли отражение в постановлениях съезда. Съезд единогласно одобрил деятельность бюро. Берл был избран членом нового бюро, а также представителем Объединения рабочих Иудеи в только что созданном Рабочем комитете страны (Ваад ха-поалим ха-арци).

Конфликты между ха-Поэл ха-цаир и Поалей Цион на время улеглись, и это сыграло существенную роль в создании на съезде хорошей товарищеской обстановки. Ради того, чтобы избежать столкновений и сохранить единство, Берл готов был пойти на то, чтобы каждая партия избрала своего представителя в бюро вместо того, чтобы устраивать общие выборы. Новый состав бюро был избран единогласно. В нем сохранялось равновесие между Поалей Цион, ха-Поэл ха-цаир и беспартийными. Объединение рабочих Иудеи стало реальностью, с которой считались и внешние силы — отдел Всемирной еврейской организации Эрец-Исраэль и Одесский комитет. И чем более возрастало значение Объединения, тем крепче становилось положение Берла — главной фигуры в его руководстве.

В конце 1914 года Берлу исполнилось двадцать семь лет. Казалось, путь его ясен. Работа на плантациях Бен-Шемена соответствовала его склонностям и способностям. Его влияние среди сельскохозяйственных рабочих Иудеи непрерывно росло. Он занимался настоящим делом, целью которого было создание хороших условий жизни для еврейского рабочего, прокладывающего новые пути в заселении Эрец. У него завязались дружеские отношения с несколькими людьми, работавшими бок о бок с ним.

Но похоже, его все-таки снедало беспокойство,

по-прежнему точило его отсутствие внутренней цельности. Если бы не брат Израэль и его жена Батя, которые летом 1912 года переехали в страну из Америки, Берл бы, пожалуй, снова бросил Иудею и пошел бы бродить по Галилее. "Дух странствий снова толкает меня в путь", — писал Берл. Маятник его души еще продолжал качаться между потребностью в дружбе, человеческой близости, чувстве товарищества — и стремлением к одиночеству, охране своего "я". В Бен-Шемене он предпочел жить в крохотном сыром погребе, лишь бы иметь собственную "комнату". Радуюсь приезду в Эрец друзей и дорогих его сердцу родичей, отдавая много сил работе в Объединении, он иногда жалуется: "До чего же хорошо человеку в одиночестве! Если бы я и вправду мог побыть один". Он жаждет возможности открыть кому-нибудь душу, жаждет взаимной откровенности с друзьями и родными, но не способен обнажать свое сердце; даже в письмах Берл сдержан и склонен скорее скрывать свои чувства, нежели распространяться о них.

В его отношениях с Леей за эти два года не происходит существенных перемен. Для обоих уже миновала пора юности. Дружба их продолжается уже десяток лет. Лея жила в Галилее, в Седжере и Киннерете. Она много болела, ей тяжело давалась физическая работа и страшный климат Иорданской долины. Иногда, особенно по праздникам, Берл отправлялся в Галилею навестить ее, порой они проводили какое-то время вместе — но до создания совместного очага дело так и не дошло. Похоже, и в двадцать семь лет Берл продолжал увиливать от ответственности, связанной с семейной жизнью. Он не мог отдать себя целиком, боялся утратить собственную индивидуальность и независимость. А может, он просто не был уверен, что действительно любит Лею, и потому не хотел брать на себя никаких обязательств. И в то же время их отношения были настолько теплыми и глубокими, что порвать с нею он тоже не хотел.

В начале 5673 (1913) года после долгих отсрочек, наконец, приехала в Эрец Сара Шмуклер, общая подруга Берла и Леи. Сара с отличием окончила Киевское училище сестер милосердия и успела даже пару лет поработать фельдшерницей в белорусской деревне. Небольшого роста, с тонким, обрамленным светлыми волосами лицом, с легкой, несмотря на некоторую полноту, походкой, она отличалась хорошим характером и любовью к людям. Была в ней мягкость и сердечность, готовность выслушать человека, искреннее сочувствие к чужой беде — все те качества, которых недоставало в сильной натуре Леи. Сара приехала в Эрец, пережив разочарование в любви, предметом которой был, видимо, русский доктор. Ее одолевало отчаяние, близкое к тому, которое когда-то испытывал перед отъездом в Палестину Берл. Уязвленная гордость и душевные терзания, стремление обрести в работе внутреннюю цельность, осуществить себя — вот чувства, сопровождавшие Сару на пути в Эрец. Незнание языка сильно осложнило ее вхождение в узкий круг молодежи Второй алии. Ей нелегко было читать газету, лишь с большим трудом могла она участвовать в интересовавших ее спорах на политические темы. Некоторое время Сара работала в больнице Зихрон-Яакова под руководством доктора Хиллела Яффе. Впоследствии, выступая на похоронах Сары, доктор Яффе проникновенно говорил о ее человечности и скромности, превозносил ее самоотверженную преданность делу. Но работая рядом с ним, Сара чувствовала с его стороны какую-то холодность, думала, что он враждебно относится к ней. Ей было больно, что этот замечательный человек сердечно держится со всеми работниками больницы, кроме нее. Эти ее чувства были, несомненно, субъективными, не основывались на реальных фактах, они отражали лишь ее повышенную ранимость, склонность к самобичеванию, ее потребность в ответной человеческой теплоте.

Берла, Лею и Сару связывали узы глубочайшей

дружбы. Девушки очень любили друг друга, и Берл чувствовал, что они по-настоящему близки ему. Тем не менее целых полтора года после приезда Сары в Эрец им никак не удавалось поселиться поблизости друг от друга и они довольствовались только мимолетными встречами. Конечно, тут сказывались условия тогдашней жизни, трудность найти подходящее место работы — и все же люди Второй алии умели жить семьями, коммунами, группами, которые так или иначе находили заработок. Напрашивается поэтому вывод, что самоограничение нашей троицы вытекало из полувывыказанного-полускрытого желания Берла сохранить свою свободу, свой собственный угол — желания, о котором обе девушки, и особенно Лея, хорошо знали.

Но до чего же при всех этих сомнениях хотелось Берлу ребенка! Холостяцкое общество Второй алии относилось к детям, как к чему-то святому. Неопытные, оторванные от традиций родительского дома, от бабушек и пожилых родственников, которые могли бы помочь в воспитании детей, эти люди смотрели на немногих детей, рождавшихся в их семьях и семьях их товарищей, не как на нормальное явление, а как на нечто чудесное. Они изливали на ребятишек всю душевную теплоту и нежность, которую боялись обнаруживать на людях и старались изо всех сил скрыть. Берл, настолько сдержанный в письмах к сердечному другу Лее, что в них не найдешь даже выражения, выходящего за пределы изъятий верной дружбы, весь тает, переполняется радостью, когда пишет маленькому сынишке Давида Заккаи: "Здравствуй, малыш! Привет от Берла. Ну, поговори со мной, Берл слушает. Здравствуй, носик, здравствуй, глазик, здравствуйте, щечки..." Но и восторг перед детьми не может заставить Берла изменить образ жизни.

Если в общественной жизни Берл был уже зрелым человеком и с идейной, и с организационно-политической точки зрения, то в личном плане он все еще

юноша, не желающий или не способный стать взрослым, несмотря на свои двадцать семь лет. Впрочем, это его свойство сказывается и в общественной жизни — он неспособен к постоянству. Как четыре года назад, когда нашло на него беспокойное настроение, он бросил вдруг Галилею и ушел в Иудею, — так и теперь Берл, точно "свободный художник", не связанный никакими обязательствами, вдруг бросил свою работу в Объединении рабочих Иудеи и в начале 5675 года, вскоре после начала войны, видимо, совершенно неожиданно вернулся в Галилею.

Киннерет, Киннерет 1914—1918

Идея создания Ахдут ха-авода созрела в товарищеских беседах в Киннерете во время войны 1914—1918 годов.

Берл Кацнельсон, "Скрытые ценности".

Киннерет, тевет 5675 — ав 5677
(1915 — 1917)

Вскоре после начала Первой мировой войны Берл, как мы помним, возвратился на север, в Галилею. С началом войны закрылись рынки сбыта вина: виноградники и плантации Иудеи пришли в запустение, и рабочие потянулись из Иудеи в Галилею, где еще можно было найти работу.

Село Киннерет, увиденное Берлом в 5675 году, сильно отличалось от фермы, запомнившейся ему по 5671 году (1911). После многочисленных неудачных попыток изменить руководство фермой отдел Всемирной сионистской организации Эрец-Исраэль решил, наконец, закрыть ее по причине постоянной нерентабельности и предложить группе Бен-Циона Исраэли (Черноморского), которая в свое время ушла из Киннерета в Седжеру, а оттуда в Кфар-Урия, вернуться на ферму и поселиться там. Они должны были стать самостоятельной группой ("квучой") и

нести полную ответственность за ведение хозяйства. Кроме самого Бен-Циона Исраэли и его жены Хаи, в группу входили Ноах Нафтольский, Меир Рутберг, Иосеф Залцман (убитый вскоре после переезда в Киннерет), Ахарон Шидловский, Ицхак и Эва Табенкины. Сдавшись на уговоры своих молодых друзей по Кфар-Урия, А. Д. Гордон тоже решил присоединиться к киннеретским новоселам. Группа обосновалась во дворе фермы, обнесенном крепкой оградой с железными воротами, служившей надежной защитой от нападений соседей. Рядом с этим двором находилась "девичья ферма", где под руководством Ханы Майзель работали молодые работницы. На другом берегу Иордана раскинулась Дгания, там дело уже начинало идти на лад. Среди работников Дгании выделялись Иосеф Бусель, Танхум Танфилов и Иосеф Барац. Ниже, неподалеку от побережья моря, жили рабочие, занятые осушением болот. Работу эту устроил им Элизер Яффе, благодаря ей они могли прокормиться трудом рук своих и не нуждались в милостыне. Финансировал работы Американский фонд, учрежденный на деньги, собираемые евреями Соединенных Штатов в помощь еврейскому населению страны. Многих еврейских рабочих фонд этот спас от голода. Рядом, на побережье, жили йеменские евреи. Малярия и другие местные болезни косили их целыми семьями, причем первыми погибали грудные дети. К северу от "двора" фермы находилась деревня Киннерет, где тоже было немало наемных рабочих, некоторые из них с семьями. Над деревней Киннерет лежало поселение Пория, одним из рабочих которого был Шломо Левкович (Лави).

Вскоре после возвращения Берла в Киннерет к его группе присоединилось "звено подруг" — пять девушек, четверо из которых: Лея Мирон, Сара Шмуkler, Батя Шейн и Рахел Кацнельсон — приехали из Бобруйска, а пятая, Батя Бреннер, сестра писателя, подружилась с ними уже в Эрец. Девушки были заняты, в основном, на огороде, где трудился и Берл.

Работала в хозяйстве Киннерет также сестра Берла, Хана, а некоторое время спустя в коллектив вступила сестра Леи, Блюма Мирон (впоследствии Слуцкина).

Было в Эрец довольно поселений, прославивших свое имя, — кто мужеством первопроходцев, как Петах-Тиква или основанная билуейцами Гедера, кто упорной борьбой с губительной малярией, как Хадера, кто героизмом павших за них, как Тель-Хай, кто новыми путями в поселенчестве, как Дгания. Рядом с этими громкими именами тогдашняя квуча из Киннерета ничем не выделялась. Случайная, на первый взгляд, группа, все члены которой, за исключением двух-трех, разбегутся по окончании войны. Здесь не было ни хозяйственных новшеств, ни новых путей организации коллектива, ни особых экономических достижений. С самого начала хозяйство являлось нерентабельным, а потом так и не смогло выбраться на верную дорогу. И все же Киннерет оставил неизгладимый след в сознании людей, живших там. Берл, покинувший Киннерет ради новых странствий, так и не вернувшись туда более, продолжал до последнего часа считать себя его жителем. Все творчество поэтессы Рахел пронизано тоской по оставленному Киннерету.

Очарование Киннерета начиналось с пейзажа. На фоне знойных палестинских ландшафтов Киннерет с его необозримой водной гладью, в которой отражались окрестные горы, с его ненарушимой тишиной, был единственным в своем роде. Бен-Цион Исраэли рассказывал о том, как влюблялись люди в его неповторимую красоту: "Не раз случалось мне ночью наткнуться на одинокого еврейского паренька, который, растянувшись на берегу озера, самозабвенно вслушивался в жизнь этого чудного уголка". Пейзаж оказывал несомненное влияние и на решение людей остаться в Киннерете. И те, кто покидал его, продолжали тосковать по покинутым местам. Но было в красоте Киннерета нечто от чар сирены,

завлекающей мореплавателей, а потом губящей их в морской пучине. Берл называл Киннерет "невестой-чародейкой, залучающей к себе женихов из вольного мира". Однако притягательная сила здешних мест действовала и на него. "Быть может, мы не достойны ее, нашей нареченной?" Несмотря на обилие воды, вокруг озера лежала иссохшая пустыня. Горы были голые, без единого тенистого уголка, дочиستا выжженные безжалостным жгучим солнцем. Пустынный, неземной, лунный ландшафт — долина Иордана, зажата между двумя горными массивами, где не видно ни восхода, ни заката, оторванная от всего белого света. Ни единого колыхания ветра, воздух недвижим. Ночью, когда луна отражается в водах озера и вокруг царит безмолвие, в этой неподвижности есть свое очарование. Но днем, когда тебе предстоит проработать в эдаком пекле целый день, не имея возможности отойти в тень и перевести дух, тебе открывается все вероломство этой тихой долины. Если иммигрантам из морозной России вообще нелегко было приспособиться к климату Палестины, то что уж говорить о долине Иордана! Они были первыми европейцами, которые отважились поселиться в этом жутком климате. "Специалисты" всех мастей утверждали, например, что в этом проклятом месте нельзя растить детей. Но будто мало одного нестерпимого зноя — к нему присоединялась еще малярия. Рядом с Киннеретом было огромное болото (то самое, осушение которого организовал во время Первой мировой войны Элизер Яффе) — рассадник малярии. Сочетание жары, возникавшей из-за нее физической слабости, тяжелейшего физического труда — с малярийными микробами было поистине смертельно. Про Киннерет шла худая молва — рабочие там часто болели. К тяжелым природным условиям присоединялась и бытовая неустроенность. Хотя со времен Бермана и Киннеретской стачки здание фермы отремонтировали, но теснота в комнатах все еще была велика. Самым крохотным местом была

кухня. Воду таскали ведрами из озера. Хлеб приходилось печь ежедневно — и в примитивной печке. Естественно, что, несмотря на все старания поварих, гигиена была не на высоте. Из-за нехватки топлива применяли хворост, и от одного только вида пригоревших скудных яств становилось не по себе. Поварихи не раз доходили до слез, когда с оглушительным шумом перед ними выстраивался целый "поезд" из тарелок с нетронутой безвкусной едой. Не успев овладеть кулинарным искусством под руководством матерей, молодые поварихи не могли искупить своего неумения самоотверженным трудом. Добавьте к этому специфику готовки для множества людей, требующую особых организационных способностей, соответствующих продуктов и кухонного оборудования, которых не было и в помине. Итак, к слабости, вызванной жарой, усталостью и малярией, прибавлялись недоброкачественное питание и недостаток гигиены. Вступив в порочный круг болезней, киннеретский рабочий уже не мог выбраться из него иначе как сбежав от "жестокой чародейки" в места с более здоровым климатом — Седжеру, Метуллу или Яффу. Малярией переболели все: Лея, Сара, Хана Кацнельсон, Эва и Ицхак Табенкины. На фотографии того периода Берл выглядит аскетическим монахом: запавшие глаза, торчащие скулы, черная борода, обрамляющая исхудавшее лицо.

Несмотря на чарующую тишь Киннерета, не было покоя на душе у его обитателей. Изнеможение и тоска делались по временам нестерпимы. Кладбище, приютившееся на обращенном к Киннерету склоне ближнего холма, где в те годы прибавилось так много могил, причем возраст похороненных в них людей (за исключением йеменской части кладбища) не выходил за рамки 18—30 лет, — кладбище это свидетельствует о многочисленных потерях, постигших тогда Киннерет. Яков Земдвайс, Мирьям Гринфельд, Иоське Михаэли, Реувен Кривицкий, Шошана Боган и многие другие покончили жизнь самоубийством —

кто на гумне, кто на берегу Киннерета. Один совершил этот отчаянный шаг оттого, что не мог найти работу, другой — разочаровавшись в любви, третий — в приступе депрессии, истоки которой лежали в тяжелейших условиях жизни. Люди требовали слишком много от самих себя и от других, напряжение постоянного сурового суда над самим собой порождало подавленность, еще более усиливавшуюся от характера пейзажа, создававшего при определенном настроении ощущение клаустрофобии — так, что волшебный уголок становился адом. Ализа Шидловская так описывала это состояние: "Что именно в обстановке нашей тогдашней жизни вызывало эту постоянную напряженность, эту потребность в непрерывном сведении счетов с самим собой? Боялись слабости, а вместо страха приходило ожесточение, ожесточение рассудка. Люди ожесточались к себе и к своим ближним. Никто не видел никакой причины для беспокойства ни в чувстве одиночества, снедавшем товарища, ни в тоске, гложущей его самого. И если подчас обрывалась на миг нить, связывавшая одинокого сердцем человека с этой семьей одиночек, — он случалось, не выдерживал..."

А были, наверное, и такие, что воображали жизнь и работу в Эрец совсем иначе, представляли себе жизнь, полную героизма и поэзии. Им не хватило силы воображения, чтобы облечь в поэтические тона серое существование среди лысых гор, чтобы разглядеть героизм в долгом рабочем дне пахаря, идущего за плугом под знойным солнцем долины Иордана..."

Не только волшеббно-жестокий пейзаж, но и общество, жившее на его фоне, было единственным в своем роде. Обитатели Киннерета периода Второй мировой войны и люди, связанные с ним, составляют уникальную галерею человеческих образов: А. Д. Гордон, Ицхак Табенкин, Берл Кацнельсон, Ноах Нафтольский, Бен-Цион Исраэли, Меир Рутберг, Батя Шейн и Батя Бреннер, Лея Мирон, Сара Шмуклер и другие, менее известные, но тоже неповторимые

личности. Каждый из них — особый мир. Все они были одинокими людьми, у каждого были свои причины для плохого настроения, для приступов депрессии, но она поражала всех. Крайние индивидуалисты, бунтовщики, искавшие в жизни новых путей: равенства, простоты, близости к природе, — они мечтали найти себя в сельскохозяйственном труде. А кроме всего этого, у каждого было собственное мировоззрение, каждый утверждал себя по-своему, боролся со своим ангелом. Киннеретская группа не имела четкой программы по вопросу о рабочих группах и не стремилась проверять каждого нового члена — соответствует он этой программе или нет. В этом отношении киннеретская квуча отличалась от своей соседки Дгании. Последняя характеризовалась значительно большей устойчивостью; это был сплоченный коллектив, хоть и в нем случались срывы — не гладким был путь новой совместной жизни. В Киннерете же было беспокойно, зыбко, тут рвались к переменам, к простору. ”Дгания — это дом, а Киннерет открыт всем ветрам, это перекресток разнообразных жизненных путей, идей и экспериментов. В отсутствии тяги к домашнему уюту был и источник силы группы Киннерет, и источник ее слабости, ибо отсюда шла непрерывная смена людей, непостоянство в жизни всего коллектива и отдельных его членов”, — писал впоследствии Берл.

В Киннерете рождалась между людьми настоящая дружба, душевная близость, которую не выразишь словами, оставившая нестираемый след на душах познавших ее людей. Они стыдились душевного стриптиза, но ”...у нас было чувство единой семьи и, не говоря о том ни слова, мы ощущали, что привязаны друг к другу крепче, чем братья. Мы испытывали огромную нежность и любовь к товарищам, но она была надежно защищена броней насмешек, презрения к сентиментальности”.

Берл до конца дней своих сохранит с этими людьми самую тесную душевную близость. Со време-

нем многие из них станут известными деятелями ишува: Табенкин, Берл, Яффе, Левкович-Лави. Большинство их на том или ином этапе жизненного пути конфликтовало с Берлом. Можно, пожалуй, сказать, что боли и радости Киннерета продолжали преследовать его "выпускников" еще долгое время. И, несмотря на все разногласия и стычки, между ними навсегда сохранилось какое-то исконное киннеретское единство: никто из них не стал политическим деятелем в расхожем смысле слова — функционером партийного аппарата, продвигавшимся по ступенькам должностной лестницы.

Это была плеяда руководителей, кровно связанных с трудовой поселенческой жизнью, с сельским хозяйством, черпавших силы в халуцианских, действенных элементах социалистического рабочего движения. Как мы увидим ниже, в этом таились и сила, и слабость наших героев.

Внутри этой группы Берл занимал особое положение. Тот, кто попытается решить, чем именно определялся характер киннеретской группы, свойства составлявшего ее человеческого материала, возникшего там особого химического соединения — словом, того, что Берл именовал "загадкой Киннерета", — столкнется с проблемой, перед которой в нерешительности останавливается историк. В жизни, протекавшей на Киннеретском "дворе", со всеми ее страданиями и духовными взлетами была некая двойственность распахнутости и замкнутости. Запертая горами долина и открытый всем ветрам "двор". И люди под стать обстановке: независимые индивидуалисты, ревниво берегущие свою свободу и в то же время жаждущие избавиться от личных интересов, от всяческих перегородок и сообща зажечь коллективной жизнью. Все они были поражены "комплексом жертвенности" в российском варианте этого заболевания. Рахел писала об этом: "Мы жили духом томления по жертве, по пытке, по тюремным кандалам. Страданием хотели мы возвеличить имя Родины". В Киннерете царила

”духовная интенсивность” — зеркало широких общественных задач, там ”не ощущалось перегородки между собственной жизнью и жизнью общества”. Двойственность эта сказывалась и в том, как прошли в Киннерете военные годы. С одной стороны война, как уже говорилось, направила на север поток рабочих. Сначала они шли в Галилею потому, что там была работа, потом туда были высланы жители Тель-Авива и Яффы. В результате этого происходили частые изменения состава населения вокруг Киннерета. С другой стороны, вследствие войны палестинский ишув оказался еще более замкнутым, алия прекратилась, а йерида возросла. Людское ядро, сформировавшееся в стране вообще и в Киннерете в частности носило постоянный характер.

Берл познал в Киннерете всю глубину спокойствия и всю сладость боли. После долгих лет поисков своего пути и разочарований в себе он, наконец, нашел подходящую и посильную физическую работу — работу овощевода. Овощеводство было тогда новой, только начавшей развиваться отраслью еврейского сельского хозяйства в Палестине. Кроме прибыльности, на нее возлагались большие надежды: во-первых, она должна была обеспечить самостоятельное снабжение ишува свежими овощами и тем самым внести разнообразие в питание еврейских рабочих; во-вторых, снизить зависимость ишува от арабских деревень; в-третьих, это была отрасль сельскохозяйственного производства, где могли трудиться женщины, — таким образом решалась неприятная проблема безработицы среди женского населения, на долю которого до сих пор оставался лишь подсобный труд в рабочих группах. Наряду с разведением коров, овощеводство являлось одной из характерных черт рабочего поселенчества, выдвинувшего цель создания ”настоящего сельского хозяйства”, в противоположность хозяйству старых поселений, базировавшихся на монокультурных плантациях и зависевших от

близлежащих арабских деревень, снабжавших их молоком и овощами.

Овощеводство давалось молодым энтузиастам с великим трудом. Отсутствие общего агрономического образования и, в особенности, агрономических знаний о палестинских почвах превращало работу в огороде в непрерывный эксперимент. На каждый успех приходилось семижды семь неудач — то по вине сельскохозяйственных вредителей, то из-за погодных условий (ливней, заморозков, суховеев), то по другим причинам: неожиданно заболел нужный человек, выходил из строя мотор, портилась система орошения. Почвы не всегда были пригодны для овощеводства. Не все овощные культуры подходили к условиям долины Иордана. Примитивное опрыскивание растений против вредителей лишь случайно оказывалось успешным. Никто не знал, каково самое благоприятное время пахоты, сева, уборки урожая, какова оптимальная система внесения удобрений и какие удобрения наиболее эффективны. Семена частенько оказывались далеко не лучшего качества. Берл любовно и с научной точностью заносил в дневник результаты своей кропотливой работы овощевода. Обзор этих данных говорит о неудаче первых попыток выращивания овощей в долине Иордана, несмотря на отдельные проблески света.

И все же уход за растениями, наблюдения за ростом нежных ростков, творческий поиск решения возникавших проблем, научный подход к сельскохозяйственному труду — все это приносило Берлу огромное удовлетворение. Много лет спустя он будет тоскливо вспоминать о той поре: "В выращивание овощей я вкладывал гораздо больше души, чем в редакционную работу". В овощеводстве Берлу пригодились лучшие качества его натуры: вдумчивый, непредубежденный подход к наблюдаемым явлениям, чуткость, готовность к нововведениям, прилежание, упорство, внимание к мелочам. Насколько отличался этот труд от монотонного, наводящего скуку махания

тяжеленной мотыгой! В овощеводстве человек становится соавтором процесса творения. Впервые в жизни Берл ощущал непосредственное удовлетворение после рабочего дня, ему не было нужды бежать душой к далеким горизонтам.

Возможно, эта внутренняя гармония отчасти объясняет не слишком активную общественную деятельность Берла в годы Первой мировой войны. Киннерет был центром рабочего движения Галилеи, и когда созывались какие-либо съезды, они проходили именно в Киннерете. Летом 1915 года в Киннерете состоялся съезд работниц, положивший начало женскому рабочему движению. Мужчинам вход на съезд был запрещен. Исключение было сделано лишь для А. Д. Гордона, Буселя, Элизера Яффе и Бен-Циона Исраэли. Берл, который был очень близок девушкам, работал вместе с ними, сочувствовал их стремлениям занять равное с мужчинами место в новом обществе, — не упоминается среди участников съезда. Быть может, это случайность, а может быть, Берл на время отошел от общественной деятельности. Второе предположение подкрепляется отчетом Рахел Кацнельсон о съезде рабочих Галилеи, проходившем в Киннерете вскоре после съезда работниц, на праздник Суккот 5676 года. Для Рахел это был первый после ее приезда в Эрец съезд рабочих, оставивший у нее незабываемое впечатление. "Съезд был точно заседание верховного суда, точно горнило. Я и половины такой мощи не могла себе представить. Мы судили друг друга, судили иногда очень сурово. Я чувствовала, как могучая волна то возносила меня к небу, то бросала в пучину".

Берл, по всей вероятности, участвовал в работе съезда, но хотя на повестке дня стоял дорогой для него вопрос — культурная работа, центральную роль в этот раз сыграл не Берл Кацнельсон, а Ицхак Табенкин. "Были в его словах горизонты, до которых другие не доходили", и отстаивал он, видимо, анархистские взгляды на свободу личности —

”свободу проявления также и дурных человеческих порывов, ибо, когда дурное проявится, тогда пробудится в человеке хорошее”. Рахел так подводит итог своим переживаниям: ”Ицхак может воспитывать нас, если будет достоин этого с других точек зрения”. В конце работы съезда была избрана комиссия по культуре: Ицхак Табенкин, Рахел Кацнельсон и Берл. Но в центре жизни Берла оставался, кажется, все-таки огород, а не общественная работа, в отличие от того периода, когда он жил в Иудее.

Тем не менее, Берл не отказался совсем от культурной работы. Он устроил в Киннерете сельскохозяйственную библиотеку. У товарищей Берла по Киннерету осталась добрая память о великолепных уроках иврита, дававшихся им после работы. В десять вечера, после того, как девушки, дежурившие по кухне, заканчивали трудовой день, Берл начинал урок. Он обыкновенно брал какой-нибудь ивритский корень и подробно разбирал все его производные. Ивритом занимались и рабочие, трудившиеся на осушении болот. Уроки Берла были лучиком света в угрюмой и однообразной жизни военных лет. Но у этих уроков была и более прозаическая цель: большинство работниц, в том числе подруги Берла Лея Мирон и Сара Шмуклер, знали иврит весьма слабо.

Самым ”киннеретским” из всех киннеретских начинаний был ”Машбир”*.

Дело это было особое, ни на что не похожее. Идея ”Машбира” возникла у Меира Рутберга весной 5676 (1916) года. Это было военное время, когда товары первой необходимости стали дефицитом. Турецкие власти конфисковывали урожай, население Палестины содрогалось при мысли о надвигающемся голоде. Незадолго до жатвы Рутберг предложил создать

*Этим словом определяется в Библии (Исход 42:6) должность Иосифа при дворе фараона, который во время голода раздавал народу заранее собранный хлеб. (Прим. пер.)

особую рабочую организацию — "Машбир" — для централизованной закупки урожая всех рабочих поселений. Когда собранный в Иудее урожай будет съеден, а цены вследствие спекуляции вздуются — что в первую очередь ударит по рабочим, — "Машбир" начнет продавать рабочим зерно по старым ценам, без прибыли, но и без убытка. Рутберг предложил эту идею Берлу — своему товарищу по работе в Объединении сельскохозяйственных рабочих Иудеи. Так Берл оказался восприимчивым новорожденной организации, получившей наименование в память Иосифа.

Осуществление этого замысла зависело, конечно, от согласия рабочих поселений продать урожай в начале сезона по низкой цене — отдавая себе отчет в том, что на этом они потеряют значительные суммы, ибо покупательная способность денег падала, а цены на сельскохозяйственную продукцию за несколько месяцев удваивались и даже утраивались. Киннеретская группа с воодушевлением поддержала идею "Машбира", члены ее тут же согласились продать свой урожай по относительно низким ценам. В Дгании дело обстояло иначе. Там пошли долгие споры о том, передать ли урожай в распоряжение "Машбира" или продать его с солидной прибылью на свободном рынке. Шмуэль Даян оправдывал позицию Дгании следующими доводами: "Существовала опасность, что в случае развала хозяйства сама идея квуцы лопнет". И потому Дгания не согласилась. Нежелание Дгании поддержать вполне бескорыстную инициативу рядилось, таким образом, в идеологические одежды. Фактически же само существо дганийского "дома" противостояло открытому, продуваемому всеми ветрами киннеретскому "двору". Стабильность и осмотрительность хозяина противостояли тут раскованности нищего, щедрости кочевника. Впервые интересы группы, одного рабочего коллектива столкнулись с интересами другого. И тяга Киннерета к общественной деятельности, к всеобъемлющей ответственности, и

осторожность, домовитость Дгании предвещали будущие пути развития рабочего поселенческого движения.

Делегация рабочих Киннерета, состоявшая из Берла, Меира Рутберга, Бен-Циона Исраэли, Шломо Левковича, под руководством престарелого А. Д. Гордона отправилась убеждать дганийцев отдать свой урожай в "Машбир". Долгими вечерами бушевали страсти на собраниях, и в конце концов Дгания согласилась предпочесть общественное благо собственной выгоде.

Претворение в жизнь идеи "Машбира" сыграло огромную роль в сплочении рабочего движения, которое значительно окрепло к концу войны. "Машбир" был первым начинанием, охватившим всех рабочих Палестины. Чувство коллективной ответственности, круговой поруки, выраженное в самом замысле "Машбира", организаторский талант и практическая сметка, проявленные рабочими при воплощении этой идеи в жизнь, — все говорило о тенденции к органическому слиянию рабочего движения в единый поток, о несоответствии межпартийных распрей условиям Эрец-Исраэль. Военный период отгороженности от всего мира дал членам киннеретской группы, составлявшим цвет рабочего движения, временную дистанцию, необходимую для того, чтобы взглянуть на происходящее со стороны, обдумать будущие пути.

Концепция будущего всепалестинского рабочего объединения, которое возьмет на себя ответственность за все стороны жизни трудящихся, родилась из плодотворных контактов людей практического склада ума, заботившихся о повседневных нуждах, — таких, например, как Меир Рутберг, — с людьми более теоретического склада, способными выразить общие духовные искания, облечь их в четкие формулировки. В субботних беседах, которые вел Берл с товарищами по Киннерету, обсуждалось положение всемирного рабочего движения и кризис социализма, вызванный Первой мировой войной. Беседы эти проходили под знаком осознания поражения мирового рабочего

движения, поиска новых путей, стремления сделать правильные выводы из сложившейся обстановки, выразив собственный подход к действительности, желание раздуть искорки новой жизни, блеснувшие в Киннерете и вокруг него. Одной из наиболее характерных черт этих дебатов была интеллектуальная дерзость критики путей социализма, указанных его великими основоположниками. В этих беседах закалилось мировоззрение Берла и его товарищей. Не случайно киннеретские друзья Берла будут исключительно твердо поддерживать его, когда в 1919 году возникнет партия Ахдут ха-авода (Единство труда).

Итак, на первый взгляд, Берл нашел в Киннерете душевный покой: интересная, творческая, приносящая удовлетворение работа, круг близких друзей, взаимно обогащавших друг друга, аудитория, любящая и ценящая его. Пусть он не самый активный деятель этого маленького общества, но он, безусловно, занимает в нем одно из руководящих мест, насколько можно вообще говорить о каком-то руководстве, ибо вся эта группа друзей состояла из вожаков, лидеров движения. Он не был там обожаемым вождем, не был даже первым среди равных, но по положению не уступал ни лучшим, чем он, работникам, ни куда более опытным организаторам. Когда у Берла появилось желание вернуться к общественной работе в Объединении рабочих Галилеи, его приняли с распростертыми объятиями. И, несмотря на все это, в начале 5677 (1917) года Берл стал ощущать внутреннее беспокойство, предвещавшее его уход из Киннерета. Он жалуется на киннеретский тарарам, поглощающий все время, не дающий успокоиться, отдохнуть душой. Снова проснулась в нем прежняя двойственность в отношении к общественной деятельности: с одной стороны, стремление участвовать в ней, с другой — забиться в свой угол.

Возможно, что даже теперь, в тридцатилетнем возрасте, Берлу трудно было связать себя с одним местом, с одним занятием, видеть в них весь свой

мир. Но этого недостаточно, чтобы объяснить его уход из Киннерета. Ведь он пристал к иерусалимской группе овощеводов, которая во многом походила на Киннерет. Уж во всяком случае не искал Берл ни новой работы, ни нового общества, ни отстранения от общественной деятельности. Тут был только один смысл — бегство из Киннерета. Причины этого бегства кроются в личной жизни Берла.

В Эрец-Исраэль нет места с бóльшим романтическим ореолом, чем Киннерет. Любовь к Киннерету была так велика среди рабочих Второй алии, что многие из тех, кто решался покончить жизнь самоубийством, приходили издалека, чтобы утопиться в Киннерете. Воздух Киннерета был наполнен любовью — любовью счастливой и несчастной, но всегда окутанной покровом молчания и сдержанности, столь характерных для Второй алии. В переплетении личных привязанностей, сопровождавших жизнь киннеретской молодежи, выделяется история любви и терзаний Берла, Леи Мирон и Сары Шмуkler. Их пятнадцатилетняя дружба, интимные отношения Берла и Леи, узы глубочайшей привязанности, связывавшие с ними обоими Сару, — все это вдруг переросло в ситуацию треугольника: Берл обнаружил, что влюблен в Сару. В Саре было много женственности, обаяния, недостававших Лее. Обе они не были красавицами. Но если Лея отличалась самоотверженностью, силой воли, серьезностью, то характерными чертами Сары были доброта и жалость к слабым, желание всех утешить. За это ее очень любили в Киннерете. Лея всегда стояла обеими ногами на земле. А у Сары была душа героини романа, она принадлежала к типу Анны Карениной: те же терзания, укоры совести, метания от экстатического воодушевления к глубочайшей депрессии. Никто, кажется, не удивился тому, что Берл влюбился в Сару, — он подпал под обаяние ее романтической, тонкой, открытой бушующей страстями души. После привычной тихой заводи многолетних отношений с Леей, любовь к Саре была как крепкое пьянящее вино.

Неизвестно, открыл ли Берл свои чувства Саре до приезда в Киннерет, но по письмам Берла и Сары видно, как разгоралась их любовь в период жизни в Киннерете. Оба они пытались преодолеть возникшее чувство, избавиться от него. Берл верил в верность первой любви и мучался от чувства вины перед Леей. Сара, со своей стороны, боялась снова пережить несчастную любовь, подобную той, что причинила ей столько горя перед приездом в Эрец. К тому же она ни за что не хотела предавать свою лучшую подругу. Но совместная жизнь в Киннерете сделала свое дело, и скоро влюбленные уже не могли убежать от разгоревшегося чувства.

Лея приняла неожиданный поворот судьбы спокойнее, чем другие. А может, это только внешнее впечатление, ибо Лея не привыкла доверять свои мысли бумаге, и мы не знаем ее истинных переживаний. Как бы то ни было, свидетели говорят о ее материнском отношении и к продолжавшей терзаться Саре, и к Берлу, об отношении, доходившем до опеки влюбленных. Она часто уходила из комнаты, чтобы дать им возможность побыть наедине. А Сара после долгих терзаний и неверия в искренность чувств Берла, наконец, со всей страстью своей романтической души без оглядки и колебаний предалась любви. Чувства Берла были иными: он не знал своего сердца. Все трое были воспитаны на русской литературе, ее романтических героях и великой любви. Подчас создавалось впечатление, что киннеретская троица старается вести себя по правилам этих героев, воспроизводя, например, историю отношений в семье Герцена. Все ведут себя с неземным благородством; все болезненно, сверхчеловечески чувствительны к переживаниям ближнего; все пытаются как "взрослые понимающие люди" объяснить душевные состояния, неподвластные желаниям человека; всем незнакомы низкие чувства, например, ревность. Берл и Сара в долгих горестно-сладостных беседах "объясняли" Лее, что их любовь — приговор

свыше, что они не в силах справиться с нею. Лея "понимала" и благословляла их, как подобает взрослому человеку, знакомому с подобными ситуациями по литературе, служащей ему образцом для подражания.

Но Берл этим не ограничился. Его внутренняя борьба и страдания были острой приправой в истории "великой любви" и, похоже, Берлу нравилось терзаться и терзать других. Он не был способен раз и навсегда прекратить свои отношения с Леей. Существуют намеки на то, что он боялся, как бы она от горя не решилась на самоубийство, бывшее в Киннерете популярным лекарством от разочарований в любви. Хотя, впрочем, стойкая натура Леи как-то не вяжется с таким поступком. И вот возникает положение, когда две девушки до смерти влюблены в Берла, а он продолжает мучить себя и их, будучи не в силах решить, в кого же он влюблен. Жизнь их протекала под высоким напряжением, соответствующим скорее шестнадцатилетним юношам и девушкам, нежели людям, приближающимся к тридцатилетнему возрасту. История эта не была тайной в Киннерете и его окрестностях, и, похоже, не прибавила Берлу уважения в глазах окружающих.

Сперва Берл хотел сделать так, чтобы Лея сама ушла от него и, тем самым, облегчить ей расставание. Но Лея этого не желала, и его попытка уйти от поединка с нею не удалась. Вместо того, чтобы быстро и резко отсечь прошлое, Берл своими бесконечными колебаниями извел обеих девушек и себя самого.

Даже в романтической атмосфере Киннерета треугольник Берл-Лея-Сара был, как уже говорилось, явлением исключительным. Во-первых, киннеретцы были склонны к аскетизму, во-вторых, поведение Берла во всем этом деле, поведение, заставившее понимавшую его Сару сказать, что он "человек не цельный", далеко выходило за рамки принятых в Киннерете интимных отношений. Тот факт, что вслух

не было произнесено ни одного критического слова, что даже пятьдесят лет спустя история эта не слишком известна, отражает ту особую киннеретскую атмосферу, где человек честный перед самим собой мог поступать, как ему кажется верным, не подвергаясь общественному остракизму.

После нескольких неудачных попыток жить вместе или врозь, Сара и Берл приговорили себя к изгнанию из Киннерета и к расставанию, чтобы своими страданиями и верностью друг другу, несмотря на разрыв, доказать Лее, что их любовь, действительно, была неизбежна, что это "рок". В муках искупят они свои грехи, очистят души и получают возможность начать чистую, достойную жизнь. С полным сознанием обрекали они себя на печаль, тоску по любимому и на сопутствующее им духовное возвышение. Они помогут друг другу преодолеть стремление соединиться и жить вместе. Сара желает присоединиться к иерусалимской группе, в которой работает Берл, и он не может сдерживаться и уже предлагает ей приехать, но оба все же выдерживают искус.

А вскоре захват Иерусалима англичанами и прекращение всякой связи с Галилеей, оставшейся в руках турок, превращает расставание по желанию в разлуку вынужденную.

Как уже отмечалось, влияние русской литературы просвечивает во всем поведении наших героев: преступление и наказание, боль и очищение, пламя страданий как составная часть любви, подавление плоти во имя торжества духа, стремление к самопожертвованию и тяга к цельности. Насколько отличалась их жизнь от жизни их отцов, отстоявших от них всего на одно поколение! Единственной, кого не захватило романтическое поведение, столь далекое от еврейской традиции, была Лея. На своем немного корявом иврите она написала Саре вскоре после того, как Берл отправился в Иерусалим: "Кому нужна эта глупость? Мне — наверняка нет. Я надеюсь, что все это наконец как-нибудь закончится, и тогда все будет

хорошо, по крайней мере лучше, чем теперь”.

Иерусалимская группа овощеводов

Берл прибыл в Иерусалим в элуле 5677 (1917) года и оставался там с перерывами вплоть до своего вступления в Палестинский полк Еврейского легиона, то есть до таммуза 1918 года. За эти десять месяцев юг Палестины захватили англичане, был создан добровольческий Еврейский легион. Берл написал статью ”К движению хе-Халуц”, произнес одну из своих самых знаменитых речей ”В преддверии грядущих дней”, встретился с Вейцманом, отредактировал сборник ”В работе” и даже составил его оглавление. И среди всего хаоса исторических перемен, перехода власти, споров, минут просветления, великих надежд и великого смятения, малых дел и больших речей жизнь Берла в Иерусалиме отличалась неестественным спокойствием. Когда тайфун крушит все, что попадается ему на пути, в его эпицентре существует точка спокойствия, куда не доходит гнев бури. Такой точкой была в 1918 году иерусалимская группа овощеводов.

Группа эта обязана своим рождением бегству Берла из Киннерета, от Сары. Почему Берл избрал своим прибежищем именно Иерусалим, трудно сказать. Нет никаких свидетельств того, что Берл подпал под очарование этого города или выбрал Иерусалим из-за его уникальной истории. Кажется, его просто привлекла возможность основать овощеводческое хозяйство рядом с городом, где имелось значительное еврейское население, которое могло служить рынком для сбыта продукции.

Берл арендовал у арабов участок земли неподалеку от ”Гробницы царей”. В заброшенном арабском доме поселились члены новой группы: несколько девушек, в том числе Рахел Кацнельсон и Хана Кацнельсон (младшая, любимая сестра Берла), и сам Берл. Если

хотите, он был вождем этой группы, хотите, ее отцом, хотите — опекуном девушек. Берл любил женское общество — в Иерусалиме, как прежде в Киннерете. Ему, видимо, легче было работать с женщинами, чем с мужчинами, которые обычно опережали его в работе. Вычистив дом и приспособив его для жилья, новоселы поспешили приступить к подготовке почвы к севу, чтобы успеть до первого дождя.

Был хешван 5678 (1918) года — солдаты Алленби стояли на подступах к городу. Стрельба не прекращалась день и ночь, гром пушек нарушал пасторальную тишину старого каменного дома. Погруженный в земледельческие заботы о хороших семенах и цветении кольраби, Берл должен был остерегаться, чтобы его не схватили турецкие власти, которые могли обвинить его в уклонении от воинской повинности и просто придраться к невыправленным документам. Мысли об этой опасности доводили Сару до бессонницы, ибо она не питала иллюзий относительно находчивости своего милого: "Не забудь, что если тебя схватят, ты не будешь "а берье" (удальцом), не сможешь сбежать или сделать что-нибудь подобное".

После двухнедельной лихорадочной работы старое арабское строение приобрело наконец вид жилого дома. "Все выбелено, отмыто, вычищено — приятно посмотреть, даже лампа горит на столе". Над этим домом словно почил тишина, несмотря на шумную суету заката Османской империи. Тишина эта сказывалась и на Берле. Его письма к Саре исполнены внутренней гармонии, удовлетворения трудом, странного для него покоя. Он говорил с Сарой от сердца к сердцу, без сомнений и колебаний.

Дом принадлежал арабу, по соседству жили арабские семьи. Прилегающие земельные участки тоже арендовали арабы. У новой группы не было своего плуга, и она зависела от расположения его обладателя, который мог прийти, а мог и нет, мог хорошенько налегать на плуг, а мог и халтурить. Впервые после

приезда в Эрец, Берл оказался не на еврейской земле, в окружении арабов, зависел от их милостей. Чувство своей чуждости, преследовавшее его в России, вернулось к нему именно в Иерусалиме. Для него Эрец-Исраэль означала прежде всего еврейскую среду, избавление от необходимости находиться среди чужих. Берл не любил гоев.

Когда Сара Шмуkler готовилась к переезду в Палестину, Берл дал ей несколько дорожных советов. В числе прочего он советовал ей купить пароходный билет без питания, так как "не следует, по-моему, есть вместе с гоями, да и вообще лучше держаться от них подальше". Чувство "чуждости, сиротства, беззащитности, сопровождающее нас в любом месте, где мы работаем" охватывает его в нанятом иерусалимском доме, "будто это и не Эрец-Исраэль". Не случайно пробуждаются в его душе детские воспоминания: "Лунный свет и страх, как в Киеве". Соседи-арабы крадут семена с грядок, надо стеречь посадки с первого до последнего дня.

Однажды холодным, солнечным зимним днем владелец плуга ни с того ни с сего бросил пахоту. Неизвестно, что именно произошло у него с Берлом, но ясно, что после обмена оскорблениями между ними началась драка и, надо думать, удары араба оказались сильнее. Берл ворвался в дом, не объяснив, что случилось. Но вид его страшно взволновал Рахел Кацнельсон: "На лице его были гнев и унижение поколений, жажда восстать против вековой беспомощности, беззащитности евреев". Прошло много лет, но Берл не забыл "день Ибрагима", как окрестил он памятную стычку. Конфликт желаемого и возможного, преследовавший героев Бреннера, гнался и за Берлом. Он тосковал по сильному и мужественному еврею, по уверенному в себе, не зависящему от других еврейскому бытию. И вдруг оказался в тисках того же страха, тех же комплексов, которые были характерны для традиционных отношений евреев и гоев. Физическая слабость и вызванная ею неуве-

ренность, стыд за свою слабость, презрение к себе — все то, от чего он, казалось, спасся, приехав в Эрец, вдруг снова ударили по нему во время жизни в Иерусалиме.

На этом фоне особенно обострились в нем национальные чувства, надежды на национальное возрождение, связанные с вступлением в Палестину английских войск. Ведя переговоры с военным губернатором города Роналдом Сторсом о разрешении на обработку прилегающих к Иерусалиму заброшенных земельных участков, пунктуально выполняя всю необходимую работу в городе, Берл начинает то и дело вырываться на Иудейское побережье, как называли тогда Прибрежную низменность, и мало-помалу втягивается в общественную жизнь, которая после кризисного затишья снова забила ключом. Наступили великие времена, когда чувства обостряются до крайности, когда становятся возможными поступки, которых остерегались в обычное время. Прожив в Иерусалиме полгода, Берл впервые совершает паломничество на Храмовую гору. На Песах он вторично идет туда: "Обходишь стены Старого города, приближаешься к Стене плача и чувствуешь, как сердце переполняется волнением". Девять лет прошло со времени приезда Берла в Эрец, пока поднялся он на Храмовую гору. Оскорбление, пережитое при столкновении с нееврейской средой, и пьянящие надежды на национальное возрождение, соединившись, породили в глубине его сердца таинственное чувство, внешним выражением которого и явилось паломничество к Стене плача. Иерусалимская группка понемногу таяла под лучами надвигающихся перемен, превращаясь из надежного убежища в трамплин для рывка в будущее.

Мобилизовавшись в Еврейский легион и расставаясь со своей девичьей группой, Берл не знал, что навсегда расстанется со ставшим уже привычным образом жизни. Ему уже не суждено было вернуться ни к жизни в рабочей группе, ни к сельскохозяйственному труду.

В преддверии грядущих дней 1918—1919

Мы создали себе две души, два лица, мы и члены общества, и индивидуумы. Но кто разъяснит нам, как уживутся эти двое в одном сердце?

Миха Иосеф Бин-Горион,
"Статьи и пророчества"

Любое национальное движение основывается на иррациональных, чтобы не сказать антирациональных импульсах. Тем более характерно это для сионистского движения, возникшего единственно на вере, безо всякой материальной базы, которую образует народ, живущий на своей земле. Поэтому логика Герцля была куда слабее его пророческого дара. Поэтому сионизм Ахад-Гаама, скроенный по меркам прямолинейных рассуждений, страдал дряблостью, ему не хватало зажигающей, двигающей людьми силы. Если б мы взялись анализировать доктрины отцов сионизма, то обнаружили бы в них патетические попытки аргументировать логическими построениями чувства и порывы, которые не поддаются объяснению. То же относится и к энтузиастам Второй алии. В то время, как сознательное мировоззрение подавляющего большинства этих людей было позитивистским, рационалистическим, ясным и четким, а у многих к тому же в той или иной степени детерминистским, — под слоем сознания тлел огонь, питавшийся понятиями и пророчествами совсем иного мира. И иногда, в

роковые часы истории, пламень этот снова разгорался из тлеющих угольков и освещал новым, странным и захватывающим светом души этих людей. Подобная борьба между рациональным началом и "жизненными силами", таившимися в безднах души, была как нельзя более характерна для Берла Кацнельсона в 5678—5679 (1918—1919) годы.

Как мы помним, приезд Берла в Эрец был связан с сильнейшим кризисом, с бегством от высоких слов и заоблачных надежд, с поисками основ настоящей жизни. От российской "духовности" всех сортов тянулся он к истинному бытию, уходящему корнями в твердую почву. Стремление это возникло отчасти под воздействием великих русских мыслителей, которых мы упоминали в первой главе, отчасти под влиянием философии витализма, дошедшей до Берла через сочинения Миши Иосефа Бердичевского.

Не случайно Берл легко нашел общий язык с Бреннером. Оба они искали проявления тех таинственных глубинных потоков народной души, являющихся залогом жизнеспособности нации, которые в период галутного безвременья погребены под толщей пустословия и суеты, но вдруг начинают просачиваться то тут, то там в условиях новой реальности Эрец-Исраэль. Оба они стремились отыскать реальные ростки будущей государственности, не заботясь об идейной целостности и сложных логических построениях, занимавших умы "ученых юношей" из черты оседлости. Черты образа жизни Берла и его товарищей: босячество, сбрасывание пут всяческих условностей, бунт против буржуазной морали, поиски правды в простоте нравов, в первозданности отношений между людьми, между человеком и природой, тоска по гармонии и осмысленности жизни — указывают на анархистские истоки.

Существует много точек соприкосновения между рассказами Достоевского о святых нигилистах и аморальных революционерах и иррациональными ницшеанскими мотивами, проскальзывающими в расска-

зах и статьях Бреннера и Миши Иосефа Бердичевского. На мировоззрение Берла оказывали воздействие **оба** эти компонента: первый, русский — непосредственно, а второй, ницшеанский, косвенно, через сочинения Бердичевского. **”Люди, несущие на своих плечах все бремя страданий, люди, смело берущие посох и выходящие в путь, станут основой нового общества с новым национально-экономическим устройством, которое будет стоять на новой почве. Только из идущих этим тернистым путем людей создается народ, для которого не будет иной страны, только из них, а не из тех, которые сидят вдалеке от Земли обетованной, говорят о ней на собраниях многочисленных комитетов и думают, что разговоры приблизят их к вожденной цели...”** Эта декларация действенного сионизма написана не Берлом, а его учителем и наставником Бердичевским, но она будто вылилась из уст Берла. В первой написанной Берлом в Эрец статье **”Изнутри”** на каждой строке попадают идеи Бердичевского: **”Наследие отцов, страдания поколений, исторические ошибки** понемногу уступают место **восстающим против них новым силам**. Близится час **смены главных ценностей** в материальном и духовном. Вместо мрачной жизни гетто — трудовая жизнь на земле, вместо духовных поисков, процветающих в гетто старых и новых — прямолинейный человек. Еще долг путь к живущему на земле, высоко несущему голову человеку. Но мы — на пути к нему”. В этой статье Берл упоминает оказавших на него воздействие еврейских писателей: **”Бялик, Файерберг, Бердичевский и Черниховский”**. Все они, по мнению Курцвайля, в той или иной степени испытали воздействие витализма, основные идеи которого вплетены в ткань их произведений.

Если уж Бердичевский и философия витализма оказывали влияние на Берла в скромные дни Второй алии, когда **”сердце не доверяло языку”** своих сокровенных надежд, своей тайной веры в жизненные силы Эрец-Исраэль, то насколько возросло это

влияние в окрыленные надеждой дни, когда была обнародована Декларация Бальфура, а англичане стояли у ворот Палестины! Тринадцать лет прошло с тех пор, как истаяли великие надежды весны политического сионизма, до того момента, как пророческая интуиция Герцля оправдалась и хартия, которой он так страстно добивался, оказалась в руках одного из самых резких его критиков — Хаима Вейцмана.

Работая в своей иерусалимской группе, Берл был в курсе происходящих и ожидавшихся перемен. До него доходили туманные слухи о прибытии в Эрец новой алии — членов организованного в диаспоре движения хе-Халуц. Берл обращается к ним с письмом, не имея, впрочем, никакой уверенности в том, что оно дойдет до адресата. Он называет новое движение "волевым и действенным", противопоставляя его "общественной схоластике" существовавших ранее партий и общественных групп.

Халуцианство для Берла — это воля нации, выражаемая через ее избранников, это "проявление верности истории, проявление национального провидения". Люди, которых столь страстно искал Бердичевский и уже отчаялся найти их, — вдруг отыскались. Слова Берла до удивления схожи со строками Бердичевского: "Наступает воистину великий час истории... Для него нужно новое поколение, которое само воспитает себя... Не числом создается народ, но доблестью (то есть немногочисленными избранниками), не терпением и праведностью, но жизнью, **завоеванием** в процессе жизни".

Странное противоречие существует между воодушевлением, пронизывающим эту статью, облекающимся в виталистическую терминологию Бердичевского, восторженным порывом к изменению всего строя жизни, в котором проявляется новый человек, — и прозаическим содержанием статьи. Внешне она посвящена двум вопросам: Берл советует движению хе-Халуц не связываться ни с партиями, ни с

какими-либо другими организациями, имеющими свои отдельные программы, а беречь единство движения и положиться на реальную действительность Эрец-Исраэль, которая подскажет план действий. Второе положение, на котором сосредоточена статья, — это подготовка энтузиастов-халуцим к жизни в Эрец.

Здесь Берл подчеркивает два тезиса: физический труд и изучение иврита. Неподготовленность в этих отношениях омрачала жизнь Берла и его товарищей на каждом шагу. Противоречие между возвышенным стилем и прозаическим содержанием статьи не случайно. Воодушевление автора, находящее выход в далекой от свойственных ему точных формулировок выпренности, не мешает Берлу видеть реальность и активно реагировать на нее.

Эта двойственность проходит красной нитью и в большой речи, произнесенной Берлом несколько месяцев спустя после написания статьи "К движению хе-Халуц". В Пурим 5678 (1918) года в Реховоте собрался седьмой съезд Объединения сельскохозяйственных рабочих Иудеи. Происходил он вскоре после того, как англичане захватили юг Палестины и Иерусалим (кислев 5678 года), а Галилея все еще оставалась в руках турок. Еврейское население Иудеи было отрезано от центров диаспоры и руководства Всемирной сионистской организации. Никогда еще, кажется, не была столь огромной пропасть между истинным положением вещей и возвышенными надеждами. Делегаты, собравшиеся в Реховоте, еще не оправились от шока, вызванного переменой власти, они пребывали в растерянности и смятении. Пережитые за годы войны беды — голод, болезни, тяжелейший труд, преследования со стороны турецких властей, развал в руководстве ишува, страх за близких, оставшихся в Восточной Европе, довели палестинских рабочих до полнейшего изнеможения и пассивности. Эти люди уже боялись надеяться, чтоб не разочароваться впоследствии. И все же, несмотря

на шаткость их тяжелейшего существования, в котором английское завоевание ничего не изменило, жил в их душах некий освободительный порыв. И слова Берла доходили до глубины души этих людей. Он не ораторствовал, не требовал, а просто беседовал с аудиторией, будто говорил с другом. Это был особый миг, миг раздумий на пороге нового периода, перед лицом людей, закалившихся в горниле Второй алии и испытаний военного времени. Берл озаглавил свою речь "В преддверии грядущих дней". Сплоченному ядру палестинских поселенцев предстояло принять в свои ряды новую, превышавшую его по численности алию. Какие отношения сложатся между ними? Поглотит ли старое меньшинство массу новых иммигрантов, или наоборот, ветераны растворятся в среде новоприбывших? Вопрос не был сформулирован именно таким образом, но Берл и его товарищи отдавали себе отчет в исторической важности момента, в необходимости наметить дальнейшие пути.

Основная линия статьи Берла выражена уже в предпосланном ей эпиграфе из Лассалья, где рабочий класс называется классом будущего и перефразируются слова Иисуса Христа Симону-Петру: "Ты камень, и на сем камне создам Храм будущего". Сознание своей высокой миссии помогает рабочему классу осуществить ее. И как Лассаль когда-то стремился вдохнуть это сознание в немецких рабочих, так теперь Берл пытается укрепить сознание своего исторического предназначения у этой маленькой группы измученных, обессиленных людей, напряженно и со страхом ожидающих грядущих перемен. Основу основ речи Берла составляет мысль о взаимовлиянии "жизни и воли", их взаимной зависимости друг от друга. И вся эта речь пронизана твердым сознанием исторической миссии палестинских рабочих. Берл видит в своих товарищах и себе самом тех немногочисленных избранников, несущих ответственность за судьбу нации, пришествия которых так жаждал Бердичевский. Произведенная новым поколением

переоценка ценностей придает ему решимость и готовность к действию, позволяющие осуществить величайшую историческую задачу, изменить судьбу нации.

Если Лассаль возвещал об исторической миссии широкого социального класса, составлявшего большинство нации, то Берл говорит об "активном меньшинстве, несущем в себе будущее". Он не имеет в виду весь еврейский рабочий класс, а лишь палестинских рабочих, являющихся "новой силой народа". Этой силе предстоит "проложить новую дорогу народной жизни". Нет ли здесь откликов концепции "авангарда", характерной для большевизма, только что захватившего власть в России? Мы не усматриваем здесь прямого влияния, но элитарность была одинаково свойственна и мессианскому социализму, и нищезанству.

Благоговейно упомянув гениальное пророчество Герцля, Берл добавляет: "Как нужна нам его активная, побуждающая к действию вера, сколько отваги и решимости придала бы она нам в грядущих испытаниях!" Берлу была очень близка герцлевская вера без религии, его мессианство без Бога, ведь он был с детства влюблен в традиционные еврейские понятия спасения и возрождения, связанные с надеждой на приход Мессии. И теперь в статью палестинского социалиста то и дело вплетаются традиционные термины: искупление, пророчество, спасение, знамение, возвращение в Сион, откровение... Но это, конечно, светский вариант спасения: говоря о "провидении", "историческом предназначении", вере, "истинных пророках", Берл ни разу не упоминает слова "Бог", не говоря уж о религии.

Развивая элитарную концепцию палестинского рабочего класса, призванного осуществить сионистские устремления (положение, дающее этому классу моральное право на руководство всем сионистским движением), и синдикалистские мотивы — трактовка труда как источника всякого действия и потребности,

Берл анализирует также содержание национального движения. В ходе этого анализа он возвращается к основополагающему вопросу о том, каким образом идеалы, свойственные отдельным личностям, превращаются в массовое движение. Берлу представляется, будто он нашел ответ на этот вопрос: за счет наполнения национального движения социальными идеями. Национальное движение должно выразить устремления нового поколения. У активной, халуцианской части этого движения стремление к социальному и национальному освобождению неразрывно связаны друг с другом. Сионизм, не отвечающий одновременно двум этим идеалам, оттолкнет от себя те действенные элементы, которые одни способны воплотить в жизнь его чаяния.

Итак, субъективные свойства того человеческого материала, который станет основой строительства Эрец-Исраэль, диктуют сионизму необходимость усвоения идеалов социального освобождения. И поскольку у сионистского движения нет иного носителя, кроме той молодежи, для которой социализм является неотъемлемой частью сионизма (хотя Берл ни разу не упоминает в статье самого слова "социализм"), то буржуазным элементам, возглавляющим сионистское движение и преданным ему, придется смириться с тем, что корабль сионизма возьмет курс на горизонты социального прогресса.

Два главных своих положения: о неизбежности примата социализма в сионизме и руководящей исторической миссии палестинских рабочих Берл обосновывал не марксистскими аргументами, а объективными фактами общественной психологии рабочих и буржуазии внутри сионистского движения, желанием и верой, которая скорее ближе к инстинктивному чувству, чем к логическому выводу из реальной действительности. Берл не рисует картин классовой борьбы и победы пролетариата. Он говорит о добровольном отходе буржуазии от руководства сионистским движением, о том, что она по своей воле

уступит национальное первенство классу, способному осуществить сионизм на деле.

Революция, которую предсказывал Берл, — "мирная революция". Цель, указываемая им, — "освобожденный и освобождающий труд" — заставляет вспомнить великие социалистические утопии, организованное снизу анархическое общество, основанное на независимых рабочих ячейках.

В своих рассуждениях Берл исходил, как казалось, не из рациональных посылок. Без веры, ни от чего не зависящей, неизбежность признания национальным руководством особой роли рабочего класса кажется весьма сомнительной. Но слушатели Берла не искали в его словах ни философской целостности, ни единства мысли. Их не смущала странная смесь национализма и социального пафоса, мессианства и творческого самопроизвола. Душевное состояние уцелевших после всех испытаний представителей Второй алии располагало их к принятию концепции Берла, основанной на туманных понятиях антирациональных теорий и восстающей против реальности во имя сокровенной и высокой истины. Для людей, собравшихся в Реховоте, отыскание смысла испытанных мук и принесенных жертв, выражение глубинных порывов души было в тот момент важнее, нежели логический анализ действительности. Ибо правила логического анализа не отвечали психологическим потребностям этой аудитории.

Но двойственность, характерная для Берла, жила и в его слушателях. Склонные к таинственному и возвышенному, они одновременно искали конкретного, действенного. И потому на смену потоку воодушевления, выражавшему глубинные чувства аудитории, пришел в речи Берла четкий, обеими ногами стоящий на палестинской почве "эпилог". Сформулированные в нем требования Берл предлагал предъявить новому руководству Всемирной сионистской организации, которое теперь, после Декларации Бальфура, намеревалось прибыть в Палестину для разработки

планов строительства Эрец-Исраэль.

Первым и центральным из этих требований было ясное определение целей и способов деятельности фонда Керен каемет ле-Исраэль. Берл предвидел союз между рабочими и руководством нации — первые вложат в дело строительства Эрец свои силы, энергию, инициативу, второе займется арендой земель. Все свободные земли Эрец-Исраэль должны быть предоставлены в распоряжение народа. Из этого следует, что необходимо национализировать все не-возделанные земли и предотвратить тем самым всякую поселенческую деятельность, кроме "трудо-вого поселенчества".

Создающимся "трудовым поселениям" должны быть даны не только земли, но и **национальный кредит**. Причем Берл высказывается не за аграрный банк, который будет прежде всего заботиться о надежности капиталовложений, а за особое учреждение, ставящее своей целью развитие поселенчества, даже если оно подчас чревато финансовыми потерями. Поэтому управление таким финансовым учреждением должно быть, по мнению Берла, предоставлено не "'владельцам капитала', а **обществу трудящихся, связанных взаимной ответственностью**".

В том же духе говорит Берл и об условиях, жизненно важных для абсорбции массовой алии и превращения ее в "рабочий ишув". Характерно, что предлагаемые им мероприятия впоследствии отлились в практическую программу, которая была вполне осуществима.

Национальная миссия еврейского рабочего давала ему право требовать в свое распоряжение национальные земли, денежные ресурсы нации и даже автономию в создании новых поселений. Исходя из общенациональных интересов, нация должна открыть широкую дорогу трудовым поселениям, их всемерному укреплению.

Следует отметить то обстоятельство, что намеченный Берлом план будущего строительства целиком

основывался на сельскохозяйственном обществе. Берл заботился об удовлетворении потребностей именно сельскохозяйственных рабочих Палестины.

Седьмой съезд Объединения рабочих Иудеи стремился к созданию единой рабочей организации, которая занималась бы всеми "гражданскими, культурными и экономическими" вопросами, интересующими рабочую общественность, и особенно вопросами поселенчества. Однако не имеется никаких признаков того, чтобы предполагалось вывести Объединение за рамки сельскохозяйственных рабочих и охватить имевшихся тогда в Палестине городских рабочих. Напрашивается мысль, что трудящиеся городов просто не попадали в поле зрения руководителей Объединения и потому не включались в состав организованного рабочего движения. По-видимому, не отсутствие или наличие рабочих, не занимавшихся сельскохозяйственным трудом, служило причиной этому ограничению, а лишь взгляды наблюдателя.

Берл был слишком озабочен обеспечением единства планируемого Объединения, чтобы уделять внимание полноте охвата рабочей массы, без чего новая организация не могла быть по-настоящему всепалестинской. Поэтому справедливо утверждение, что в 1918 году Берл еще не учитывал в своей концепции вопроса о полноте охвата рабочего движения в Эрец и ограничивал ее исключительно сельскохозяйственными рабочими. Можно, однако, сказать, что основные принципы единства рабочего движения Палестины уже сложились у него к концу Первой мировой войны.

Добровольческие батальоны

Всякий еврейский солдат, сражавшийся в еврейских войсках, осуществляет тем самым мессианскую идею.

Ш. Явнеэли, "На пороге".

Неужели и ты чувствуешь в своем сердце трепет освобождения, а я — лишь скорбь?

М. Кушнир, "В работе".

Завоевание Палестины англичанами, проходившее под знаком Декларации Бальфура и окрыляющих надежд, пробужденных ею среди еврейства, вызвало в палестинском ишуву противоречивые чувства. Армию-завоевательницу встречали как освободительницу от турецкого рабства, ставшего особенно тяжелым именно в последний период турецкого владычества в Палестине. Но у еврейской молодежи появилось чувство стыда за то, что австралийские и английские солдаты проливают кровь ради освобождения страны, предназначенной евреям, а сами евреи остаются посторонними наблюдателями событий.

Из Египта пришли известия о еврейских добровольческих батальонах, которые были сформированы в составе британской армии: 38-й английский полк и 39-й американский. А евреи Эрец все сидят сложа руки! Имя Жаботинского и надежды на создание еврейской армии — Еврейского легиона — воспламеняли воображение молодежи — особенно на фоне

Аврахам Моше Кацнельсон, отец Берла. Бобруйск.

Берл в группе студентов. Бобрыйск, ок. 1900.

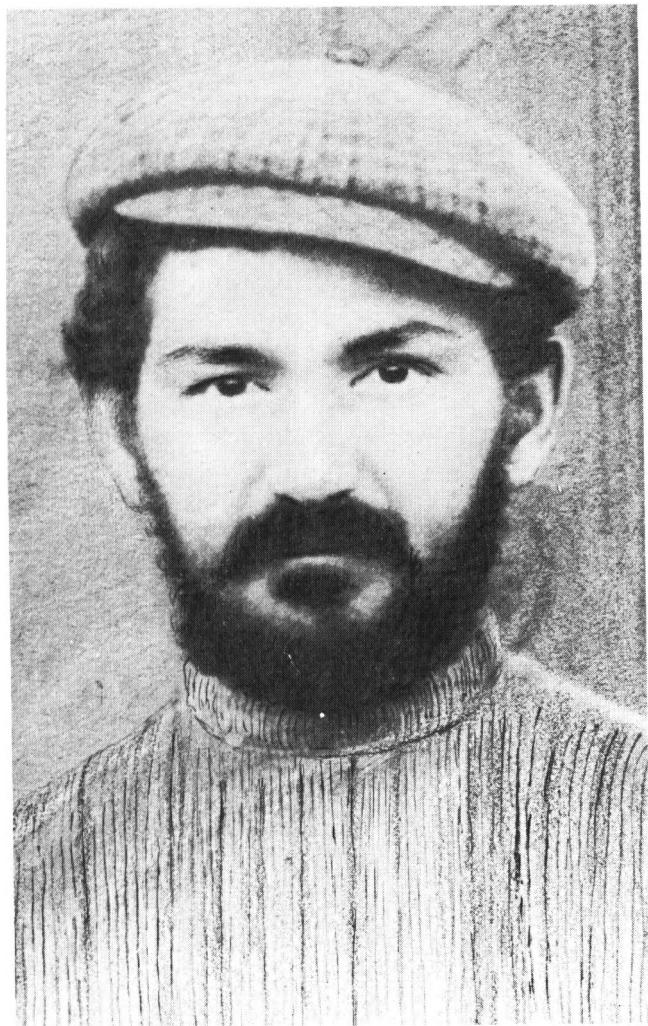
Сара Шмуклер. 1907.

Берл с Леей Мерон и Сарой Шмуклер. Бобруйск 19..?

Лея Мерон, Сара Шмуклер и их подруга. Киев, 1907.

Берл в Бен-Шемене. 1912.

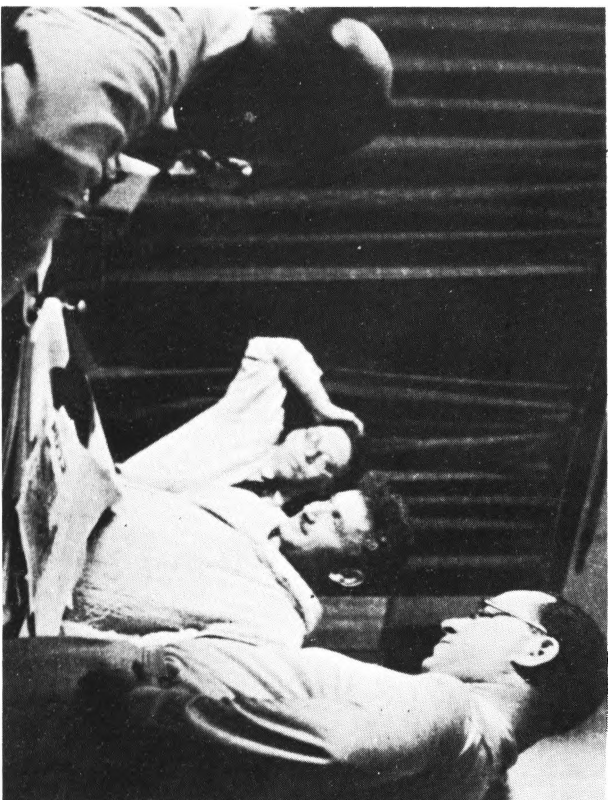
Берл с другом Гриншером во время службы в Еврейском легионе. 1918.

Берл во время поездки в США. 1922.

Берл среди руководителей ишува во время визита в страну Эйба Кахена, редактора "Форвертс". Справа налево: Ицхак Ядин, Эйб Кахен, Берл, Бен-Гурион, Рубашов (З. Шазар), Харцфелд. 1928.

Берл Кацнельсон и члены редакции "Давар" в комнате Бейлинсона. 1934.

всеобщего уныния, господствовавшего в Палестине накануне вступления в нее англичан.

Из России доходили смутные сообщения о революции, которые еще больше накаляли атмосферу ожидания мировых перемен. Какое место займут в этом новом мире евреи? Они участвовали в войне, кровь их лилась по обе стороны фронта, но это обстоятельство не влияло ни на исход битвы, ни на их собственное будущее, ибо сражались они под чужими знаменами, за чуждые национальные интересы.

Вера в то, что войной приобретает народ право на землю, в то, что существует некий всемирный счет, существует воздаяние за перенесенные страдания, — вера эта ощущалась с удвоенной силой с тех пор, как заявили о себе новые нации, требовавшие национального самоопределения. Их требования подкреплялись знаменитыми "четырнадцатью пунктами" американского президента Вильсона. Необходимость кровью купить право на Эрец-Исраэль казалось особенно очевидной из-за того, что на арене истории появился в тот момент еще один претендент на Палестину — арабы.

На стороне евреев была Декларация Бальфура, в которой Британия признавала национальные права евреев на Палестину. Но слабость еврейских позиций в преддверии близящейся мирной конференции бросалась в глаза: еврейский народ не мог быть представлен на ней как одна из воюющих сторон, несмотря на все выстраданное им в годы войны и вклад в победу союзников. Поэтому особую важность приобретало участие еврейских полков в боевых действиях на стороне стран Антанты.

Ко всему этому присоединялось признание необходимости военной подготовки еврейской молодежи, которая со временем смогла бы составить ядро будущей еврейской армии. Мессианские чаяния, возводившие национальный очаг, обещанный Декларацией Бальфура, в ранг государства, вились и вокруг идеи Еврейского легиона, от которого, казалось,

было рукой подать до независимой еврейской армии. Участники добровольческого движения ожидали конкретного и немедленного участия еврейских батальонов в захвате Палестины, ведь, как мы помним, к тому времени была отвоевана у турок только южная ее часть. Они мечтали, что еврейская армия принесет освобождение их братьям, оставшимся в отрезанной Галилее. Что может более наглядно продемонстрировать революционные изменения, произошедшие в положении еврейского народа, чем самоотверженность палестинских добровольцев в бою за освобождение родины!

Призыв к добровольной мобилизации в еврейские батальоны, действовавшие в составе британской армии, с самого начала вызвал огромный подъем. После долгих иссушающих лет военной нужды молодые сердца легко было увлечь благородной идеей. Первыми записывались образованные юноши, выпускники гимназии Герцлия во главе с Элияху Голомбом и Довом Хозом. Это были дети состоятельных тель-авивских семей, воспитанные в духе идеалов сионизма и мечтавшие пожертвовать жизнью ради народа (Голомб уже тогда примкнул к рабочему движению и некоторое время работал сельскохозяйственным рабочим в Дгани и Киннерете). Они уже проявили свои организационные способности, создав группу "гимназистов" (воспитанников гимназии Герцлия), которая должна была посвятить себя выполнению национальных задач. Их патриотизм и жажда действия нашли применение в русле добровольческого движения.

За ними последовала вторая группа, состоявшая из членов партии Поалей Цион. Выразительницей идеалов этой группы была Рахел Янаит. В годы Первой мировой войны члены Поалей Цион ощущали потребность выйти на политическую арену, что нашло свое отражение в организации ха-Шомера, а также в направлении Ицхака Бен-Цви и Давида Бен-Гуриона в Стамбул для учебы на юридическом факультете

университета с целью подготовки к политической деятельности в государственных институтах Османской империи. Естественно поэтому, что партия Поалей Цион с присущей ей политической активностью отозвалась на призыв вступать в еврейские батальоны. Ведь девиз еврейских батальонов "В крови и огне пала Иудея, в крови и огне она восстанет" — был и лозунгом ха-Шомера. Душевная потребность опираться не на чужую поддержку, а на собственные силы, которая красной нитью проходит через историю всех молодежных организаций, от гомельской "Самообороны" до ха-Шомера и других подобных групп в Эрец, проявилась теперь в добровольческом движении. "Мы сами должны освободить Эрец-Исраэль, а не получить ее милостью чужих рук!" — так чувствовали еврейские добровольцы.

Однако добровольческое движение столкнулось с активным противодействием со стороны партии ха-Поэл ха-цаир. Они считали открытое и однозначное отождествление ишува с Великобританией крайне безответственным шагом. Тому были две причины. Первая — политическая: официальное руководство Всемирной сионистской организации, находившееся в нейтральном Копенгагене, не одобрило идею создания еврейских добровольческих частей; в свое время Трумпельдор и Жаботинский организовали "Отряд погонщиков мулов" и "38-й полк королевских стрелков" наперекор руководству ВСО. Вторая причина состояла в том, что поскольку Галилея еще оставалась в руках турок, можно было опасаться жестокой расправы с имеющимся там еврейским населением, которому турки начнут мстить за "предательство" южнопалестинских евреев. Ведь деятельность группы "Нили" (сотрудничавшей с британской разведкой), которая тоже протекала в обстановке всеми ощущаемого близкого краха Османской империи, чуть не поставила под удар весь ишув. К этим главным причинам присоединялись возражения, продиктованные пацифистскими взглядами, составляв-

шими существенную часть мировоззрения членов ха-Поэл ха-цаир.

Воспламенявшая одних идея кровью завоевать Эрец-Исраэль вызывала отвращение у других. Они считали, что землю завоевывают трудом, а не войной. Кроме того, говорили противники еврейских батальонов, творческие силы сионистского движения нельзя расплывать по двум направлениям: если сосредоточить их на войне, неминуемо пострадает поселенчество. Самое важное — это трудовое воспитание еврейской молодежи, подготовка ее к самоотверженной работе в Эрец-Исраэль. Члены ха-Поэл ха-цаир воспринимали запись в добровольческие батальоны как дезертирство с самого тяжелого — трудового — фронта, как соскальзывание на легкий путь искателей приключений. Они с тревогой смотрели на то, как гибнут, не успев расцвести, начинания рабочего движения, как оставляются позиции, завоевание которых требовало таких колоссальных усилий. Им казалось, что добровольцы одержимы злым духом, психозом милитаризма, который намеренно разжигают лжепророки войны.

Партия ха-Поэл ха-цаир требовала от своих членов непоколебимо стоять на страже созданного с таким трудом, не поддаваясь мутному потоку массовой истерии, охватившей добровольцев. Нечего заноситься, нельзя ускорять события, заявляли они. Возрождение Эрец-Исраэль — процесс длительный, его не достичь резкими скачками, только упорный труд ведет к нему.

Бегство в окопы с трудового фронта лишь разрушит человеческие качества и привычки, приобретенные долгими годами, и на месте их не возникнет никаких положительных ценностей.

В добровольческом движении участвовали молодые, еще ничем не прославившие себя люди. "Гимназисты" были почти на десяток лет моложе поколения Второй алии, у них не было никакого общественного положения. Почти все руководители партии Поалей Цион — Ицхак Бен-Цви, Давид Бен-Гурион, Исраэль

Шохат, Александр Хасин — находились тогда за границей. Из членов этой партии активную роль в руководстве добровольческим движением играла Рахел Янаит, которой издалека помогал советами ее близкий друг Ицхак Бен-Цви. Но несмотря на всю важность своей деятельности, Рахел не заняла центрального положения среди палестинских рабочих, а тем более среди широкой палестинской общественности. Без признанного ищувом лидера добровольцы оставались в сомнительном положении то ли молодых авантюристов, то ли спасителей отечества.

Начало добровольческого движения застало Берла в момент, когда он был целиком погружен в дела иерусалимской овощеводческой группы. 10 числа месяца шват Берл отправился в Иудею, где хотел, кроме всего прочего, разузнать о формировании батальона. Он встретился с Элияху Голомбом и Ахароном Шидловским, у которых сложилось впечатление, что Берл твердо стоит на стороне нового движения. Для молодых добровольцев вступление в батальон Берла и Шмуэля Явнезли — двух признанных руководителей Объединения сельскохозяйственных рабочих, хорошо известных среди рабочих масс своей беспартийной позицией, открывало новые горизонты, придавало эфемерному начинанию нескольких юнцов статус общественного движения, имеющего широкую базу в ишуве.

Но Берл, видимо, поддерживал идею создания батальона не вполне искренне и решительно. Он не принял активного участия в добровольческом движении и даже открыто критиковал острую и непримиримую полемику между "призывниками" и "отказниками", полемику, которая привела к расколу немногочисленной рабочей общины и создала невыносимые личные отношения между людьми, близкими друг к другу по мировоззрению и жизненному пути. Если Голомб и его друзья надеялись, что Берл сумеет придать добровольческому движению надпартийный характер, они обманулись в своих ожиданиях. Берл

не принял участия в проведении первого съезда добровольцев, проходившего в Яффе в адаре 5678 (1918) года. На собрание добровольцев в Реховоте, где присутствовал Жаботинский, Берл собирался пойти, но в последнюю минуту передумал и остался возиться со своими овощами, хотя в тот самый день он побывал на Храмовой горе и сердце его билось мечтой об освобождении, которая не могла не переплетаться с мыслями о еврейском батальоне.

Несмотря на уговоры друзей включиться в активную работу по развертыванию призыва добровольцев, стать ее вдохновителем, Берл так и не занял в этом вопросе однозначной позиции. Неудивительно поэтому, что Берла обвиняли в оппортунизме, желании потрафить одновременно и "призывникам" и "отказникам", говорили, что его позиция — это "поза, дипломатия, фальшивка". Эти обвинения побудили Берла открыть душу своему товарищу по "беспартийной группировке" и противнику в вопросе организации еврейского батальона — Мордехаю Кушниру.

В основе своего мировоззрения Берл был прежде всего пацифистом. Ушедший когда-то в России от своих товарищей-сеймистов из-за колебаний в вопросе о еврейском терроре как мере борьбы с погромами, Берл, прославлявший Пинхаса Дашевского и считавший его национальным героем, образцом нового еврея, — занял в споре о войне позицию, которую нельзя не назвать двусмысленной. Берл различал террор во имя мести за поруганную честь еврея и тотальную войну, которая не разбирает правого и виноватого, где убийство становится всеобщим, где человеческая жизнь и достоинство тонут в гигантском кровавом водовороте, бесконечном и безнадежном. Когда разразилась Первая мировая война и вера во всемирную рабочую солидарность рухнула, захлебнувшись в волнах патриотического экстаза, который увлек и социалистов, и буржуа, Берл испытал горчайшее разочарование. Он даже тосковал, что не находится в Европе, где мог бы "возвысить звание

человека, отказавшись от войны даже ценою жизни”. Ложные слухи о том, что Карл Либкнехт убит из-за своих антивоенных выступлений, потрясли его: “У меня все задрожало внутри”. Берл до такой степени возненавидел войну, что отказывался поначалу связываться с нею какие бы то ни было надежды: “Если бы меня спросили, желаю ли я этой войны, при условии, что за счет нее мы получили бы Эрец-Исраэль, я не способен был бы согласиться на это злодеяние и в надежде на такое будущее”.

И все же, несмотря на такой подход, Берл нашел нужным одобрить идею создания батальона. Те же душевные свойства, те же духовные порывы, которые привели его к пацифизму и неоправдавшейся вере в спонтанные антивоенные выступления масс, привели его и в батальон. Последователь волюнтаристских течений в русском рабочем движении, сын первой русской революции, преданный сторонник концепции “реального действия” в ее анархическом толковании, согласно которому действие является толчком к великому возрождению, пробуждению дремлющих общественных сил и творческому народному подъему, — Берл не мог устоять перед волной мессианского воодушевления, на гребне которого несся призыв в еврейский батальон. Как человек, испытавший влияние Достоевского и Бердяевского, Берл видел “человеческое в бесчеловечном, высокое в низком, дурное в хорошем”. Добровольческое движение, уходящее корнями в зло войны, должно было привести к тому самому пробуждению, которое “поднимет ввысь индивидуум и общество”.

Берл верил в неисповедимость путей судьбы. “Я верю в то, что существует в мире история, только ее законы и дороги трудно различимы. Что-то подсказывает мне: этот путь пожелала избрать история, чтобы испытать на нем силу народа и его самосознание. Неужто хватит у меня прямолинейности мысли, чтобы пренебречь этим народным подъемом? Нет. Не такой я человек”.

Берла не увлекался мифом о том, что землю завоевывают кровью, да и видение будущей еврейской армии не захватывало его, хоть и не было ему чуждо. Он видел в этом одно из выражений национального возрождения — не больше, но и не меньше. Для Берла еврейский батальон был лишь средством, лишь второстепенным явлением по сравнению с вызванным им всеобщим подъемом, по сравнению с нарождающейся новой общественной жизнью. Берл лучше других понимал мотивы "отказников", особенно когда слышал раздававшиеся на собраниях будущих легионеров милитаристские призывы, которые глубоко тревожили его.

Если обе партии заняли четкую позицию по отношению к легиону, одна — положительную, а другая — отрицательную, то Объединение сельскохозяйственных рабочих не проводило никакой линии по этому вопросу и оказалось посередине между "уходящими" и "остающимися". Этот факт побуждал Берла еще осторожнее держаться с "отказниками", укреплял его желание добиться взаимного уважения между двумя партиями. Он старался создать примирительную атмосферу и ему даже удалось перед отправкой полка на учения снова установить в рабочем движении доверие, подорванное столь резкой полемикой. Плоды усилий Берла ощущались в том особом душевном состоянии, которое было свойственно легионерам, прошедшим школу Берла. В их душах боль смешивалась с высокими надеждами, угрызения совести — с радостным волнением.

Солдат 40-го батальона Его Величества короля Джорджа V

В особой атмосфере добровольческого движения, пропитанной нетерпением, скорбью, тоской по тайне и счастьем самопожертвования, расцвели в тайниках души цветы невиданных мечтаний.

Берл Кацнельсон, "Единство труда", сборник "Единство труда", Яффа, 1919

В начале месяца ав Берл, как и все его товарищи-добровольцы, был принят на военную службу и направлен в Египет, в тренировочный лагерь Халамие. Так начался год, сыгравший решающую роль в судьбе Берла, изменивший всю его жизнь и навсегда отчеканивший его личность. Это был год великих ожиданий, несбывшихся надежд, горьких разочарований, безысходного отчаяния, год, поднявший Берла как общественного деятеля и принесший смятение в его личную жизнь. Берлу исполнился тридцать один год, когда он впервые надел военную форму — форму английского солдата. Но он все еще не достиг чувства внутренней устойчивости и спокойствия, которое сопровождает переход от юности к зрелости. Примерно через полгода после мобилизации Берл писал брату Хаиму, жившему в Соединенных Штатах: "Я тот же, что и прежде. Мне тридцать два, а порой кажется, будто я юноша, хоть в волосах у

меня полно седины...” К концу этого года жизнь Берла войдет в устойчивое русло, по которому будет двигаться до конца дней.

Первые недели в батальоне пришлись Берлу по душе. Опасения, что он не сумеет приспособиться к армейской жизни, которые в свое время были одной из причин, мешавших ему принять участие в добровольческом движении, оказались преувеличенными. Правда, он был далеко не образцовым солдатом: низкорослый, худой, шевелюра и борода наголо сбриты согласно требованиям военной дисциплины. Берл имел довольно странный вид и чувствовал себя неуютно в английской форме, пригнанной по всем правилам устава. Голомб и Бен-Гурион тоже были невысокого роста, но форма выглядела на них естественно. На Берле же она казалась маскарадным костюмом. Нет, отличным солдатом Берл, конечно, не был. Военное дело, как и прочие технические специальности, он постигал с превеликим трудом, в сущности так его и не освоил. Более того, похоже, что вопрос о способности преуспеть в военной подготовке перестал беспокоить Берла сразу же после прибытия в батальон. Душевные терзания, сопровождавшие его попытки приспособиться к физическому труду, на этот раз не повторились. Он нашел себе в батальоне занятия, выходявшие за рамки обычных воинских обязанностей, и они, как мы увидим далее, заняли главное место в его жизни. Таким образом, неудачи на военных учениях и огорчения из-за неуклюжести не привели к глубокому внутреннему кризису.

Рассказывают, что один солдат-еврей из Англии, простой, необразованный человек, как-то сказал Берлу на идиш: “Человек ты — дай Бог всякому, но солдат ты — не приведи Бог!” Пожалуй, эта фраза лучше долгих рассуждений обрисовывает двойственное положение Берла в батальоне — и его неудачи в повседневной солдатской жизни, и его популярность среди товарищей.

В истории добровольческого движения, как уже говорилось выше, было немало высоких душевных порывов, вызванных ощущением наступившей эры национального освобождения, причастностью к роковым минутам истории, ее катаклизмам, предшествующим приходу Мессии. В первые дни жизни в батальоне чувства эти достигли небывалого накала.

Но прошло немного времени, и ощущение высокого счастья растворилось в ничтожности повседневной солдатской жизни. Множество причин, казалось, объединялось, чтобы утопить приподнятое настроение в трясине мелочей. Реальная жизнь военного лагеря оказалась весьма далекой от представлений Берла и его товарищей. Пожалуй, никогда еще не призывались в британскую армию солдаты, пылавшие таким энтузиазмом — и столь мало понимавшие условия и требования военной службы.

Британское командование лишь после долгих колебаний и весьма неохотно согласилось принять в качестве добровольцев эту экзотическую компанию восторженных босяков и пошло на это с твердым намерением сделать из них, по мере возможности, рядовых британской армии, не давая им каких бы то ни было привилегий. Холодное отношение англичан было для распаленных энтузиазмом добровольцев словно ушат студеной воды. Вскоре стало очевидно, что между этими двумя столь различными элементами неизбежно столкновение.

Еще перед мобилизацией Жаботинский предупреждал палестинских добровольцев, что в воинской службе не обойтись без скуки и однообразия. Но военная рутина оказалась куда противнее, чем предполагали новоявленные солдаты. Автоматизм и закостенелость военной дисциплины, доходящие подчас до оупления — особенно по отношению к новобранцам, которым обо всем хочется расспросить и все разузнать, с непривычки давили и доводили до бешенства.

Порка, предусмотренная уставом в наказание за

нарушение дисциплины, была несовместима с чувством человеческого достоинства, сильно развитым у бунтовщиков Второй алии. Утомительная, лишенная внутреннего содержания солдатская жизнь не отвечала ожиданиям добровольцев типа Берла или Шмуэля Явнеэли.

Вскоре начались трения: Берл и его товарищи в знаменитом меморандуме потребовали придать батальону более отчетливый еврейский характер. Они стали проводить уроки иврита для еврейских добровольцев, прибывших из стран диаспоры, считая, что язык является положительным фактором в деле создания еврейской атмосферы в полку. Они требовали, чтобы все воинские команды отдавались на иврите. Британским офицерам — евреям и, тем более, неевреям, по вполне понятным причинам, трудно было исполнить это требование, и в полку поднялась настоящая буря. Берл и Явнеэли, привыкшие действовать в гражданской жизни политическими методами, решили перенести их в армию и воспользоваться в своей борьбе за иврит таким испытанным средством как забастовка. Нетрудно представить, как отнеслось к этому английское офицерство, охваченное ужасом перед распространением большевизма, только что победившего в России. После ожесточенных споров "бунтовщики", скрепя сердце, согласились отказаться от мысли о забастовке и подать соответствующую докладную записку Вейцману, чтобы тот переслал ее Бальфуру.

Отвоевание у турок Галилеи произошло без участия еврейских батальонов. Лишенные неповторимой возможности сражаться за судьбу Эрец-Исраэль, батальоны потеряли свое историческое значение и превратились в малозначительный эпизод. Ходили слухи о том, что британское командование умышленно не допустило того, чтобы евреи сражались под сионистским знаменем за освобождение Галилеи, желая отнять у них возможность предъявить потом политические требования. Быть может, это были

ложные слухи, питавшиеся характерной для восточно-европейского еврейства подозрительностью в отношении гоев, а может, и было для них какое-то основание, а именно враждебность армейского командования к сионизму и сионистам.

Как бы то ни было, разочарование солдат еврейского батальона было огромным: ведь они пошли в армию только для того, чтобы участвовать в захвате Галилеи и принести освобождение своим братьям. Операция английской армии подрезала крылья политическим надеждам, связанным с добровольческим батальоном. Что толку во всех мучениях и мерзостях военной жизни, в изнурительных армейских учениях и бессмысленной муштре — если все это не вознаграждалось причастностью к великому, благородному делу, которое только и могло придать смысл всем этим испытаниям?

Еврейские батальоны так и не оправились от этого удара. Отныне армейская жизнь превратилась в серую рутину, лишь изредка прерываемую полевыми заданиями, зажигающими душу и очищающими унылую атмосферу. Принадлежность к батальону, прежде воспринимавшаяся как награда, сделалась теперь досадным бременем: оставаться в нем тяжело, а уйти — значит зачеркнуть значительное достижение сионизма, дать в руки противников еврейского национального очага даровую победу. Так тянулась жизнь в батальоне еще целый год, и от воодушевления, сопутствовавшего его рождению, остался лишь горький привкус разочарования.

Берл глубоко переживал, что ему не пришлось участвовать в освобождении Галилеи. Всеобщее замешательство не обошло и его. Оптимизм, живший в нем в эпоху великих надежд, покинул его. Чудные парни, с которыми он повстречался в армии, перестали казаться ему такими уж необыкновенными. У него появилось "смутное, тревожное ощущение потери". В несколько дней он поседел. К душевной неприкаянности прибавилась физическая слабость: несколько

недель не мог он окончательно выздороветь после перенесенной болезни. В конце концов он уволился из батальона: "Полагаю, у короля хватит солдат и без меня".

Но несмотря на депрессию, слабость и чувство беспомощности, Берл нашел в себе силы для великого замысла — попытки объединить рабочее движение.

Объединение Ахдут ха-авода

Несколько странно видеть самое главное в объединении маленькой горстки палестинских евреев.

Из протокола 13 съезда партии
Поалей Цион, журнал "Единство",
Тель-Авив, 5722 (1922) г.

Перебирая в свое время доводы за вступление в полк, Берл учитывал возможность объединения рабочего движения. Эта потаенная мысль выходит на поверхность в откровенном письме Мордехаю Кушнису.

"В моей мобилизации я вижу продолжение моей работы по объединению рабочего движения. В ушах у меня звучит шепот надежды..." Не пройдет и полугода, как под знаменем объединения рабочего движения возникнет сионистско-социалистическая организация Ахдут ха-авода. Что может быть проще, чем приписать Берлу замысел, предшествовавший этому событию? Берл указывал, что стремление к объединению являлось результатом органического развития самого движения, естественным следствием внутренних его тенденций и "истинных чаяний" рабочих страны. "Объединение не возникло из ничего. Оно пришло к нам поистине из глубин жизни, окрепло в упорном труде".

Отныне Берл будет постоянно подчеркивать историческую значимость единства рабочего движения и твердить о том, что надо беречь это единство как

зеницу ока. Берл будет неустанно прививать этот подход своим товарищам, пока понятие "единство" не станет святым для участников рабочего движения, а понятие "раскол" не обрстет самыми отрицательными ассоциациями. И даже если происходит раскол — он совершается во имя единства. Берл прочерчивает столбовую дорогу палестинского рабочего движения как путь полного и окончательного единства рабочего класса в Эрец, а малейший поворот на боковые тропинки — как отклонение от этого столбового пути.

Не вдаваясь на этом раннем этапе нашего повествования в обсуждение того, прав ли был Берл в своей исторической оценке стремления рабочего движения к полному единству, ограничимся здесь указанием на тот факт, что единство рабочего движения в том смысле, как видел его Берл, никогда не было достигнуто.

Вопреки горам аргументов и идейных установок, переломное значение создания Ахдут ха-авода не выходило из этих рамок. Необходимо отметить, что многообразные рабочие движения во всем мире находили питательную почву в тех же общественных слоях, что и в Палестине, и им тоже присуща была "общность судьбы". Но общность судьбы не предотвращает расколов — это доказала история европейского рабочего движения.

Как мы помним, в элуле 5678 (1918) года палестинский полк встретился с еврейскими батальонами, сформированными за границей. Через несколько дней после этой встречи, когда чуть стих в ушах шелест волшебных крыл истории, а в душе — волнение встречи, Берл стал вести разговоры с американцами. Неизвестно, о чем были эти беседы, но вероятно, Берл пытался направить мысли этих людей в русло устремлений членов Объединения сельскохозяйственных рабочих, которое, не переставая, теснили с двух сторон политические партии.

Насколько мы знаем, в этих беседах не обсуждалось

создание новой политической организации.

Да и после захвата англичанами Галилеи в документах нигде не упоминается о тенденции к объединению. В конце злула выходит в свет сборник "В работе", выпущенный Объединением сельскохозяйственных рабочих. В нем страстным языком того времени выражены духовные искания прошедших лет, надежды, родившиеся в годы киннеретских испытаний, небывалый подъем и напряжение периода мобилизации в Палестинский полк. Это выражение душевных устремлений, а не программа политической организации. Если здесь и отражается мировоззрение какой-то группировки, то лишь круга друзей, сблизившихся в годы войны, но не объединенных никакими политическими рамками.

В месяце хешван 5679 (1919) года, через несколько дней после того, как в еврейские батальоны поступили экземпляры сборника "В работе", Ицхак Бен-Цви и Давид Бен-Гурион начали готовить к печати другой сборник — орган Поалей Цион, где должны были публиковаться статьи членов партии, служивших в еврейских полках или находившихся за границей. Организаторы сборника стремились оживить внутрипартийную работу, внести в нее большее разнообразие. В последующие несколько недель деятельность Бен-Гуриона и Бен-Цви продолжалась в четких партийных рамках. В письме к Рахел Янаит от 18 кислева 5679 (1919) года, где Бен-Цви просит ее передать приветы членам партии и особенно участникам ха-Шомера, еще нет ни одного слова об объединении.

Но через два дня картина меняется. 20 кислева Берл вернулся из поездки в Эрец, и сразу же начинается непрерывная объединительная деятельность, продолжавшаяся два месяца и завершившаяся в конце адара 5679 года созданием Ахдут ха-авода. На вопрос о том, кто был инициатором этой упорной работы, завершившейся столь успешно, историк не может дать определенного ответа. Честь этого успеха, несомненно, разделяют двое — Берл Кацнельсон и Давид Бен-Гурион.

В годы Второй алии Бен-Гурион не был близок к кругам, в которых вращался Берл. Бен-Гурион принадлежал к партии Поалей Цион, которую Берл терпеть не мог, притом в период, когда Берл стал играть заметную роль в общественных организациях, Бен-Гурион уже готовился к общественной деятельности в рамках Османской империи, изучая право в Стамбуле. По душевному складу люди эти были очень далеки друг от друга. Перед одним расстился четкий путь, другой еще блуждал в потемках. Один пришел в Эрец-Исраэль просто и естественно, другой — после долгих метаний. Один с радостью взялся за физический труд, другому он давался с тяжкими муками — и душевными, и телесными. Для одного все всегда было ясно, другой же по любому поводу сомневался.

И в социализме они шли разными дорогами: Бен-Гурион был убежденным последователем Борохова, он не отошел от марксистского мировоззрения, тогда как Берл, с самого начала не принявший учения Борохова, оставался сторонником субъективного идеализма, характерного для первой русской революции, и волюнтаризма Бердичевского. Как-то раз Берл Кацнельсон и Давид Бен-Гурион вместе шли пешком в Яффу (видимо, из Петах-Тиквы), но настоящий разговор между ними не завязался.

Однако в Египте, в палатках под Тель-эль-Кабиром, начались между ними отношения, назвать которые политическим сотрудничеством означало бы резко недооценить их глубины. Если б нам пришлось оценивать достижения Еврейского легиона, то на одно из первых мест мы бы поставили сближение Берла и Бен-Гуриона, их внезапное открытие друг друга. По сообщениям из разных источников, Бен-Гурион прочел в сборнике "В работе" статью Берла "В преддверии грядущих дней" и, придя на основе этой статьи к выводу, что его цели и цели Берла по существу совпадают, стал искать способа сговориться с ним. Посредником Бен-Гурион избрал Шмуэля

Явнеэли, который был знаком ему еще со времен работы в Галилее (когда один из них работал в Явнеэле, а другой — в Седжере) и одновременно являлся другом Берла, членом "партии беспартийных".

Явнеэли загорелся идеей объединения, но, как рассказывал Бен-Гурион, "Берл был совсем иной человек, чем Явнеэли, он не способен был на безоглядное воодушевление, он все обдумывал, стремясь увидеть обе стороны каждого вопроса. Без всякого энтузиазма он сказал: 'Хорошо, обратимся теперь к членам ха-Поэл ха-цаир'". Из рассказа Бен-Гуриона явствует, что инициатива объединения исходила от него, а Берл включился в дело, испытывая определенные сомнения и колебания. Эта версия подтверждается письмом Бен-Цви, написанным в тот же день, когда Берл вернулся из Эрец. "Из последних новостей. Берл Кацнельсон приехал из Эрец-Исраэль и у нас было с ним приватное (неофициальное) совещание с участием нескольких наших товарищей, а также членов ха-Шомера и ха-Поэл ха-цаир. Давид внес предложение об объединении всех рабочих Эрец-Исраэль... Берл, а также Явнеэли изъявили согласие".

Берл выражает свои чувства по этому поводу в письме к Саре: "С самого возвращения в Египет я целиком включился в завершающий этап работы по объединению. Преуспею ли я в этом, пока неизвестно. Но я рвусь к этому с отчаянием и надеждой последней попытки".

Предложение Бен-Гуриона об объединении отличалось от всего, к чему стремился до тех пор Берл. Он предвидел сплочение рабочих вокруг сельскохозяйственного Объединения, где, по его мнению, уже организовались творческие халуцианские элементы палестинского рабочего движения. Он требовал расширить сферу деятельности Объединения, но не покушался на существование партий. Главный вклад Бен-Гуриона в дело объединения заключался в том,

что он провозгласил лозунг отмены партий и создания единой организации, занимающейся и социально-экономическими, и политическими вопросами.

Лозунг этот вытекал из желания Бен-Гуриона распустить партию Поалей Цион. Действительно, самое важное изменение, произошедшее на политической карте Эрец-Исраэль после создания Ахдут ха-авода, заключалось в исчезновении Поалей Цион. Именно Бен-Гурион убедил своих товарищей по партии (в том числе тех, которые пользовались большей известностью и занимали более высокое положение, чем он сам) согласиться, по существу, на самоуничтожение партии. Необходимо поэтому понять позицию Бен-Гуриона в связи с положением, создавшимся тогда в его партии в Эрец и за границей.

Бен-Гурион тогда только что вернулся в Эрец из Соединенных Штатов, где у него были острые столкновения с тамошним руководством Поалей Цион. Разногласия между ними возникли из-за тезиса Бен-Гуриона о "примате" Эрец-Исраэль и всего, что решалось там, в партийных делах. Партия Поалей Цион вела тогда напряженную полемику с антисионистами слева и вынуждена была приспособлять свои позиции к нуждам этого спора. Поскольку членов Поалей Цион обвиняли в антипролетарских склонностях, они старались подчеркнуть свою близость к рабочему классу за счет отхода от обязанностей перед Эрец-Исраэль.

Полемика сосредоточилась вокруг двух вопросов: о национальном языке и об отношениях между палестинской и галутной частями партии. Пыл, с коим охранители идиш отстаивали его превосходство в народной жизни, можно было сравнить лишь со страстью их противников — защитников иврита. На первый взгляд между любовью к идиш и любовью к ивritу не было противоречия, они могли прекрасно ужиться вместе: Берл и его друзья, например, не отказались от идиш. Привязанность их к народному

языку не пострадала от того, что они отдавали предпочтение ивриту. Литература на идиш, шутки и анекдоты были частью их повседневной жизни.

Однако приверженцы идиш считали, что два языка враждебны друг другу. Так началась "священная война" за культуру между "национально-народным течением", видевшим в идиш язык масс, стремившимся к еврейской автономии в диаспоре и предполагавшим, что в конце концов найдется решение еврейского вопроса в странах проживания евреев, — и сионистским течением, ратовавшим за изменение всей еврейской жизни и переселение еврейских масс из стран рассеяния в Эрец. Борьба против иврита превратилась, если не теоретически, то на практике в борьбу против Эрец-Исраэль. Партия Поалей Цион более, чем другие сионистские течения, занимала в этом вопросе весьма двусмысленную позицию. Желая подчеркнуть свою социалистическую ориентацию, члены Поалей Цион готовы были признать только идиш языком еврейского народа. Картина будущего рисовалась им в сионистском духе, и потому они не отрекались от иврита, а лишь выступали против войны на истребление, которая якобы велась против идиш в Эрец-Исраэль. По существу, их позиция склонялась в сторону идиш за счет урезания иврита. Бен-Гурион с самого начала своего пути в Эрец был последовательным приверженцем иврита, когда его товарищи по партии еще не преодолели своих колебаний по этому вопросу.

Живя в Соединенных Штатах, Бен-Гурион вел в партийных кругах непримиримую борьбу за иврит — впрочем, без особого успеха. Американские члены Поалей Цион, если и принимали сионистскую идею в качестве прогноза на будущее, то ни в коем случае не готовы были согласиться с ее толкованием в духе палестинского крыла партии, понимавшего сионизм как руководство к немедленной халуцианской деятельности. Ведя полемику с американскими "бундовцами", руководители Поалей Цион из США не

переставали подчеркивать народный характер своей партии, игнорируя ее сионистскую направленность.

Осознав, что партия Поалей Цион в диаспоре нетвердо стоит на сионистских позициях и испытывает сильное влияние мирового революционного движения, Бен-Гурион разочаровался в ней. Тезис о "примате" Эрец-Исраэль перед диаспорой превратился в вопрос о примате сионизма над социализмом. Бен-Гурион знал свой путь, тогда как партия Поалей Цион своего пути еще не выбрала.

Обстановка в Эрец, которую застал Бен-Гурион, вернувшись из Америки, тоже вызывала опасения. И здесь спор об иврите грозил довести партию до раскола: очень многие из приехавших в Эрец легионеров были проникнуты преданностью идиш и яростно обрушивались на приверженность палестинцев к ивриту, незнание которого мешало им участвовать в общественной жизни и просто понимать, о чем шла речь на партийных собраниях. Таким образом, ведущаяся в диаспоре борьба вокруг языка захватила и Эрец-Исраэль.

Возвратившись в Эрец-Исраэль, Бен-Гурион обнаружил, что большинство прежних лидеров Поалей Цион уехало из страны, а нового сионистско-социалистического, преданного национальной идее руководства так и не появилось. Ядро Поалей Цион Эрец-Исраэль группировалось вокруг членов ха-Шомера, у которых Бен-Гурион не пользовался особой популярностью. Эта группа, организованная по типу закрытого ордена, не могла служить заменой партии. Итак, вместо сплоченной партийной организации Бен-Гурион застал лишь ее разрушенные, подверженные влияниям извне остатки, которым не по плечу была задача строительства Эрец-Исраэль в пору великих исторических свершений.

Внутриполитическая обстановка в партии была неясной. Именно приехавший из-за границы Бен-Гурион сумел свежим взглядом охватить всю картину. Прежняя структура партии расшаталась. Новых репат-

риантов, способных создать боеспособную политическую организацию, отвечающую их традициям и стремлениям, еще не появилось. Создалось неустойчивое положение, при котором можно было ломать старые рамки и создавать новые формы, соответствовавшие новым возможностям и потребностям. Прочитав статью "В преддверии грядущих дней", Бен-Гурион понял, что обрел союзника — человека, как и он, всей душой преданного Эрец-Исраэль, ищущего настоящего дела, предлагающего конкретный план действий.

Те же самые условия, которые породили "самоубийство" Поалей Цион, послужили причиной отказа партии ха-Поэл ха-цаир от объединения. Если в Поалей Цион ощущался кризис, руководство ослабело, а многие рядовые члены партии стали сомневаться в сионизме — и потому аргументы Бен-Гуриона и Бен-Цви нашли здесь множество внимательных слушателей, — то руководители ха-Поэл ха-цаир во время войны находились в Палестине и не слишком пострадали от тягот военного времени, так что влияние руководства оставалось достаточно сильным. Опора партии на иврит лишь укрепилась под натиском приверженцев идиш, а их враждебность догматическому социализму обострилась под влиянием сообщений о происходящем в России. Кроме того, из России доходили слухи о том, что 60000 членов движения Цейрей Цион, близких к ха-Поэл ха-цаир, собираются отправиться в Эрец. Так с какой же стати совершать политическое самоубийство, отказываясь от основополагающих принципов партии ради весьма сомнительного единства всех рабочих Эрец? Партия ха-Поэл ха-цаир, не испытывая никакой потребности в изменении своей структуры, опасалась присоединения к блоку, признающему учение о классовой борьбе и считающему себя частью союза Поалей Цион, хотя бы это объединение и ограничивалось рамками палестинских организаций.

Внешние различия между Поалей Цион и ха-Поэл

ха-цаир вытекали из их коренных различий, культивирувавшихся уже добрых пятнадцать лет. Члены ха-Поэл ха-цаир были люди уравновешенные, не подверженные, в отличие от добровольцев Еврейского легиона, приступам энтузиазма, и поэтому среди них не возникло той экстатической атмосферы, при которой стираются противоречия и уничтожаются старые связи, атмосферы, характерной для жизни Еврейского легиона.

Не ограничиваясь идеей создания новой группировки, Бен-Гурион предложил также платформу для объединения: 1) признание классовой борьбы или особого положения рабочих и их особого пути; 2) организационные связи с мировым еврейским пролетариатом или с союзом Поалей Цион; 3) вступление в Интернационал. Бен-Гурион отдавал себе отчет в том, что меньшим его товарищи по партии не удовлетворятся, но и при такой платформе их нелегко склонить к объединению.

Берл был далек от догматического социализма. Он стремился создать как можно более широкое объединение и потому ему нужна была платформа, оставлявшая свободу для разноречивых, даже противоположных тенденций, существовавших в рабочей среде. Формулировка Бен-Гуриона была чересчур однозначной, чересчур косной, чтобы отвечать потребностям антидогматически настроенных беспартийных кругов.

И здесь Берл сыграл роль объединителя, превратив исторический факт в краеугольный камень новой идеи.

Ахдут ха-авода отличалась от любой существовавшей до и после нее общественной организации тем, что в ней объединялись функции партии и профессионального союза. Она должна была стать объединением автономных профессиональных союзов, а не партией, члены которой должны сохранять верность определенному кредо, изложенному в партийной программе. В такой формулировке, несомненно, проявляется синдикализм, стремящийся к организации общества

снизу, посредством профессиональных ячеек, являющихся основой организационной структуры.

Берл всемерно подчеркивал единство условий жизни, общность судьбы и подлинное равенство как базу организации рабочего класса и видел основу ее сплоченности в братстве рабочих, связанных общей трудовой жизнью, а не в каких бы то ни было догмах, разъединяющих их. Форма организации была заимствована из Объединения сельскохозяйственных рабочих. Остальное — результат предложения Давида Бен-Гуриона о ликвидации партии.

Приняв предложение Бен-Гуриона о том, что объединение должно быть полным, Берл положил эту идею в основу идеологии Ахдут ха-авода. Главные функции нового объединения должны были сосредоточиться в тех областях, где действовали или пытались действовать прежние объединения: поселенчество, строительство Эрец-Исраэль, трудоустройство рабочих, забота об алии. В будущей организации, как она виделась Берлу, политические аспекты уступали по важности социально-экономическим и культурным.

Такая точка зрения была характерной для периода, непосредственно следовавшего за окончанием войны, когда казалось, что политические функции Всемирной сионистской организации (как и функции партий) утратили прежнее значение, ибо Декларация Бальфура и захват Палестины английскими войсками положили конец эре политического сионизма и открыли эпоху практического строительства Эрец-Исраэль.

Из трех предложенных Бен-Гурионом тезисов в программу Ахдут ха-авода вошли два: участие во всемирном союзе Поалей Цион и участие в Социалистическом Интернационале. Принцип классовой борьбы не нашел отражения в программе новой партии.

Составленная программа была социалистической по своей ориентации на рабочего и устремленности к бесклассовому самоорганизующемуся обществу. Она

не походила ни на одну из известных социалистических теорий. Основатели Ахдут ха-авода создавали партию, имея перед собой цель строительства еврейского государства и связанные с нею огромные перспективы, а потому положили в основу своей организации принцип "централизованной рассредоточенности"; составными ячейками нового объединения должны были стать профессиональные союзы, а его центральный орган должен был избираться на съезде всех входящих в него рабочих.

Объединение беспартийных и членов Поалей Цион покоилось на признании первенствующего значения Эрец-Исраэль, обязательности иврита и стремлении к объединению рабочих течений диаспоры и созданию мощного халуцианского движения, которое возьмет на себя строительство Эрец. Берл и Бен-Гурион, как и их товарищи с обеих сторон, видели историческую необходимость возникновения организаций широкого охвата, которые соответствовали бы великим задачам, ставшим на повестку дня после вступления в Палестину англичан.

Создание Ахдут ха-авода означает превращение рабочего движения в ведущую силу ишува. Организации, возникшие в пору Второй алии, были лишь зародышами, в Ахдут ха-авода отлились формы и пути рабочего движения, и, главное, в ее рядах сформировалось руководство рабочим движением. На первый взгляд, казалось бы, члены сельскохозяйственного Объединения приняли основные принципы доктрины Поалей Цион. Но следует помнить, что видимость не всегда отражает реальное положение вещей. В момент основания Ахдут ха-авода беспартийные составляли в ней большинство, которое отнюдь не было лишь формальным. В сущности, никто из старых руководителей Поалей Цион, кроме Бен-Гуриона, не занимал в Ахдут ха-авода центральных постов. Создается впечатление, что Бен-Гурион заключил союз с другой руководящей группой и от этого союза родилось новое руководство рабочего

движения, сыгравшее историческую роль. Берл, Табенкин, Ремез, Явнеэли — все они были лидерами сельскохозяйственного объединения. Эти люди и стали отныне у руля рабочего движения. К ним присоединится со временем на правах младшего товарища Элияху Голомб, сблизившийся с Берлом в Еврейском легионе. Таким образом, если при поверхностном взгляде на вещи представляется, что Берл принял некоторые установки Поалей Цион, то по существу партия эта с помощью одного из своих руководителей, Давида Бен-Гуриона, сошла с политической сцены. Другой ее лидер, Ицхак Бен-Цви, воспринял нововведения своего товарища без особого энтузиазма. Но у него не хватило сил, чтобы оказать сопротивление мощному союзу Берла и Бен-Гуриона, возникшему в новой партии.

Союз этот свидетельствует о перемене, произошедшей в характере Берла в течение 1919 года. До сих пор Берл всегда завязывал дружеские связи по влечению сердца, искал людей, чья душевная организация походила на его собственную, чьи настроения были близки и понятны ему. Он искал подлинной дружбы, искал той поэтической искры, которая вспыхивает иногда в отношениях двух друзей, скажем даже, искал любви. В период Второй алии Берл не отделял личные отношения от сотрудничества в общественной работе. Среди участников дружеского киннеретского кружка царил интимная, сердечная близость; в этой атмосфере развивались общие понятия о задачах сельскохозяйственного объединения. Узы глубочайшего душевного притяжения связывали Берла с Бреннером, А. Д. Гордоном, тем более с Ицхаком Табенкиным или Бен-Ционом Исраэли, а также с другими его товарищами по Второй алии.

Отношения между Берлом и Бен-Гурионом были иными. Задушевности, сердечной близости, рождающейся из одинакового воспитания, культурных традиций, совместных переживаний, — не было тут и в помине. На место всего этого пришло взаимопонима-

ние двух людей со сходными общественно-политическими взглядами, видевших друг в друге крупную личность, способных вместе тянуть упряжку еврейского поселенчества в Эрец.

В то же время Берл расстался с одним из тех людей, которые были ему очень близки в личном плане, — с А. Д. Гордоном. Гордон, который в годы войны жил вместе с Берлом в крохотной киннеретской комнатухе, который вместе с Берлом и его товарищами Ицхаком Табенкиным, Бен-Ционом Израэли, Мордехаем Кушниром и Ноахом Нафтольским ратовал за единство рабочего движения и восставал против любых проявлений партийности, — этот самый Гордон резко выступил против создания Ахдут ха-авода. Гордон считал ее основание капитуляцией перед Поалей Цион с ее принципами социализма и интернационализма. Этого он снести не мог, а потому решил порвать со всеми своими друзьями, ставшими членами новой организации. После создания ха-Поэл ха-цаир Гордон, бывший прежде беспартийным, вступил в ха-Поэл ха-цаир, став знаменем этой партии. Берл болезненно переживал расставание с Гордоном. Но когда перед ним встал выбор между заботой о чувствах Гордона и основанием Ахдут ха-авода, он выбрал второе. Берл не питал к Гордону неприязни за резкие выпады против себя, продолжал искать пути примирения, но с дороги не свернул.

Создание Ахдут ха-Авода было одной из вершинных точек в жизни Берла. На учредительном съезде партии, состоявшемся 24 адара 1919 года в Петах-Тикве, Берл играл доминирующую роль. Именно он выступил с основным докладом, выдержанным в духе беспартийных рабочих Эрец; он сформулировал проекты резолюций; его рука чувствовалась в ходе выборов центрального комитета новой организации. Берл стал одним из главных (если не главным) лидеров самой влиятельной группировки в палестинском рабочем движении. Организация эта насчитывала пока не так уж много членов, но ей предстояло

пополнить свои ряды за счет олим.

Люди Второй алии верили в свою историческую правоту, в то, что они прокладывают дорогу будущей массовой алии. Берл разделял это убеждение и торопился с созданием Ахдут ха-авода также и потому, что предвидел скорое прибытие новых иммигрантов и стремился к тому, чтобы они встретились в Эрец с единым рабочим движением, возглавляемым единым руководством, к которому, в силу естественных причин примкнут новички.

В личной жизни Берла исторический съезд в Петах-Тикве отделяет период Второй алии от периода зрелости, когда Берл превратился в вождя. Берл осознавал происходящую перемену и ее влияние на его образ жизни. Когда объединение уже было делом решенным, Берл распланировал их с Сарой будущую совместную жизнь. Он решил, что они поселятся в Яффе, так как там была сосредоточена основная деятельность Ахдут ха-авода. Выбор этот был продиктован исключительной заботой о пользе дела, ибо в Эрец было немало мест, которые с первых дней полюбились Берлу куда больше, — например, Эйн-Ганим, Киннерет, Иерусалим. В Яффе не было ни широких просторов, ни сельского хозяйства, словом, ничего из того, чем дорожил Берл в недалеком прошлом.

Берл многие годы продолжал привычно жаловаться на свою жизнь партийного работника, но он уже достаточно знал себя и понимал, что интерес к общественной жизни в нем сильнее других пристрастий, сильнее тяги к покою. Быть может, тут сказывалось влияние Бен-Гуриона, который всегда хотел быть в центре событий, быть может, Берл увлекся открывшимися перед ним перспективами широкой деятельности, быть может, он не мог спокойно взирать на то, как тогдашние руководители ишува и сионистского движения в Палестине проходили мимо колоссальных возможностей, занимаясь мизерными делами. Берл видел, что в него верили,

шли за ним, и потому решил, что должен собраться с духом и посвятить себя благу многих, а в случае неудачи на этом поприще он уйдет от общественной работы и займется физическим трудом. По крайней мере, так он утверждал.

На протяжении всей подготовительной работы к объединительному съезду Берла не оставляли страхи и сомнения, но в глубине души он был уверен в себе. Шмуэль Иосеф Агнон, впервые встретивший Берла в начале двадцатых годов после их памятной довоенной беседы в Киннерете, писал: "Я увидел человека, измерившего свои силы и знающего, что он способен совершить, но из чувства природной скромности не дающего другим почувствовать своего величия". Людям он казался теперь уверенным в себе вождем, который знает, что ждет впереди.

Перемены, произошедшие в личности Берла, поразили ту, что была ему ближе всех, — Сару Шмуклер. Они встретились после разлуки, длившейся больше года, когда Берл первый раз приехал в Эрец после освобождения Галилеи, в месяце хешван 5679 (1919) года. Сара, целый год тосковавшая по нему и мечтавшая о его возвращении, встретила вдруг человека, непохожего на того Берла, которого она знала. Ее Берл жил прежде всего душевной жизнью, она составляла смысл его существования. А новый Берл смотрел на жизнь как общественный деятель, как вождь политической партии. Ее Берл дорожил узами дружбы и любви, завязавшимися пятнадцать лет назад в Бобруйске, был превыше всего предан людям, с которыми прошла его юность, — Бате и Элизеру Шейнам, Лее, самой Саре. Новый Берл высоко ценил Залмана Рубашова, Рахел Кацнельсон, предпочитал их старым друзьям. Прежний Берл искал в друге внутренней близости, родства душ, возвышенной романтики. А Берл нынешний до такой степени восторгался интеллектуальностью Рахел Кацнельсон, что его верная подруга изводилась от ревности. Ее неумение писать статьи и произносить речи вдруг

стало в его глазах недостатком. Наступил час долгожданной встречи, и тут Берл точно обдал взволнованную Сару студеным ветром. "Что нам делать вместе? — спросил он ее. — Передо мной целый мир, а для тебя важна только любовь". И тут же пустился в рассуждения о трагедии современной женщины, которая уже не может удовлетвориться домом, но не способна добиться успеха на другом поприще. Он по-прежнему твердил ей, что "она царит в его сердце", но колебался, думая о женитьбе. После этой встречи Сара написала Берлу письмо, проникнутое горечью и ревностью, где она цитирует слова Онегина, обращенные к Татьяне, считая, что они отражают чувства Берла:

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единой, —
То верно б, кроме вас одной,
Невесты не искал иной.

.....
Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства;
Их вовсе недостоин я.
Поверьте (совесть в том порукой),
Супружество нам будет мукой.

Флирт Берла с Рахел Кацнельсон и его умствования по поводу их отношений вызвали у Сары тяжкие сомнения в искренности его чувства к ней. У нее возникло ощущение, что Берл все более отдаляется, что она, как в свое время Лея, становится ему обузой, что он не открывает до дна своей души, как когда-то из жалости не хотел раскрывать всех гайников сердца перед Леей. Малейшая задержка в

письмах причиняла Саре нестерпимую душевную муку, заставляла заново с болью обдумывать происходящее между ними. Берл с головой ушел в лихорадочную подготовку объединительного съезда, на который возлагал большие надежды, а тем временем Сара, живя в далеком Иесуд ха-Маала, терзалась одиночеством, ревностью, неуверенностью в том, что Берл любит ее. А он, всегда такой чуткий, видимо, даже не замечал, в какую пучину отчаяния вверг ее, а если и замечал, то чувство долга перед общим делом пересиливало личные переживания. В месяцы, прошедшие между возвращением Берла из первой поездки в Эрец к лагерной жизни под Абу-Кабиром (кислев 5679 года) и созданием Ахдут ха-авода (конец месяца адар 5679 года) они с Сарой виделись очень мало.

Однажды, когда Берл приехал в Галилею вести агитацию за объединение, Сара скромно сидела в уголке во время собрания рабочих в Рош-Пинне. Присутствовавшим запомнился ее нежный голос и ласковая манера обращения. Когда подошло время объединительного съезда в Петах-Тикве, Сара вместе с рабочими Киннерета отправилась туда. Она видела Берла в его звездный час, когда он стал признанным вождем, которого носили на руках. Три недели спустя она писала ему: "Знаешь, я все еще под впечатлением того собрания... Вы трое (видимо, Берл, Табенкин и Бен-Гурион) олицетворяли тогда собою в моих глазах все самое возвышенное, трагическое и тонкое, что я когда-либо видела на сцене, — только на этот раз все происходило не на сцене, а в жизни". Но и во время съезда ей не раз бывало тяжело: "Наши задушевные отношения так много украли у меня", — писала она. Берл так и остался в своих отношениях с Сарой "человеком нецельным", по ее собственному определению.

На Песах 5679 (1919) года Берл отправился в Иесуд ха-Маала. Семейство учителя Птахьи Левитова уехало погостить в Иудею, оставив свой дом в

распоряжение Сары и Берла. Они встречали праздник вдвоем: Лея отказалась приехать, ссылаясь на горячую рабочую пору в Киннерете. Берл обрел в Иесуд ха-Маала долгожданный покой. Здесь записал он свою речь, произнесенную на учредительном съезде Ахдут ха-авода. Похоже, что и в личной жизни узнали они в те пасхальные каникулы полноту чувств и душевный покой, которого им так долго не доставало.

Согласно одной версии, они решили пожениться на Лаг ба-Омер. Но версия эта вызывает сомнение, ибо формально-религиозное оформление их союза противоречило склонностям как Сары, так и Берла, а потому трудно предположить, что они назначили день свадьбы. Быть может, они говорили о том, что Сара переедет в Иудею, где они начнут семейную жизнь. Но и эта версия сомнительна, ведь в те самые дни Берл написал в Америку брату Хаиму подробное длинное письмо, где передавал приветы от всех бобруйских друзей, в том числе от Леи, Сары, Бати Шейн и Ицхака Табенкина. Письмо это оканчивалось так: "Никто из нас еще не нашел своей пристани". О связи с Сарой в нем не было ни слова.

Но как бы то ни было, вскоре после возвращения Берла из Иесуд ха-Маала в свой батальон Птахья Левитов вызвал его обратно в Цфат: Сара опасно заболела желтой лихорадкой, от которой сама спасала жителей Иесуд ха-Маала. Ее отвезли в цфатскую больницу, и когда положение ее ухудшилось, она попросила вызвать Берла.

В тот же самый день в Киннерете по дороге в поле у Леи вдруг возникло неясное ощущение беды и она почувствовала, что должна срочно увидеть Сару. Лея бросила работу и помчалась в Верхнюю Галилею. В Рош-Пинне ей сказали, что фельдшерницу из Иесуд ха-Маала направили в цфатскую больницу. Добравшись до Цфата, Лея застала Сару в безнадежном состоянии. Когда назавтра, в понедельник, приехал Берл, Сара уже была без сознания. На рассвете

следующего дня, 6 ияра 5679 (1919) года она скончалась. Ей было тридцать лет.

Если при жизни Сары в отношении к ней Берла бывали подъемы и спады, если он порой — во время разрыва с Леей, да и впоследствии — причинял ей горе своим непостоянством, тем, что бурная его натура страшилась сетей брака и не желала поддаваться простому и естественному чувству любви, которое по-настоящему проявляется лишь в спокойной семейной жизни, — то после своей смерти Сара стала центром его душевной жизни. Современники шептались о невероятных проявлениях его скорби, доходивших до того, что в Киннерете во время похорон, охваченный отчаянием, он бросился в раскрытую могилу. Похоже, что пока Сара была жива, Берл не отдавал себе отчета в том, какое место заняла она в его жизни. Нежная, любящая, все понимающая, она оставалась всегда где-то на заднем плане, не мешая его планам, не вмешиваясь в его работу. Но, пусть он не всегда чувствовал это, она постоянно была в его сердце. Она была ниточкой, связывавшей его с юностью, с родным домом в Бобруйске. И в тридцать два года он находил упоение в душевных грозах, сотрясавших их обоих. Муки, перенесенные ими в продолжение всех перипетий их романа, способность Сары страдать и выражать свои страдания одушевляли собою долгую историю их отношений, продолжавшихся пятнадцать лет. Смерть Сары стала причиной вечной беспощадности Берла к самому себе. Его обморок у могилы Сары был проявлением угрызений совести. Берл винил себя в ее смерти, в том, что не смог дать ей счастье.

С тех пор жизнь Берла протекала в двух плоскостях — открытой и тайной. Уже наметившееся ранее раздвоение его личности — партийного функционера и человека — со смертью Сары стало развиваться с удвоенной силой. Когда истекла неделя траура, Берл вернулся в батальон, угнетенный и нетерпеливый. Он лихорадочно бросился в работу, особенно редак-

торскую, и вскоре научился скрывать свою скорбь, заслонять ее общественной работой, которая не была по плечу никому из его товарищей.

Открытое проявление чувств почиталось преступлением в тогдашнем кодексе поведения, и Берл свято исполнял его предписания. Перед ним часто изливали душу страдавшие его товарищи, но у него самого никогда не было друга, перед которым мог бы он выплакать свою боль. По приезде Берла его измученное лицо произвело сильное впечатление на товарищей, но в дальнейшем они не обсуждали между собой его несчастья, и Берл никого из них не посвящал в свои переживания:

Единственной, от кого не скрывал он свою боль, была Лея Мирон. После смерти Сары снова возобновилась их прежняя крепкая "цепочка", как называла Лея их странные отношения. Никому не дано проникнуть в глубину души человеческой. Мы можем лишь строить предположения о причинах, подхлестнувших возобновление их связи. Лея, подобно Саре, была уже шестнадцать лет неразрывно сплетена в душе Берла с воспоминаниями юности. Нерешительность Берла, переменчивость его настроений были ей хорошо известны. Много притягательного было в этих старых отношениях, где о нем знали все, — ведь у его израненной души не хватало сил на познание новых людей. И вот еще что: странная дружба между Сарой, Леей и Берлом будто создала высокую стену, отгородившую их от окружающих. И, обращаясь к Лее за утешением, Берл оставался внутри этой ограды.

Чувство обособленности этой троицы было столь сильным, что Лея не ревновала Берла к Саре и не мучила ее упреками за то, что Берл предпочел Сару ей самой. После смерти Сары и у Берла, и у Леи создалось ощущение, что, поддерживая свою долготную близость, они сохраняют верность Саре.

С самого начала их отношений, еще с Бобруйска, Лея вела себя как старшая из всех троих. Она

ощущала внутреннюю потребность защищать двух любимых ею людей, которые, намного превосходя ее в интеллектуальном отношении, уступали ей в душевной стойкости и физическом здоровье. Это не означает, что здоровой натуре Леи чужды были муки ревности, — подобно Саре, она глубоко страдала оттого, что Берлу не хватало сил выбрать одну из них. Но Лея была более сдержанной, не умела так, как Сара, выражать свои чувства, ей несвойственна была склонность к истерии, ощущаемая во всех письмах Сары, и потому она казалась грубее Сары. Лея могла вынести страдания, которые почти сломали более тонкую и обостренно чувствующую Сару.

После смерти Сары Лею с новой силой потянуло к Берлу, и причиной этого была любовь, с которой она всю жизнь относилась к ним обоим — к Берлу и Саре. Лея не испытывала неприязни к Саре, оторвавшей от нее Берла, напротив, она всегда упрекала Берла за то, что он не был верен Саре. Чувство вины и угрызения совести, преследовавшие Берла после смерти Сары, казались Лее оправданными, и она не пыталась утешать его, отрицая их. Больше того, через год после смерти Сары она пишет Берлу: "И вот в тысячный раз напрашивается вопрос: почему ты не мог дать Саре счастья при жизни?" Верность или неверность Берла были, по-видимому, главной темой в их тягостных разговорах о жизни и смерти Сары.

В отчаянии Берл отвечал на эти упреки изъяслениями верности памяти Сары. Через несколько месяцев после Сариней смерти он пишет Лее: "Все эти дни в каждом своем деле я вспоминаю о ней, она живет рядом со мной". Более года спустя из далекой Вены он пишет Лее в Кинерет: "Скажи ей, скажи — я ей верен". Таким образом, новая близость с Леей не представлялась Берлу, как и ей самой, изменой памяти Сары.

В том самом письме, написанном через два месяца после смерти Сары, где он утверждал: "Все эти дни я в каждом деле вспоминаю о ней, она живет рядом

со мной”, — он далее обращается к Лее: “Самое важное в моей жизни теперь — это чтобы ты выздоровела и окрепла”. В записке, посланной Лее неделю спустя, говорится: “Сегодня вторник, двенадцать недель после ее смерти... Завтра я, может быть, приеду. Куда? Я будто вывалился из всех миров. Возможно ли, что я приеду и подыщу комнату тебе и себе, где-нибудь подальше от города?” Что должна была чувствовать женщина, когда любимый писал ей: “Если б я мог верить, что суждена нам еще одна встреча, еще один взгляд... Жизнь моя проходит среди чужих, в ненужных мне заботах... А каждое утро, и вечер, и ночь я думаю только об одной...”, — если эта “одна” — другая, а он на том же дыхании прибавляет: “...с тобой же я живу, не нарушая одиночества твоих дней и ночей”.

Видимо, до отъезда Берла в первую заграничную командировку (осень 1919 года) они с Леей жили в комнате неподалеку от Яффы. Но когда Берл выехал в Европу, Лея тоже уехала из этой комнаты и вернулась в Киннерет. Ей казалось, что ее долг утешительницы выполнен.

Но Берл не мог отпустить ее. Ему было тридцать три года, он еще не излечился от душевного надлома после крушения свой любви, совесть по-прежнему грызла его. Лея была его единственной надеждой, только с нею мог бы он создать свой семейный очаг. В таком состоянии для него невозможна была даже мысль о жизни с какой-либо другой женщиной. Возвратившись в Эрец, он просит Лею вернуться к нему в окрестности Яффы. “А до твоего приезда я подыщу нам какой-нибудь угол. Не покидай меня”.

Он, как и прежде, апеллирует к ее материнским чувствам, подчеркивает свое горе, усталость, беспомощность и особенно — одиночество. Из всех людей, составляющих руководство Ахдут ха-авода, он встречается только с двумя, которые ему ближе других, — с Бреннером и Табенкиным. Но Лея не торопится отвечать на его призыв, и он снова пишет ей,

сообщает, что нашел для них дом рядом с хозяйством новой группы, созданной Бен-Ционом Исраэли к югу от Яффы.

Участниками этого коллектива были видные деятели рабочего движения, которые из-за своих общественных обязанностей оказались оторванными от прежних групп и стремились на новом месте по-прежнему жить коммуной. Во втором письме Берл снова подчеркивает свою беспомощность — до приезда Леи он не будет перебираться в новый дом, "у меня нет сил устраиваться, вот когда ты приедешь — силы появятся".

Лея не могла устоять перед уговорами Берла и скоро присоединилась к яффской "квуче". Но счастья ей тут не было. Их отношения с Берлом носили типично домашний, семейный характер. Лее отводилась роль домашней хозяйки, обеспечивающей мужу удобную и спокойную жизнь, причем у нее не было ощущения, что сердцем Берл с нею.

Прошло несколько месяцев, и Берл, несмотря на данное Лее обещание не уезжать за границу, отправился во вторую командировку (лето 1920 года). Лея воспользовалась его отсутствием, сделала попытку оторваться от него и вернулась в свое убежище — Киннерет.

Узнав об этом, Берл послал Лее письмо, которое больше всех когда-либо написанных им ей писем похоже на любовное. "Ты — в Киннерете. Так мне передали. Я скоро вернусь — где же искать тебя? Вили мы, вили свое печальное гнездо — а теперь оно заброшено. Неужели, вернувшись, я застану его опустелым? Что ж — начнем все снова? Если б ты только могла услышать, Леинька, как стонет мое сердце, как отчаянно, точно подхваченный ветром листок, трепещет оно". Но даже в этом письме, написанном, чтобы смягчить женское сердце, Берл не может удержаться от воспоминаний о Саре, а, может быть, наоборот — это парадоксальная попытка напомнить Лее о долге верности перед ним и перед Сарой:

”Леинька, ведь ты там. Ты сидишь на дорогом для меня камне. Скажи ей, скажи, что я ей верен...” Теперь он снова обращается к Лее: ”Леинька, отчего ты не со мною, когда сердце мое кричит, моля тебя о помощи? Когда так отчетливо видно, кто мы и что мы друг для друга, когда снова разгорается тлеющий уголек жизни”. Это письмо из всего написанного Берлом ближе всего к объяснению в любви. Мягущаяся тень Сары точно благословляла их обоих.

Но Лею и это письмо не убедило в силе его чувств. Кому как не ей была известна глубина его отчаяния после смерти Сары? Кому как не ей было знать, что вся его ”душевная энергия ушла на то, чтобы попытаться продержаться?”. ”Без душевной полноты для меня нет жизни”, — написала Лея Берлу. Ее не устраивала рутина семейной жизни, не основанной на глубоком чувстве. ”Продолжать такую жизнь -- значит терять достоинство в собственных глазах, значит подрезать себе крылья”. Она любит Берла, как всегда любила, но у нее довольно внутренней силы, чтобы порвать с ним: ”Бывают дни, когда я чувствую изнеможение — я отдала свою судьбу на волю случая и на твою волю. А иногда во мне подымается человеческий дух, и я даже теперь, в мои годы, после этих семнадцати—восемнадцати лет готова на все. И если сердца наши не будут биться в унисон, как когда-то написала тебе С. [Сара], то хватит с нас. Так, видно, суждено нам, что ты мне сердца не отдашь. Я еще не погибла. Я еще не научилась склонять голову и жить... как все приличные люди”.

Но видно, Берлу все же удалось убедить Лею, что он по-настоящему любит ее, а может у нее просто не было сил порвать с ним, несмотря на все тайные сомнения. Еще несколько раз она пробовала вернуться в Киннерет и иногда, во время командировок Берла (в 1919—1921 годах он трижды ездил за границу) она снова складывала свои немудреные пожитки и пыталась зажить жизнью, которую вела до того, как Берл стал общественным деятелем.

Разуверившись в возможности обосноваться в Киннерете, откуда в те годы ушло почти все старое ядро, состоявшее из товарищей Леи по Второй алии, она попыталась поселиться в Эйн-Хароде. Лея с фанатичным упорством старалась сохранить независимость, боясь превратиться в невзрачную тень своего знаменитого друга.

Как истая революционерка, она не допускала и мысли о том, чтобы официально оформить свои отношения с Берлом. Отрицательное отношение Леи к институту брака и всему связанному с ним, а не позиция Берла, послужили причиной того, что они так и не стали мужем и женой. Даже светская свадьба, вроде той, что устраивали их товарищи Рахел Янаит и Ицхак Бен-Цви, по мнению Леи, не могла символизировать их глубокой семейной связи. Лея долго колебалась, и потому их переход к постоянной семейной жизни был длительным процессом.

Лишь через два года после смерти Сары осмелился Берл придать их отношениям легкий отпечаток официальности. Когда понадобилось выдавать Лее членский билет Гистадрута, он, заполняя анкету, указал в графе "семейное положение", что она замужем за Берлом Кацнельсоном. В результате в ее членском билете было проставлено имя "Лея Мирон-Кацнельсон", за что Берл счел нужным извиниться перед нею. "Пожалуйста, не ругай меня из-за того, что они так переделали твою фамилию. Я написал только одно слово (то самое, которое у нас не в ходу), а они на основании этого прислали мне билет, оформленный на такую фамилию". Берлу было около тридцати пяти, а Лее — около тридцати четырех, когда они наконец смирились со своей судьбой и зажили семейной жизнью.

Их юношеская влюбленность давно растаяла, уступив место подлинной близости, где с его стороны была полнейшая откровенность, а с ее — глубокое, трезвое понимание, безо всяких иллюзий. Их связывало чувство общей судьбы, зависимости друг от

друга, которую не дано разорвать. Берл не мог жить без Леи и сознавал это. Но мог ли он надолго удовлетвориться такой заменой любви?

В пору революции 1919—1921

После провозглашения Декларации Бальфура и захвата Палестины англичанами сионизм перестал быть возвышенным идеалом горстки мечтателей и сделался признанным национально-освободительным движением с четкими целями и значительными шансами на их осуществление. Декларацию Бальфура воспринимали как заявление правительства Великобритании о намерении создать в Палестине, по истечении краткого переходного периода, еврейское правительство или, по меньшей мере, подготовить политические условия для массовой еврейской иммиграции и всестороннего развития страны, что в течение нескольких лет должно привести к образованию в Палестине еврейского большинства.

В таких оптимистических тонах толковали Декларацию Бальфура не одни лишь "наивные" энтузиасты-халуцим, но и люди, принадлежавшие к "большому миру", руководители сионистского движения Соединенных Штатов Америки во главе с верховным судьей Л. Д. Брандайсом. В Восточной Европе многие понимали Декларацию Бальфура как решение о немедленном формировании еврейского правительства в Палестине. Многие представители восточноевропейского еврейства приехали на первый послевоенный сионистский конгресс со списками министров будущего правительства в кармане.

В такой обстановке вполне естественным было заключение о том, что сионистское движение уже

достигло осуществления своих политических целей и теперь должно перейти к непосредственному строительству страны — созданию человеческого, экономического и культурного фундамента еврейского государства, час основания которого уже недалек.

Такой подход был характерен для руководства партии Ахдут ха-авода, в том числе и для Берла. Они считали, что их партии следует сконцентрироваться на экономических, социальных и культурных аспектах строительства Эрец, оставив "политику" на долю празднующихся заседателей различных комитетов и фондов, которые полагают, будто государство можно построить резолюциями и высокопарной болтовней.

Вскоре, однако, наступило разочарование в британских властях. До июля 1920 года Палестиной управляла военная администрация, носившая антисионистский, а по некоторым утверждениям, и антиеврейский характер. Английское офицерство, воспитанное в духе каирского панарабизма, считало Декларацию Бальфура исторической ошибкой лондонских политиканов, не понимающих ближневосточной реальности, а потому стремилось добиться пересмотра Декларации, доказывая на деле несостоятельность политики правительства. Тогдашнее юридическое положение дало в руки генерала Алленби и его единомышленников мощный антисионистский рычаг: под видом сохранения статус-кво, предписанного оккупационным властям, они с успехом сдерживали проведение сионистских мероприятий и поощряли националистические склонности палестинских арабов. Английские оккупационные власти изо всех сил укрепляли позиции Фейсала, сына шерифа Мекки Хуссейна, которого Лоуренс Аравийский избрал в будущем правители арабов Сирии и Палестины. Эта политика выражалась в тысяче мелочей, начиная с непризнания иврита одним из официальных языков Палестины и кончая отказом от опубликования на Ближнем Востоке Декларации Бальфура.

Отсутствие взаимопонимания между оккупационными властями и еврейским ишувом в немалой степени обуславливалось резкими различиями в ментальности двух этих групп. Палестинское еврейство возлагало на английских завоевателей грандиозные надежды и старался сблизиться с ними, а англичане взирали на странных "туземцев" с подозрительностью и чувством пренебрежительной брезгливости. Подобных подданных они еще не встречали на просторах Британской империи: эти самонадеянные евреи рвались к немедленному самоуправлению, беспрерывно лезли со своими советами и вообще выставляли требования, выходящие за все мыслимые рамки, приличествующие подданным Его Королевского Величества.

В Верхней Галилее, которая фактически являлась ничейной полосой между французской оккупационной зоной в Сирии и британской оккупационной зоной в Палестине, на протяжении зимы 5680 (1920) года имели место неоднократные нападения неорганизованных арабских банд на еврейские поселения Метулла, Тель-Хай, Кфар-Гилади и Аелет ха-Шахар. Эти вылазки достигли апогея в налете на Тель-Хай 11 адара (1 марта) 1920 г., во время которого были убиты Трумпельдор и несколько его товарищей. Но трагедия Тель-Хая не поколебала доверия евреев к английским оккупационным властям. Наоборот, положение на севере было воспринято как оправдание расширения сферы действия Британского мандата и включения в нее района "Эцба ха-Галил" ("Галилейского пальца" — самой северной части Галилеи) вплоть до истоков Иордана. Но уже месяц спустя положение вдруг изменилось до неузнаваемости.

Во время мусульманского праздника Неби-Муса (месяц нисан 5680 года) арабские толпы напали на евреев Иерусалима. Английская военная администрация, не разбирая правого и виноватого, вынесла одинаковый приговор и арабским погромщикам и участникам еврейской самообороны. Евреи, защищав-

шие себя и своих близких с оружием в руках, были арестованы вместе с напавшими на них арабскими насильниками и убийцами. Владимир Жаботинский был заключен в крепость Акко за организацию еврейской обороны в Иерусалиме. Осуждая его, британские судьи не приняли во внимание ни обстоятельства дела, ни прошлых заслуг организатора Еврейского легиона.

Эти события пробудили в Берле старые инстинкты бунтаря, восстающего против злодеяний царской власти в России. Берла не удивило поведение английской военной администрации: в черте оседлости евреи привыкли ждать от властей одних только бед. Арабское нападение Берл воспринимал как погром, а действия военных властей, устроенный ими абсурдный судебный процесс и прекращение еврейской иммиграции Берл называл государственным погромом по образцу царского, который в элегантной, спокойной и ехидной форме продолжает дело уличных громил.

Такая реакция Берла проистекала не из знания о намерениях генерала Алленби отдать Палестину Фейсалю, не из понимания стратегических соображений Великобритании на Ближнем Востоке, а из исконной подозрительности, коренящейся в спонтанной враждебности к чужаку, гою, владыке, будь он русским, англичанином или арабом, той подозрительности и враждебности, которая была для Берла и его товарищей естественна как звук идишской речи, как страница Талмуда, которую зазубривали они в детстве. Описывая похороны жертв иерусалимских событий, похороны "жертв Британской империи", в которых евреям было запрещено участвовать, Берл не может удержаться от горестного замечания: "Лишь православное семейство стояло на парапете и с ненавистью глядело на процессию". Чины английской военной администрации вызывали у Берла воспоминания об Амалеке и Адриане.

Но если в отношении восприятия происходящего чувства Берла вытекали из векового еврейского

страдания, то его практическая реакция на события была продиктована бунтарским духом его поколения, поколения первой русской революции и еврейской самообороны, не принимавшего приговор властей с привычной покорностью. Разочарование в англичанах не привело людей этого поколения к отчаянию, но побудило их вернуться к самостоятельной работе, как понимала ее Вторая алия, то есть к внутренней организации, к опоре на собственные силы — к тому, что казалось излишним в золотую пору добровольческого движения.

После конференции в Сан-Ремо военная администрация в Палестине была заменена гражданской, а Герберт Сэмюэл, еврей и сионист, был назначен первым верховным комиссаром Иудеи. Ишув охватило ликование. Сэмюэла уподобляли знаменитому Нехемии, наместнику персидского царя, возобновившему еврейское население Эрец-Исраэль в период Второго храма. Берл не разделял этой бурной радости и держался согласно поговорке "поживем — увидим".

1 мая 1921 года в Яффе вспыхнули беспорядки. Первые стычки произошли между арабами и евреями, участвовавшими в первомайской демонстрации в Неве-Шалом. На этот раз арабское нападение носило массовый характер — и на яффских улицах, в районе "Дома олим", и в пограничных районах между Яффой и Тель-Авивом осталось много убитых. Беспорядки перекинулись на Петах-Тикву и Хадеру. На второй день беспорядков в одиноком домике, стоявшем в одном из предместий Яффы, был убит Иосеф Хаим Бреннер. Берл терзался чувством вины за то, что не сумел спасти от смерти этого большого писателя. Сходные чувства испытывали все друзья Бреннера, его соратники по Второй алии, но Берл был к нему ближе остальных. Еще со времен Эйн-Ганим он чувствовал себя отчасти опекуном своего друга. Теперь, как после смерти отца, как после смерти Сары, Берла мучили угрызения совести.

Но личные переживания, вызванные гибелью Бреннера, не помешали Берлу свести счеты с администрацией Сэмюэла. 3 мая Сэмюэл выступил с речью, долженствовавшей утихомирить страсти, успокоить опасения арабов и тем самым гарантировать мир и спокойствие, жизненно необходимые для строительства еврейского национального очага. С этой целью Сэмюэл объявил о приостановке еврейской иммиграции — до тех пор, пока проблема не будет изучена и британское правительство не определит своей политики в этом вопросе.

Как уже говорилось, отношение Берла к военной администрации являлось прямым следствием его отношения к нееврейскому миру вообще, к Сэмюэлу же он относился как к еврею-отступнику. Берл не критиковал политику правительства Великобритании — в конце концов он не ждал от него ничего хорошего, а потому и не испытывал разочарования. Но он произнес суровый, однозначный и бесповоротный приговор еврею, у которого (по мнению Берла) не хватило смелости выступить в защиту невинно погибающих евреев. Берл полностью игнорировал сложность политической обстановки, весь узел национальных и международных противоречий, связанных с палестинской проблемой, которые побудили Сэмюэла, искушенного в хитросплетениях британской политической жизни, занять именно такую позицию. Для Берла Сэмюэл был типом старого еврея, который угодничает перед гоями.

Как бы то ни было, политическую деятельность в сфере отношений между ишувом и мандатными властями Берл не считал в тот период особо важной. Ахдут ха-авода оставляла эту область на попечение специальных представителей Всемирной сионистской организации и Национального Комитета, где партию представлял Ицхак Бен-Цви. Возможно, такая позиция объяснялась тем фактом, что Ахдут ха-авода еще не обладала достаточной силой, чтобы действовать на политической арене. Берл по этому поводу не

огорчался. По его мнению, важнейшая работа состояла тогда в организации и сплочении еврейского рабочего движения в Эрец. Но вместо того, чтобы заниматься этим делом, Берл в те годы часто ездил за границу и общался с еврейством разных стран.

В конце сентября 1919 года Берл впервые был послан за границу, в Стокгольм, как руководитель делегации Ахдут ха-авода (в которую входили еще двое его товарищей по партии — Эфраим Блох-Блуменфелд и Исраэль Шохат) на съезд Поалей Цион в Стокгольме и сессию Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации в Лондоне. Это было вскоре после смерти Сары, и Берл-человек был целиком погружен в траур, но Берл — общественный деятель излучал энергию и активность. Ему казалось, что сионистское движение просто ожидает, чтобы ведущую роль в нем заняли рабочие. Если все молодое поколение сионистов сплотится, если его поддержит союз Поалей Цион, писал Берл, то можно будет занять важнейшие позиции в сионистском движении: "Полное руководство в Керен каемет, влиятельное положение в главных поселенческих организациях, в культурной и другой работе".

Итак, у Берла создалось ощущение, что настало время перемен. Но при более внимательном взгляде Берл понял, что будущие завоеватели еще не готовы, а кандидаты в побежденные не сдадутся без боя. Сионистское движение, каким предстало оно перед Берлом на сессии Исполнительного комитета ВСО в Лондоне, показалось ему беспомощным, угасшим, не понимающим потребностей времени. Лидеры сионизма казались ему группой функционеров, превративших Всемирную сионистскую организацию "в машину по добыванию и расходованию денег". В его глазах они были мелкими людишками, не понимающими исторической, роковой важности момента, не умеющими позвать за собой ни отдельных людей, ни тем более — массы. В то же время еврейский мир переживает процесс распада: русское еврейство оторвано от

национального организма, учреждения его развалились, оно подвергается атомизации. В Восточной Европе — Польше, Австрии, Германии — один кризис сменяется другим, в результате войны, революций, экономического спада еврейские учреждения крайне ослаблены.

А в Правлении Всемирной сионистской организации тем временем все цепляются за свои кресла и не дают проявиться изменениям, произошедшим в еврейском народе. "Вожди сионизма — это старики-профессионалы, оторванные от молодого поколения, не способные удовлетворить обуревающую его жажду деятельности или привлечь его к участию в творческой работе сионизма", — писал Берл.

Берлу было уже тридцать два года, и его глубоко оскорбляло отношение к нему почтенных сионистских лидеров. "Не поможет тебе ни логика, ни разумение — и пока не состаришься, не станешь таким, как они, нет у тебя никаких шансов пробиться". Сомнительно, чтобы для таких утверждений были объективные основания. В то время ведущие деятели сионизма действительно были старше Берла, но до старости им было еще далеко. Сионистское движение не изобиловало интеллектуальными талантами, но в Правлении выделялось несколько крупных личностей — Шмарьяху Левин, Менахем Усышкин, Артур Руппин и, разумеется, сам Вейцман. Жалобы Берла отражают разочарование молодого, фанатически уверенного в правильности своего пути человека, который столкнулся с другим мировоззрением, с людьми противоположных взглядов и, оказавшись в меньшинстве, потерпел поражение.

Несколько месяцев спустя, в июле 1920 года, в Лондоне состоялась ежегодная сионистская конференция — первая после войны. Она носила характер сионистского конгресса в миниатюре. В ней участвовали не только старые члены Исполнительного комитета, но и представители сионистских организаций разных стран, среди которых было много молодежи, жадной до новых идей, готовой к кардинальным

переменам.

На этот раз Ахдут ха-авода послала на съезд внушительную делегацию: Табенкин, Бен-Гурион и Берл, к которым присоединились представители Поалей Цион из Англии. Делегации этой, насколько можно судить, не удалось оставить заметного отпечатка на работе конференции. Однако на Берла конференция произвела сильное впечатление. Видимо, гнев, чувства унижения и беспомощности человека, остающегося на обочине исторических событий, соединились воедино в душе Берла.

Рассказывая о конференции, он ведет себя, как саркастический, острый на язык журналист. В письме к товарищам, оставшимся в Эрец, Берл описывает зал, где происходила конференция, его обширную сцену и добавляет: "Зрелище было весьма занимательное — сцена, забитая джентльменами в крахмальных манишках. Во всей красе восседали здесь политические мумии прошлого века. И чем более высокое положение занимали эти вельможи, тем более застывшие лица были у них". Действительно, немало смешного было в блеске высокого собрания. Введенная когда-то Герцлем на сионистских конгрессах парадная одежда, торжественный церемониал остались единственным напоминанием о величии почившего вождя. И все же от констатации этого факта до беспощадной саркастичности Берла расстояние большое. Насмешливо-горький тон Берла отражает чувства человека, впервые вступившего в парламентский мир Всемирной сионистской организации, попавшего из райских "кущей" палестинской жизни, где он чувствовал себя ведущей силой, в атмосферу отеческого подтрунивания вождей сионизма, которые относятся к нему с симпатией, даже с уважением — как взрослые к вундеркинду, не понимающему жизни.

Как и прошлым летом 1919 года на сессии Исполкома ВСО, Берлу становилось все более тягостно по мере того, как работа конференции подвигалась к

концу. Вейцман в своей речи резко критиковал поведение палестинского ишува, его претензии и требования, его отрицательное отношение к Совету делегатов, являющемуся полномочным представителем Всемирной сионистской организации в стране и т. д. и т. п. Бен-Гурион в ответной речи обрушился на Совет делегатов и политику правления ВСО по отношению к народному собранию, еврейским батальонам, демобилизации их солдат, а также освобождению арестованных участников самообороны во главе с Жаботинским.

Вейцман не остался в долгу и поспешил ответить на обвинения Бен-Гуриона, которые, видимо, произвели впечатление на аудиторию. Вейцман, великолепный полемист и опытный оратор, еще окруженный ореолом Деклараций Бальфура и Сан-Ремо, без труда сумел отразить нападение Бен-Гуриона, отчитывая его с тем же отеческим добродушием, которое так бесило Берла. Услышав изречение Вейцмана о том, что ишув не отличает возвышенного от смешного, Берл закипел — только тот, кто чувствует справедливость такого упрека, мог столь остро реагировать на него. Берла страшно оскорбляло небрежное отношение Вейцмана к беспредельной серьезности делегатов ишува. Берл и его товарищи придавали огромное значение своим планам и своей критике в адрес ВСО, считая, что лишь приняв их точку зрения по различным вопросам сионистское движение сможет стать подлинно народным. А Вейцман и его сторонники относились к ним, как к представителям еще одной группировки из множества течений, входящих в состав Всемирной сионистской организации.

Главным предметом разногласий между группой Берла и большинством ВСО был вопрос о роли частного и национального капитала в строительстве Эрец. Рабочее движение внесло резолюцию, согласно которой "приобретение земли в Эрец-Исраэль сосредоточивается исключительно в руках Керен каемет ле-Исраэль с тем, чтобы земля являлась вечной

собственностью еврейского народа". Эта формулировка означала запрет приобретения земель для частного еврейского капитала. Кроме того, финансы Всемирной сионистской организации должны были расходоваться не на кредитование лиц, покупающих землю в частное владение, а только на приобретение национальных земель и создание на них сельскохозяйственных поселений.

За этими требованиями стояла принципиальная концепция Берла и его товарищей о том, что Эрец следует устроить именно на основе национального капитала, так как частный капитал, по самой своей природе стремящийся к прибыли, быстро отдалится от нужд Эрец-Исраэль или включится в строительство хозяйств, которые перейдут в руки арабов и не станут основой развития Эрец с помощью еврейских рабочих. Поэтому они полагали, что сионистское движение должно направить свои ресурсы на создание поселений, расположенных на национализированных землях. Цель этих мероприятий — осуществление социалистических идеалов с помощью Всемирной сионистской организации.

Лондонская конференция отклонила требования представителей рабочих Эрец-Исраэль. И в самом деле, трудно было предположить, что Всемирная сионистская организация могла запретить евреям приобретать земли в Палестине. Но Берл и его товарищи, для которых такое постановление означало не только возможность строительства социалистического общества, но и самый прямой путь расселения в Эрец еврейских масс, видели в провале своего предложения не только собственное тяжелое поражение, но и несомненное свидетельство близорукости ВСО.

Так закончилась первая из целой серии схваток, в которых Берл пытался заставить Всемирную сионистскую организацию принять национально-социалистическую концепцию рабочих по вопросу о роли национального капитала в процессе заселения и развития

Эрец-Исраэль. Поражение в этой схватке побудило Берла резко критиковать парламентарную систему ВСО: Берл и прежде не был приверженцем этой системы, а все увиденное им в Лондоне и подавно отвратило его от нее.

У Берла не хватило терпения, чтобы "играть в демократию". Ведь демократические игры приносят слабому, не имеющему влияния, вечное разочарование — а именно таково было положение Берла. Он столкнулся с людьми, которые огулом отвергли его требования, и он не мог воздействовать на них никакими логическими доводами. "Не подходим мы для этой роли", — писал Берл Лее и, должно быть, для любимца рабочих страны чувство это было очень горьким.

Критика господствовавшей на конференции "формальной демократии" сочеталась с широкой критикой Всемирной сионистской организации. В ней были представлены течения и партии стран диаспоры, и участники конференции отражали интересы своих избирателей в гораздо большей степени, чем интересы Эрец-Исраэль. Проблемы ишува были им чужды, и они решали исторические судьбы Эрец-Исраэль с позиций наивного дилетантизма. Само собой разумеется, что когда людям, которые весьма относительно разбирались в конкретных вопросах, приходится выбирать между проектом резолюции, внесенным никому не известными делегатами (да к тому же еще подозреваемыми в большевизме), и проектом резолюции, разработанной почитаемым Правлением, — они проголосуют за второй. Берлу казалось, будто участники конференции беспрекословно подчиняются диктату одержимых личными амбициями руководителей ВСО, которые, не ведая, что творят, решали за закрытыми дверями вопросы первостепенного исторического значения. Берла одолевало отчаяние человека, оставшегося в стороне, не посвященного в тайны происходящего.

Когда выяснилось, что Всемирная сионистская

организация не готова полностью перейти на их точку зрения, Берл и его товарищи отступили, выдвинув более скромные требования: закрепление земель за Керен каемет ле-Исразль за рабочими поселениями и обеспечение им финансовой поддержки. В результате предложение о помощи поселенческому движению неимущих рабочих было принято Всемирной сионистской организацией и стало одной из основ ее деятельности. По инициативе Артура Руппина было решено создать рабочий банк, целью которого будет способствовать деятельности разного рода кооперативных рабочих объединений. Финансировать банк должна была в первую очередь Всемирная сионистская организация.

Рабочие группы находились в почти полной зависимости от ВСО, но этот факт не помешал Берлу рьяно отстаивать независимость рабочего движения от опеки финансирующей организации. Эта его позиция нашла свое выражение и в вопросе о рабочем банке: ВСО будет финансировать его, но решающий голос в решении банковских дел должен остаться за представителями рабочих.

Двойственность, существовавшая в тот период в отношениях между Эрец-Исразль и Всемирной сионистской организацией — зависимость первой от второй и ее стремление к независимости, — прослеживается и в отношениях между бунтарским, нетерпеливым рабочим движением и буржуазно-обстоятельным, неторопливым по характеру Правлением ВСО. Слабость делегации рабочих Эрец на Лондонской конференции отражала скромное положение всего палестинского ишува в могучем мировом сионистском движении, переживавшим после Декларации Сан-Ремо эпоху своего расцвета. И подобно тому, как ишув, взбунтовавшись против Комитета представителей, в организованном порядке отказался подчиниться диктату руководства ВСО, так и на конференции Берл и его товарищи упорно отстаивали автономию своего движения, его право самостоятельно решать внутрен-

ние дела и представлять интересы рабочих страны в других инстанциях. На данном этапе им удалось добиться от Всемирной сионистской организации признания авторитета организованного рабочего движения Эрец-Исраэль и отделить получение финансовой поддержки от традиционно связанного с ней диктата.

Несмотря на свою слабость, Берл и его друзья сумели добиться того, чтобы их признали представителями отдельной, вполне самостоятельной группировки — буржуазные круги ищуща такого признания никогда не удостаивались, да и не знали, как бороться за него.

Многие товарищи Берла по Союзу Поалей Цион подумывали о выходе из Всемирной сионистской организации. Но у Берла не было никаких сомнений относительно того, что место рабочего движения — в рядах ВСО. Это было верно и по принципиальным соображениям, ради обеспечения национального единства и продвижения дела, начатого Герцлем, и с практической точки зрения — без поддержки мирового сионистского движения, выразителем взглядов которого была ВСО, невозможна была поселенческая работа в Эрец. Берл возмущался близорукостью руководства ВСО, его неспособностью осознать практические задачи момента, — но возмущался не как противник, собирающийся изменить правила игры, а как оппозиционер, претендующий на захват власти.

Берл надеялся, что облик Всемирной сионистской организации изменится, когда более смелые лидеры молодого поколения завоюют себе место в ее верхушке. А для того, чтобы такая перемена осуществилась, необходимо было не только в Эрец, но и в диаспоре создать широкое сионистское рабочее движение, которое сможет оказывать воздействие на ВСО и даже овладеть ее руководством. К величайшему сожалению Берла в тот период сионистское рабочее движение в странах рассеяния было исключительно слабым, стояло на пороге краха.

Важнейшим событием, повлиявшим на мировое

рабочее движение, была большевистская революция. Попытка большевиков осуществить идею создания нового, справедливого и равноправного общества, формирования более гуманного человека увлекла все народы мира, разбив прежние идеалы верности родине и нации. Еврейство отнюдь не было тут исключением.

Евреи, затаив дыхание, следили за происходящим в России. Ведь значительное большинство их, в конце концов, родилось в России. Это была страна, где они и их отцы испытали на себе тяжелую руку царя, страдали от дискриминации, преследований и унижений. Евреи были глубоко привязаны к своей жестокой и враждебной родине, вышвырнувшей их из своих пределов, они испытывали ностальгическую любовь к широкому и открытому русскому характеру, к страдающему русскому народу, угнетенному и примиряющемуся со своей судьбой. Русская культура, на которой были воспитаны все образованные люди черты оседлости, завоевала прочное место в их сердцах и они так никогда и не сумели освободиться от нее.

Евреи видели в русской революции избавление от царского рабства. Она уравнила евреев в правах со всеми другими народами государства, и они ответили ей за это со всем пылом отверженного, который вдруг почувствовал себя любимым. Горячий порыв, рожденный сознанием единства с великим русским народом, возможностью вместе с ним развивать Россию, участвовать в строительстве нового мира, пересилил традиционную приверженность евреев к отцовскому наследию, которое теперь было задвинуто в дальний уголок сердца, а порой им самим казалось, что этой приверженности вообще не существует и существовать не должно.

Настал период отхода еврейских партий от национальных ценностей, сначала добровольный, а потом — под давлением большевиков. Сионистско-социалистические партии, вроде Поалей Цион, первыми отклик-

нулись на новые веяния, где заманчивость принадлежности к великому народу смешивалась со страхом наказаний за отчуждение. Процессы эти происходили не только в тех еврейских партиях, которые оказались на территориях, подвластных большевикам, но и в других странах, в строе которых принуждению не было места. Здесь разваливались еврейские общины, замирала еврейская жизнь и массы сломленных людей становились добычей голода и нужды.

На расстоянии все это казалось необходимой жертвой ради создания нового общества, в котором евреи найдут свое место. Вера в то, что нынешние лишения прокладывают дорогу к счастливому будущему, порождала черствость к страданиям евреев Советского Союза. Ослепленная сиянием занимающейся зари, социалистическая еврейская интеллигенция устремилась в завтрашний день, оставляя на обочине светлого пути чувство принадлежности к своему многострадальному народу.

В Эрец-Исраэль большевистская революция тоже произвела глубокое впечатление. Ощущался острый голод по известиям "оттуда", и голод этот лишь отчасти был утолен после вступления в Палестину англичан. Страхи за семью и родное местечко переплетались с грандиозными надеждами, порожденными революцией. Ко всему этому присоединялось недоверие к сообщениям буржуазных газет. Доходили до Эрец и ужасные вести о погромах и жестокостях гражданской войны и положительные сообщения о мероприятиях нового режима*.

Делегация Союза Поалей Цион, прибывшая в Эрец-Исраэль из Европы в 1920 году, принесла с

* В письме брату, находившемуся в Соединенных Штатах, Берл разъясняет, что Ахдут ха-авода — это "нечто вроде палестинского совета рабочих и солдат", но тут же прибавляет: "это — мирное и творческое движение", из чего следует, что советы в России представляют собой, в его понимании, обратное явление. (Прим. автора)

собой веяния революции. Один из ее членов даже публично выражал надежду на то, что с Кавказа придут в Эрец красные полки и принесут на своих крыльях революцию. В среде рабочих страны к русской революции относились с огромным энтузиазмом.

Критика, если она и раздавалась подчас, была направлена, главным образом, в адрес социалистических еврейских партий (особенно Поалей Цион), которые поспешно переметнулись на сторону победителя, бросив в кусты старый багаж еврейских традиций.

Берл со смешанным чувством следил за происходящим. Он всей душой ощущал историческое значение могучей революции. Уничтожение деспотического режима, демократизация общества, грандиозные реформы: раздел земель, правовое равноправие женщин и молодежи, а также национальных меньшинств, революционная простота — все это казалось ему осуществлением мечты его юности. Но, с другой стороны, от острого взгляда Берла не укрылся насильственный, кровавый характер победившей революции.

Преклоняясь перед духовным величием русской литературы, Берл еще острее чувствовал колоссальное расстояние между русским народом, самым униженным из всех народов мира, не знавшим ничего иного, кроме рабского ярма и сжившимся с ним, — и выросшей на его почве литературой. Две фигуры олицетворяли в глазах Берла двойственность, изначально заложенную в русской революции, — Герцен, социалистическое мировоззрение которого было насквозь пропитано традициями гуманизма, ощущением высочайшей ценности отдельного человека, — и Нечаев, нигилист, разрушающий мир, чтобы построить его заново, верящий в то, что цель оправдывает любые средства, не замечающий людей и их страданий, видящий перед собой лишь чистую идею. И потому рядом со светлыми сторонами революции Берл различал в ее круговороте жуткие, мрачные картины.

В 1919 году, во время гражданской войны в России, Берл написал и даже опубликовал, правда, без подписи, заметки, где обнаруживается его отношение к России, русской литературе и русской революции.

”Ежели счастье мира будет достигнуто ценою слез одного ребеночка — я отказываюсь и от мира и от счастья, я возвращаю Творцу входной билет”, — так говорила Россия устами Ивана Карамазова.

”Так какой же дорогой идешь ты, Россия, далекая и близкая, с руками, запятнанными кровью?” — спрашивает Берл.

”Если мы бы когда-нибудь достигли высшей степени совершенства и счастья, я попросил бы у Провидения отчета о каждой невинно загубленной душе. И коли ответа не последует, я лучше откажусь от совершенства и раскрою себе череп”, — такой ответ слышим мы от Виссариона Белинского. — Так какой же дорогой идешь ты, Россия, измученная и усталая? Кто поймет тебя? Что таится в тебе — детская чистота Раскольниковова или скверна Смердякова? Родина, далекая и близкая, чуждая и дорогая сердцу...”

Моральные мерки, которыми мерил Берл русскую революцию, исходили из его принципиального убеждения в том, что социализм — это путь освобождения человека и потому нельзя видеть в нем некую особую ценность, он лишь средство для возвышения человека. Революция, влекущая за собой девальвацию человеческой личности, принижение человека, — неспособна создать и воспитать такой человеческий тип, который построит социалистическое общество. И потому зло — террор — не может служить средством для достижения блага — социализма. Поэтому Берл никогда не поддавался очарованию большевизма, даже в тот период, когда близкие ему люди, руководители Ахдут ха-авода (Бен-Гурион и в еще большей степени Табенкин), восторгались отвагой и решительностью русской революции, ее мощью и размахом. Берл признавал достижения большевиков — но не

считал эти достижения оправданием утраты образа человеческого. Он никогда не принимал принципа "Лес рубят — щепки летят", хотя товарищи Берла и одобряли его.

Лучше, чем его соратники по партии, понимал Берл и душу национального движения. Пожалуй, исключительность Берла заключалась в том, что он сразу понял значение чрезмерного увлечения международным коммунизмом, охватившего значительную часть национально настроенной еврейской интеллигенции и особенно — еврейскую молодежь. Всякий молодой человек, избравший коммунизм и с беззаветной верностью и самоотверженностью посвятивший жизнь его торжеству, — это потеря для сионистского движения. Та самая молодежь, которая, стремясь исправить мир и добиться всеобщего освобождения, уходила строить социализм в России или вступала в Коминтерн, являлась идеальным человеческим материалом для строительства нового социалистического еврейского общества в Эрец-Исраэль. Лучшую часть еврейской молодежи, ушедшую в коммунизм, и те ее отряды, которые встали на путь сионизма, отличали одни и те же черты: идеализм, готовность к любым тяготам и самопожертвованию ради общего дела ("призыв к жертве" — по выражению Берла). В этом причины ревнивого отношения и чувства соперничества, которое испытывал Берл к коммунистическому миру.

Ареной, на которой разгорелась в тот период основная борьба между социалистическим сионизмом и коммунизмом, было еврейское рабочее движение. Как мы помним, Ахдут ха-авода с самого момента возникновения должна была присоединиться ко всемирному Союзу Поалей Цион, заняв там место своей предшественницы, партии Поалей Цион. Правда, это решение вытекало не столько из признания Берлом и его товарищами важности Союза, сколько из их желания успокоить бывших членов Поалей Цион,

вступивших в Ахдут ха-авода, таких, например, как Бен-Цви, Блуменфелд и Шохат.

Ни Берл, ни Табенкин не возлагали особых надежд на еврейские партии стран диаспоры. Они измеряли их важность тем, насколько ценны эти партии для Эрец — способны ли они мобилизовать молодежь и денежные средства для заселения Палестины. В 1919 году казалось, что можно организовать еврейскую молодежь для алии и вне существующих партийных рамок — с помощью общества хе-Халуц, созданного в России, и подобных ему групп в восточноевропейских странах. А потому Союзу Поалей Цион не стоило придавать большого значения. Однако Союз этот был самой крупной сионистско-социалистической организацией в мире и если бы удалось использовать его аппарат, финансы и средства информации в деле строительства Эрец, это было бы важным достижением.

Летом 1919 года в Стокгольме происходила первая после мировой войны встреча представителей Союза Поалей Цион. Она проводилась как серия консультаций, растянувшихся на целых три месяца, причем делегаты разных стран прибывали и отбывали не вместе, а поочередно. Берл чувствовал себя на этой встрече нежеланным гостем. Его товарищи по делегации Эфраим Блуменфелд и Исраэль Шохат были в прошлом членами Поалей Цион и если даже не соглашались во всем с участниками Союза, то их терминология и образ мысли все же оставались близкими. Да и с присутствовавшими на встрече Шохат и Блуменфелд были знакомы лично. Берл же был посторонний. Он никогда не разделял бороховских концепций. Рассуждения Борохова и его последователей о "мелкобуржуазной" квуче и их философские упражнения по поводу прибавочной стоимости вызывали у Берла возмущение и насмешку.

После длительных споров Ахдут ха-авода была все же принята в Союз, но с оговорками: у польских членов Союза вызывала подозрения программа Ахдут

ха-авода, в которой отсутствовали марксистские прогнозы. Кроме того, представители Ахдут ха-авода высоко подняли знамя иврита, чем резко выделялись среди массы говорящих на идиш делегатов стокгольмской встречи. На них, как и на всех рабочих страны, висело подозрение в фанатичной приверженности ивриту и гонениям на идиш — а посему им пришлось спокойствия ради отказаться от крайней позиции по этому вопросу.

Берл чувствовал себя чужаком в среде участников стокгольмской конференции не только потому, что он был там человеком со стороны и каждый желал понять, чем он дышит, но главным образом из-за того, что он совершенно иначе оценивал реальные процессы еврейской жизни. Воспитанный в духе идей Второй алии, Берл смотрел на все через призму практической работы в Эрец-Исраэль. Веря в то, что существует один-единственный выход из всех бед еврейства, Берл отодвигал на задний план все другие вопросы, которые стояли перед еврейским народом и могли отвлечь его от решения главной задачи. Берл подходил к любому явлению, любой возникавшей проблеме с одной меркой: полезности для дела еврейского рабочего поселенчества в Эрец.

Не только сам Берл ощущал себя посторонним в Стокгольме — аналогичное чувство испытывала, глядя на него, и другая сторона. Члены Союза Поалей Цион считали, что Берл и подобные ему люди целиком сконцентрированы на самих себе, что они создают в Эрец новое племя, которое постепенно отдаляется от еврейства диаспоры. Люди, собравшиеся в Стокгольме, были глухи к обаянию Берла, он так и не нашел для себя места среди них.

Из этой встречи с руководством Союза Поалей Цион Берл сделал два главных вывода. Несмотря на свою слабость, Союз может сплотить вокруг себя тех еврейских рабочих, которые пока еще вообще не организованы, и направить их силы в русло работы на благо Эрец-Исраэль. Однако для этого Союз должен

пережить процесс обновления, сблизиться с недогматическими халуцианско-социалистическими течениями типа Цеирей Цион — массовой организации восточно-европейской еврейской молодежи, часть которой склонялась к курсу Ахдут ха-авода. Такое сближение послужило бы противовесом левацким тенденциям, наметившимся среди представителей ряда стран (в первую очередь, Польши) и влило бы новую молодую кровь в сосуды порядком уже износившегося организма Союза. Этот вопрос был тесно связан с другим заключением, к которому пришел Берл в ходе консультаций, — он бесповоротно разочаровался как в аппарате Всемирной сионистской организации, так и в руководстве еврейского рабочего движения.

За праздной и вялой правящей верхушкой, проводящей время в схоластических спорах, стоят массы молодежи, стремящейся к настоящему делу, к подлинной Эрец-исраэль. Именно в этих семнадцати-восемнадцатилетних юношах и девушках, объединенных в общества хе-Халуц, Цеирей Цион и других, видел Берл надежду еврейского рабочего движения.

Стокгольмская конференция была лишь прологом к драме, разыгравшейся год спустя в Вене, на пятом Всемирном съезде Союза Поалей Цион. Если в Стокгольме радость встречи и общения, объединившая людей, прибывших из Восточной Европы, с Запада, из Эрец-Исраэль, отчасти скрадывала тяжелый урон, нанесенный Союзу Поалей Цион русской революцией, то год, прошедший между Стокгольмом и Веной, выявил, углубил и обострил внутренние противоречия. Создание III Интернационала-Коминтерна привело к расколу социалистических партий Европы на коммунистические и социалистические, на оставшихся во II Интернационале и перешедших в новый, коммунистический.

Отношение к Интернационалу было одним из тех вопросов, по которым в Вене разгорелся особенно ожесточенный спор. Самыми горячими его участниками были делегаты из России (где под воздействием

революции партия Поалей Цион успела расколоться на три новые партии), прицепившие, как и подобает представителям родины легендарной революции, красные цветки к пиджакам и рубашкам. Российские ораторы, особенно члены еврейской коммунистической партии, во главе с Александром Хасиным (который в прошлом являлся одним из руководителей партии Поалей Цион в Эрец-Исраэль), требовали принять безо всяких оговорок верховную власть Коминтерна, покинуть Сионистский конгресс и во всем положиться на революцию, которая сумеет разрешить еврейский вопрос.

Эту позицию поддерживали представители всех восточноевропейских стран. Однако Капланский внес другое предложение: Поалей Цион вступит в III Интернационал вместе с прочими революционными партиями только при условии, что Интернационал примет во внимание особый характер освободительной борьбы каждого народа и признает право мирового еврейского пролетариата на самоопределение во всех странах, а также его право создавать социалистическое еврейское общество в Палестине. За это предложение выступили представители Ахдут ха-авода, а также делегаты США и Великобритании.

Делегация Ахдут ха-авода на Венском съезде выделялась исключительно высоким уровнем участников: Бен-Гурион, Табенкин, Бен-Цви и Берл. Но тон на съезде задавали все же "русские", к которым присоединились "венцы", а потому центр тяжести был перенесен на проблему русской революции и привлечение симпатий социалистической России к еврейскому рабочему движению. Бен-Гуриона, Бен-Цви и Табенкина, которые были издавна известны в кругах Поалей Цион, слушали внимательно и с уважением. Берл же так и остался пасынком.

Еще до съезда Берл стремился к расколу Союза Поалей Цион. Он, всегда ратовавший за единство рабочих Эрец-Исраэль, стал теперь рьяным агитатором за раскол. Это понятно — он не стоял у колыбели

Союза Поалей Цион и не испытывал к нему никаких сантиментов. Берл был и остался в нем посторонним, и потому ему нетрудно было видеть всю глубину раздиравших его противоречий. Те, для кого превыше всего была мировая революция, меряли все достижения и неудачи Эрец-Исраэль одной меркой — хорошо ли это для революции.

Для Берла же и его товарищей идеологический вопрос отнюдь не являлся центральным — тут они готовы были пойти на компромисс с помощью какой-нибудь замысловатой формулировки. Для них главное заключалось в другом: на что будет направлена творческая энергия и ударная сила движения — на дело мировой революции или на строительство Эрец-Исраэль? Так что по существу дискуссия на съезде носила исключительно практический характер.

История венского раскола позволяет понять отношение Берла к проблеме единства и раскола движения. Единство — это сила, когда объединяются сходные элементы и тем самым предотвращается напрасная трата сил на разжигание мнимых противоречий. Иное дело, если единство затушевывает принципиальные разногласия и ради поддержания формального единства смиряются с бездействием и сковывают активность движения.

До тех пор, пока разношерстные группы соединены в один сборный оркестр, у Ахдут ха-авода нет никаких шансов играть в нем первую скрипку и увлечь за собой партии других стран. Поэтому Ахдут ха-авода должна стать ядром нового, более узкого союза единомышленников.

Рабочее движение диаспоры следует превратить в источник алии и денежных средств для рабочего движения Эрец-Исраэль. Ввиду этого особую важность приобретал союз с Цеирей Цион: ветераны Поалей Цион состарились и более не могли служить резервом алии. Среди них были сильные лидеры, но молодежь шла в Цеирей Цион. Поэтому, считал Берл, если Ахдут ха-авода не найдет способа объединить Цеирей

Цион и Поалей Цион, то в конце концов молодежь, халуцим, будут оторваны от союза. Это немедленно скажется на положении в Эрец: Цеирей Цион составляли основную силу алии и, если они отдалятся от Ахдут ха-авода, то подлинное рабочее движение, складывающееся в Эрец под ее руководством, потеряет молодежь и вместе с нею — свое превосходство над партией ха-Поэл ха-цаир, которая тоже боролась за души Цеирей Цион.

Обширные планы Всемирной сионистской организации не принесли почти никаких практических результатов — в первые четыре года английского мандата почти ничего не было сделано для развития Эрец-Исраэль. Берл и его друзья возлагали надежды на национальный капитал, но он не пришел к ним на помощь. Приобретение земель в крупных масштабах так и не началось. Единственным достижением ВСО была покупка земель, принадлежавших ранее арабскому семейству Сурсук. Фактически даже эти земли были приобретены наперекор стремлениям руководства Всемирной сионистской организации, исключительно благодаря усилиям Хенкина и Руппина. Правление ВСО весьма неохотно санкционировало покупку задним числом.

О разворачивании же поселенчества заговорили лишь после сионистского конгресса, состоявшегося летом 1921 года в Карлсбаде. Тогда-то и был одобрен план Шломо Левковича о создании "крупной квуцы" в районе Нурис. Кроме этого весьма запоздалого мероприятия (проведенного через два года после начала Третьей алии) национальный капитал не сделал ровно ничего для строительства Эрец. Результатом была ужасающая нужда, царившая и среди рабочих-ветеранов, и среди новых эмигрантов. Отсутствие средств являлось одной из причин того, что правление ВСО послало группе готовых к отъезду в Эрец олим распоряжение: "Не выезжайте". По этой же причине группа добровольцев из числа американ-

ских легионеров, пожелавшая остаться в Эрец и заняться сельским хозяйством, вынуждена была, не найдя ни земли, ни денег для организации поселения, вернуться в Америку.

Спасение пришло к пионерам Третьей алии с неожиданной стороны — со стороны мандатной администрации. По ее инициативе были предприняты крупномасштабные работы по прокладке магистралей в стране. На севере началось строительство шоссе Хайфа—Нацерет, продолженное затем через Цемах, Тверию и Табху до Рош-Пинны. Это строительство оказалось "университетами" рабочих Эрец, в которых окрепли организации Гдуд ха-авода, Хавурат ха-Эмек и ха-Шомер ха-Цаир.

Здесь сложилась и организационная структура подрядной конторы — высшей инстанции, ведавшей общественными работами. Сначала она управлялась Ахдут ха-авода, а затем Гистадрутом. Зарплата дорожного рабочего, конечно, не обеспечивала зажиточной жизни, но с натяжкой ее все же хватало на то, чтобы продержаться до начала поселенчества. Дорожные работы организовывались разными партиями: у Ахдут ха-авода, у ха-Шомер ха-Цаир и даже у партии Мизрахи были "собственные" шоссе. Партии получали подряд на строительные работы, и рабочие нанимались подрядными конторами, принадлежавшими каждой из этих партий. Некоторый успех был налицо, но до широкой работы по преобразованию страны было еще далеко.

Не только сами люди, но и политическая деятельность страдала от нехватки средств. Для функционирования Ахдут ха-авода необходим был хотя бы минимальный оплачиваемый аппарат. Для выпуска партийного еженедельника "Кунтрес" и ежемесячного литературного журнала "Адама" ("Земля"), который редактировал Бреннер и которым так дорожил Берл, требовались значительные средства, а их не было. Всякое расширение деятельности партии сталкивалось с денежными ограничениями: мельчайшие мероприя-

тия, например направление лекторов для разъяснительной работы к дорожным рабочим и в центры сосредоточения новых иммигрантов, были связаны, по меньшей мере, с оплатой дорожных расходов, если уж не говорить о возмещении за прогул на основной работе.

Даже посылка телеграмм за границу в особо важных случаях, как, например, в дни беспорядков 1921 года, тормозилась из-за высокой стоимости заграничных телеграмм. Сельскохозяйственный Центр, преемник бывшего беспартийного Объединения, остро нуждался в работниках. Постоянный дефицит вызывал непрерывные затруднения, и члены исполнительного комитета партии носились как угорелые с одной работы на другую, чтобы обеспечивать себя самостоятельно, без поддержки партии.

В такой обстановке Берл считал мобилизацию фондов Поалей Цион на нужды Ахдут ха-авода первостепенной задачей, от выполнения которой зависело дальнейшее существование партии. Взоры Берла обратились к руководству Поалей Цион англоязычных стран, где, как ему казалось, не ощущалось недостатка в деньгах. В этом была одна из главных причин направления Бен-Гуриона в лондонское представительство Союза Поалей Цион. Бен-Гурион еще не успел понять что к чему, а Берл уже писал ему: "Ты обязан отыскать в Лондоне скрытые рычаги — не забывай о нашей бедности".

Похоже, что источники Союза Поалей Цион были не особенно обильны. Вернувшись из своей второй европейской поездки, Берл был потрясен увиденным в Эрец: люди не могли прокормить семью; Бреннер собирался подрабатывать каким-нибудь подсобным трудом, ибо Ахдут ха-авода не могла гарантировать ему постоянного заработка; учителя, нанятые культурной комиссией, еще работали, но зарплату им не платили уже с незапамятных времен. Работники аппарата Ахдут ха-авода один за другим разбежались в поисках работы, а единственный из оставшихся

членов Исполнительного комитета Ицхак Табенкин сидел в Яффе, почти ничего не делая из-за отсутствия средств. Единственным лучом света было "шоссе", и Берл умудрялся из доходов, поступающих с него в кассу партии, поддерживать партийную печать и работу аппарата.

Тот факт, что шоссе спасало Ахдут ха-авода, имел символическое значение — он указывал на перемену, произошедшую в Эрец за время пребывания Берла на конференциях в Лондоне и Вене. Вернувшись в Эрец, Берл застал там новую обстановку: решающей силой в рабочем движении сделалась Третья алия — если не по удельному весу своих лидеров (так, пожалуй, думал Берл до конца своих дней), то, по крайней мере, в количественном отношении. Молодежь, пришедшая в Эрец из Цейрей Цион, хе-Халуц и других сионистско-социалистических групп, быстро стала решающим большинством.

В свое время Берл призывал к полному объединению рабочего движения страны до появления новой алии, с тем, чтобы перед молодежью открылся один ясный путь — путь рабочего движения Эрец-Исраэль. Но поскольку ха-Поэл ха-цаир не присоединился к Ахдут ха-авода, задача эта не была выполнена. Новая алия застала в Эрец два лагеря, две подрядные конторы, два бюро по трудоустройству.

Ха-Поэл ха-цаир опередил Ахдут ха-авода в организации алии и тем самым приобрел значительное влияние в среде новичков, помнивших о помощи, оказанной им членами этой партии при переезде в Палестину и в трудоустройстве. С другой стороны, Третья алия прибыла в Эрец на гребне революционной волны, когда революция достигла наибольшего размаха не только в России, но и в Центральной Европе, и по своему сионистско-социалистическому мировоззрению эта молодежь стояла гораздо ближе к Ахдут ха-авода, нежели к ха-Поэл ха-цаир.

Иосеф Трумпельдор выдвинул идею объединения рабочего движения в единую профсоюзную организа-

цию — Гистадрут, не имеющую политической платформы. Таким образом, можно было бы найти выход из существовавшего в Эрец унизительного положения, когда нового иммигранта, едва сошедшего с корабля, встречали представители двух партий, охотившиеся в порту за душами новоприбывших. У Берла не вызвала особого энтузиазма ни инициатива Трумпельдора, ни настроения, ощущавшиеся в палатках дорожных рабочих. Всеобъемлющий характер новой организации должен был проявляться в том, что она объединит всех рабочих Эрец, но анархо-синдикалистская идея, лежавшая в основе программы Ахдута ха-авода, отсутствовала в планах инициаторов всеобщей конфедерации трудящихся, которые предпочли пожертвовать содержанием ради полноты охвата масс. Гистадрут планировался как чисто профессиональная организация, культура и политика исключались из ее сферы. Ликвидации партий не предусматривалось, они должны были лишь отказаться от некоторых своих функций в пользу Гистадрута.

Берл высказался против этого плана, опасаясь, что предполагаемая организация лишится идейного содержания. Видимо, он изучал проекты программы Гистадрута и статьи, посвященные планам его создания, еще не успев встретиться с новыми иммигрантами, и это оказало влияние на его позицию. На протяжении ноября 1921 года Берл много времени проводил среди дорожных рабочих и новых иммигрантов, занимаясь разъяснительной работой. Это была первая встреча молодежи Третьей алии с человеком, олицетворявшим собою Вторую алию. Эта молодежь росла в хаосе рушащегося мира — в годы войны и революции, среди развалин отцовского дома и умирающего еврейского местечка. Большинство получило дома еврейское образование, но немало было и таких, которые отошли от еврейских традиций в очень раннем возрасте, когда еще те не успели наложить отпечатка на их личность.

Часть этой молодежи была пропитана духом

великой большевистской революции, часть находилась под влиянием идей Фрейда, Бубера или других мыслителей. У нее были свои понятия, свой язык, свои герои — не те, что у Берла. И вот они увидели перед собой невысокого человека с умными живыми глазами, с курчавой черной шевелюрой, быстро-быстро бросающего слова. Некоторым из них даже показалось, что он говорит языком бет-мидраша — а это не к добру.

Он подолгу беседовал с ними и, видно, сумел многих переубедить, ибо к концу месяца такой разъяснительной работы ему удалось расширить внесенный новыми иммигрантами проект программы Гистадрута, так что она включила значительное число пунктов платформы Ахдут ха-авода, например о деятельности за границей и о создании в диаспоре организации в поддержку рабочих Эрец-Исраэль. Но ему не удалось убедить их в правильности своей объединительной концепции. Веря в идею отделения профсоюзной работы от партийной, они отказывались принять целостную гуманистическую концепцию Ахдут ха-авода, и поэтому, несмотря на то, что многие молодые халуцим сразу после образования Гистадрута вступили в партию Ахдут ха-авода, близкую им своим активно-социалистическим характером, они бесповоротно отвергли исходную концепцию Берла.

Берлу пришлось сдаться. Когда настал решительный момент и Хайфская конференция, состоявшаяся на Ханукку 5681 (1921) года стала обсуждать вопрос о создании Всеобщей конфедерации трудящихся Эрец-Исраэль, Берл отступил от своего требования о тотальном единстве. Он признал, что большинство — представители Третьей алии — отвергло его точку зрения и подчинился воле большинства. Признавая необходимость создания полномочного органа для представительства рабочих Эрец-Исраэль, которому предстояло участвовать в переговорах со Всемирной сионистской организацией (например, по вопросу о рабочем банке) и мандатной администрацией (напри-

мер, по вопросу о прокладке дорог), Берл не мог отвернуться от него только потому, что он не оправдывал всех их ожиданий. Более того, Берл верил, что в ходе своего исторического развития рабочее движение придет к единству. Склонность участников Третьей алии к Ахдут ха-авода лишь укрепила Берла в убеждении, что, когда Гистадрут оформится и окрепнет, сама жизнь заставит его расширить сферу деятельности.

В свое время на объединительном съезде в Петах-Тикве партия ха-Позл ха-цаир отказалась от объединения с партией Ахдут ха-авода, утверждая, что жизнь покажет, кто прав. На этот раз Берл пошел на частичное объединение, руководствуясь тою же надеждой.

Люди, возглавлявшие в тот период партию Ахдут ха-авода, отличались исключительными организационными талантами и глубиной интеллекта. Их жажды деятельности, беспрестанного стремления вперед, их полета воображения и умения придавать будничным серым делам высокий смысл с избытком хватило бы на руководство не одной, а многими партиями и движениями. Это были сильные, подчас не терпящие возражения личности. Их способность работать вместе в значительной степени определялась их зависимостью друг от друга и преследовавшим их чувством, что они должны обогнать время.

То была золотая пора юности нового движения: все руководители партии относились друг к другу с полным доверием, их связывало теплое чувство товарищества. У этой маленькой горстки людей было ощущение, что именно ей суждено взвалить на свои плечи груз ответственности за судьбу еврейского народа, до которой нет дела ни равнодушному миру, ни вырождающемуся еврейскому обществу. И это чувство избранности, принадлежности к группе, которая должна завоевать мир, тоже способствовало единству действий. Вместе с этим, все они постоянно сознавали, сколь мала сила даже очень талантливого

человека в сравнении со стоящими перед ними исполинскими задачами.

Берл был в этой группе первым среди равных. Ахдут ха-авода возглавляли тогда три признанных лидера: Бен-Гурион, Табенкин и Берл, но голос Берла был решающим. После возвращения Берла из второй поездки в Европу Исполнительный комитет Ахдут ха-авода собрался, чтобы обсудить направление дальнейшей работы. Элияху Голomb так рассказывал об этом заседании: "Поскольку мы были чрезвычайно недовольны результатами этой работы, мы решили поправить дело руками Берла и потому подключили его ко всем намеченным мероприятиям".

Берл, в конце концов, выбрал себе поле деятельности, наиболее близкое ему по натуре, — и товарищи его поспешили согласиться с ним. На следующий день после Хайфской конференции, обсуждая ее итоги, руководители Ахдут ха-авода наперебой цитировали выступления Берла (хотя наибольший успех на этой конференции выпал на долю Явнеэли) и говорили о нем в том тоне, в каком обычно говорят о всеми любимом одаренном ребенке, который никогда не обманывает честолюбивых надежд взрослых. Берл вел от имени партии переписку с Союзом Поалей Цион, с находившимся тогда в Лондоне Бен-Гурионом и с газетой "Ди цайт" ("Время"), органом Поалей Цион, который начал выходить в США. Берл отвечал за связь Ахдут ха-авода с другими партиями и течениями и единолично руководил изданием партийной газеты "Кунтрес".

Руководящее положение Берла в значительной степени определялось отношением к нему Табенкина и Бен-Гуриона. Они, видимо, безгранично верили в Берла и питали к нему глубочайшее уважение, граничившее с самоуничижением.

Берл не играл в Ахдут ха-авода роли духовного вождя. Здесь уместно, пожалуй, провести разграничение между типами духовного вождя и руководителя-практика. Функция первого — обосновать идейную

базу движения, наметить перспективы и определить, соответствует ли настоящее положение вещей и деятельность партии на данном этапе идейным критериям.

Руководитель-практик, напротив, обычно воспринимает идеи других, причем порой он не отличается оригинальностью мышления. Его сила в том, что он вдохновляет людей на практические дела, приводит их в движение. В двадцатом веке два эти типа в значительной мере смешались друг с другом. Попытки отделить в наше время пророка от правителя, человека духа от человека действия уже не соответствуют действительности. Кем был Ганди — духовным вождем или руководителем-практиком? Кем были Ленин или Мао Дзе-дун? В некоторых особых случаях (например, Сталин) титул духовного вождя можно поставить под сомнение, но в целом мы наблюдаем явную тенденцию объединения обеих функций, характерную для вождей национальных и революционных движений. Тот, кто стремился создать новую реальность, проповедовал и свою картину будущего, соответствующую этой реальности. С этой точки зрения Берл принадлежал к современному типу вождя. Он разрабатывал идейную платформу, но одновременно, как руководитель, крепко стоял обеими ногами на земле.

Пожалуй, ведущее положение Берла покоилось больше всего на той черте, которая привлекала к нему сердца товарищей и которую Ицхак Табенкин окрестил "здравым рассудком". Именно точный анализ действительности, будь то в Эрец или в диаспоре, понимание духа халуцианского движения, соединявшиеся с редким даром красноречия, придавали мнениям, предложениям, позиции Берла особый вес. Следует добавить к этим качествам издавна отличавшее Берла чутье на реальные дела, ощущение практических возможностей. Именно это чутье подсказало ему путь в палестинские поселенческие органы Всемирной сионистской организации, помогло

ему добиться финансирования, найти в Лондоне и Вене еврейских меценатов, которые поддержали начинания Ахдут ха-авода, снабдив ее средствами на приобретение оружия и выпуск газеты.

Это чувство натолкнуло Берла на идею начать в еврейском рабочем движении "Гецайг Кампейн" — кампанию по закупке сельскохозяйственных машин и оборудования для Эрец-Исраэль. Берл не стеснялся искать подписчиков на "Кунтрес", торговаться с американскими лидерами Поалей Цион об оплате телеграммы или напомнить кому-нибудь о том, что он обещал пожертвовать определенную сумму в фонд Ахдут ха-авода и не сдержал обещания.

Коллеги Берла по руководству Ахдут ха-авода относились к Берлу с любовью и уважением, можно даже сказать баловали его — и он платил им взаимностью. Он принимал свое особое положение как нечто само собой разумеющееся, но не пользовался им для господства над товарищами. Берл так же всецело доверял им, как они ему. Более того, ощущение, что он нужен им, что они зависят от него, придавало ему сил. Так между вождем и его соратниками появилась взаимная связь.

Существовали, однако, два ограничения в позиции Берла — одно в сфере партийной, другое — в личной. Третья алия не приняла его власти безоговорочно. Складывавшиеся внутри нее группы утверждали свое право на руководство. Так было и в Гдуд ха-авода и в ха-Шомер ха-цаир. Берлу, несмотря на все его обаяние, так и не удалось завоевать эти оплоты молодежи. Он остался для них человеком со стороны, представителем "старого руководства" Второй алии, а молодежь эта хранила верность руководителям, выросшим из ее среды и говорившем ее языком. Но этот факт не повлиял на позицию Берла, ибо указанные группы не имели решающего голоса. Вместе с тем факт этот указывал на определенное направление развития событий в будущем.

Более важное значение имело двойственное от-

ношение самого Берла к его положению в партии. В контактах с товарищами и в публичных выступлениях Берл держался с полной уверенностью в себе, но перед Леей он не раз раскрывал свои сомнения, страхи перед непомерностью взятой на себя задачи. С головой погрузившись в общественную работу в Эрец и за границей, Берл не переставал утверждать, что мечтает вернуться к сельскохозяйственному труду и найти в нем истинное удовлетворение. Но пока Берл говорил о своем намерении уйти от партийной работы, ему постепенно становилось ясно, что она уже заняла главное место в его жизни: успех в общественных делах приносил ему счастье, поражения повергали в отчаяние. Готовясь к выступлению перед аудиторией, с которой у него не было общего языка, Берл дрожал, точно школьник накануне экзамена. Безоглядная преданность общественным интересам стала как бы изнанкой личных горестей Берла. Образы Бреннера и Сары Шмуклер преследовали его, и он многие годы не мог, да и не хотел избавиться от них.

В те самые дни, когда он писал Лее душераздирающие письма, где слышится голос потерявшегося, неуверенного в себе человека, Берл вел себя в окружении друзей по руководству как вождь, уверенной рукой ведущий партийный корабль по намеченному им курсу и не торопящийся отойти от штурвала.

И тем не менее, неуверенность Берла в себе как в руководителе не была позой. Действительно, у политиков, для которых общественное признание, жизнь "в центре событий" и ощущение власти являются насущной потребностью, она весьма часто окутывается флером тоски по иным мирам, по тихому углу, где можно зажить духовной жизнью, ни с кем не считаясь. Потребность в аудитории и, вместе с тем, отталкивание от нее одинаково характерны для общественного деятеля, и Берл тоже не был в этом смысле исключением. Просто в его случае этими

явлениями дело не исчерпывалось.

Как раз в этот период, когда обуреваемый сомнениями Берл написал Лее фразу: "Увы и ах рабочему движению, у которого мы в главарях", он произнес речь, посвященную памяти человека, бывшего в значительной степени духовным отцом не только его самого, но и Бреннера, — памяти Бердичевского. Говоря о Бердичевском-вожде, Берл обронил: "Какой смысл есть в слове "вождь" применительно к нему? В наши дни, когда вождем становится не праведник, не раввин, не поэт, а любой новоиспеченный политик, умеющий "сблизиться" с какой-нибудь партией или привлечь к себе кучку сторонников".

Глядя на своих товарищей, Берл не испытывал никакого чувства неполноценности. Он, не колеблясь, брал на себя выполнение задач, которые казались ему и его партии в тот период самыми главными. Мучившие его сомнения, отразившиеся в письме к Лее, вытекали из ощущения разрыва между желаемым и возможным, этой старой бреннеровской болезни. Берл судил себя теми же категориями, которые применял, рассматривая идеальный образ вождя, и обнаруживал свою несостоятельность.

Он не был ни праведником, ни раввином, ни поэтом. Ему не хватало искры Божьей, которую не заменишь никакими стараниями. Стать "политическим лидером" — он ждал от себя большего, а быть вождем от Бога ему было не дано... Но летели годы, и Берл все больше примирялся со своими слабостями — и нередко в этом помогало ему сравнение с соперниками.

Командировка в США (1921 — 1922)

Образование Гистадрута не разрешило сложных проблем, связанных с развитием Эрец-Исраэль. Прозаический вопрос — откуда появятся ресурсы для

строительства Эрец — стал стержнем всех планов и размышлений Берла и его товарищей. По существу, этот вопрос был главным для всего сионистского движения. Сбор пожертвований в Керен ха-Иесод, который должен был по расчетам его инициаторов принести 25 миллионов фунтов стерлингов, дал жалкие крохи, и постоянный дефицит средств, ощущавшийся сионистским движением, не давал покоя его руководителям. В грандиозных планах недостатка не было, но большинство их так и осталось на бумаге.

Одной из таких идей, вызвавших в свое время скептицизм и насмешки, был план электрификации Палестины, разработанный Пинхасом Рутенбергом. В Ахдут ха-авода мнения по поводу предложения Рутенберга разделились. Некоторые, подобно Моше Чертоку, сомневались в серьезности Рутенберга и реальности его планов. Другие, вместе с Берлом и Бен-Гурионом, готовы были пойти на риск, доверившись яркой личности Рутенберга, поддержать его и даже предоставить в его распоряжение партийные фонды для осуществления разработанного им проекта.

У Берла нашелся общий язык с Пинхасом Рутенбергом. Между ними завязалась дружба, которой суждено было выдержать грядущие испытания. Должно быть, неистовый напор Рутенберга и загадочность, оставшаяся в нем с тех времен, когда он, активный деятель партии эсеров, принял непосредственное участие в казни агента царской охраны Гапона, задел родственные струны в душе Берла. Берла тянуло к Рутенбергу, человеку действия, который всегда шел против течения, — возможно, потому тянуло, что сам Берл был человеком совсем иного склада.

Упорство и "жестоковийность" помогли Рутенбергу — ему удалось получить концессию. Успехом он был обязан только собственной энергии, беспредельной преданности своей идее, не позволявшей ему сдаваться в самых отчаянных обстоятельствах. Победа Рутенберга окрылила Берла, став для него примером того,

как один человек может силой воли пробить стену равнодушия, преодолеть все препятствия. Поэтому, когда Рутенберг потребовал, чтобы Берл отправился в Соединенные Штаты и в ходе пропагандистской кампании подготовил почву для того, чтобы пустить в ход "машину" по сбору средств на строительство электростанции, Берл согласился.

Как любую другую заграничную поездку, так и командировку Берла в Америку постарались использовать сразу для нескольких целей: участия в работе съезда Поалей Цион и Сионистского конгресса в Карлсбаде, а также для сбора средств на нужды Хаганы и пр. и пр. Так и вышло, что выехав из Эрец в июне, Берл прибыл в Соединенные Штаты только в ноябре 1921 года.

Тем временем Рутенберг получил концессию на строительство электростанции и, таким образом, главное назначение поездки Берла сразу стало второстепенным, а на первое место выдвинулась официальная цель его командировки — сбор пожертвований на организацию рабочего банка.

Для сбора средств на создание банка в Соединенные Штаты была направлена делегация Гистадрута в составе Иосефа Бараца — представителя ха-Поэл ха-цаир, Мани Шохат и Берла Кацнельсона — представителей Ахдут ха-авода. Это была первая делегация, отправлявшаяся из Эрец за границу не по поручению одной партии, а от имени всех организованных рабочих страны. Пунктом назначения были Соединенные Штаты Америки — *а голдене медине* — "золотая страна".

Рабочие Эрец-Исраэль уже не впервые обращались за помощью к еврейским рабочим США. В нищем, растерзанном Первой мировой войной и последовавшими за ней революциями еврейском мире еврейство Соединенных Штатов казалось еще непочатым рогом изобилия. Вместе с массами еврейских эмигрантов в Америку переместился и центр тяжести еврейского народа. Обращение Всемирной сионистской организа-

ции к еврейству США с призывом о сборе пожертвований в Керен ха-Иесод, а также обращение Гистадрута с аналогичной просьбой о сборе средств на рабочий банк стали конкретным выражением произошедшего переворота.

Однако еврейство США еще не созрело для того, чтобы взять на свои плечи ответственность за судьбу всего еврейского народа, а тем более за строительство Эрец-Исраэль. Издавна осевшие в Соединенных Штатах евреи из Германии, которые прозывались *йахудим*, готовы были оказать "своим" нуждающимся единомышленникам филантропическую помощь вроде, например, той деятельности, что проводил в России и других восточноевропейских странах Джойнт. Однако большая часть старых эмигрантов были глухи к голосу национального еврейского движения и даже считали его одним из факторов, препятствующих окончательному вращанию американских евреев в американское общество.

Разношерстной толпой прибывали еврейские эмигранты к берегам Америки из Восточной Европы, особенно в первые два десятилетия XX века. Они надрывались в непосильном труде ради хлеба насущного, и заветной их мечтой было достичь минимального материального благосостояния, а затем стать полноправными членами американского общества. Жизнь их протекала в среде таких же, как они сами, недавних еврейских иммигрантов, здесь боролись они за выживание своей семьи, здесь находили помощь и поддержку, считали эту среду своею. Их спонтанное национальное чувство, зародившееся в черте оседлости, питалось здесь, в США, общностью иммигрантских судеб и совместной "роевой" жизнью, которая текла в еврейских центрах больших американских городов Восточного побережья.

Даже если первые иммигранты из Восточной Европы, основатели профсоюзных объединений, и стремились поскорей превратиться из евреев в "просто американцев", то прибытие новой большой

иммиграции усилило национальные тенденции еврейских масс, заставив лидеров всех еврейских общественных организаций — кружков, профсоюзов, партий — стать выразителями этих настроений. Начался расцвет национальной еврейской культуры — культуры идишской, проявившейся в богатой прессе, литературе и театре. У газеты "Форвертс", которую редактировал Эйб Кахен, было около полумиллиона читателей, а ведь наряду с ней существовали и другие газеты: "Дер тог", "Дер морген журнал" и имевший важное значение журнал "Цукунфт". В 1921—1922 гг. выходила и газета "Ди цайт" — орган Поалей Цион.

Национальное самосознание американского еврейства было четким, оно отличалось теплотой и отзывчивостью к соплеменникам, но подавляющему его большинству были чужды сионистские настроения. Американские евреи, у которых имелись определенные политические взгляды (а очень и очень многие думали только о заработке), находились под влиянием Бунда. Социалистическое учение, стремление к улучшению положения трудовых масс, развитие национального самосознания — да! Сионизм, Эрец-Исраэль, Сионистский конгресс, сотрудничество с еврейской буржуазией, связь с землей предков, с еврейскими традициями — нет! Сионисты считались реакционерами, от которых порядочному еврейскому рабочему следует держаться подальше. К тому же над ними тяготело подозрение в гонениях на идиш.

Такой была Америка, с которой столкнулся Берл. Деятельность его в США была изначально ограничена теми кругами американского еврейства, которые говорили на идиш. Берл не владел английским и, встречаясь с евреями — уроженцами Соединенных Штатов, вынужден был прибегать к помощи переводчика, который скорее мешал, чем помогал. В конце концов, беседа проходила на немецком, который Берл немного знал, но говорил он по-немецки плохо. Итак, Америка, с которой общался Берл, была Америка недавних иммигрантов, со всеми ее хороши-

ми и дурными свойствами: горячим еврейским сердцем и яркой искрой национального самосознания, с внутренними расколами и раздорами, с жадной жаждой быть всегда "ол райт" и поскорее "сделать деньги", с тоской по хорошей жизни и смирением перед американским "потребительским" обществом.

Берл прибыл в Соединенные Штаты на пароходе "Кремания", его приезду предшествовали статьи в газете Поалей Цион "Ди цайт". Однако в целом надежды Берла на помощь американских членов Союза Поалей Цион оказались преувеличенными. Американское отделение Союза не блистало ни прославленными лидерами, ни яркой прессой, ни отлаженной партийной "машиной", на помощь которой так рассчитывал Берл в организации поездки по США.

Партию раздирали противоречия между "правыми" и "левыми", между присяжными идишистами и нейтралистами в вопросах языка. Даже такие признанные деятели, как Барух Цукерман и Хаим Житловский, идишист, были равнодушны, если не враждебны к пришельцу. Помочь Берлу проявили готовность Аврахам Лейсин, Давид Пинский, Иосеф Шлосберг и Макс Файн — интеллектуалы и руководители рабочих, не входившие в Поалей Цион и соблюдавшие нейтральность по отношению к "Форвертс".

Первые дни Берла в Америке были многообещающими: руководители различных профсоюзных организаций охотно принялись помогать ему; "Дер морген журнал" напечатал сочувственную статью о делегации из Эрец-Исраэль и ее задачах, присовокупив даже панегирик в адрес Берла, где он именовался вождем, твердо знающим свои цели и идущим к их достижению уверенным шагом. Мане Шохат удалось связать Берла с доктором Магнесом, главой еврейской общины Нью-Йорка, одним из учредителей Джойнта.

Магнес, принадлежавший к старой еврейской иммиграции, пользовался большим влиянием среди

рабочих. Его пацифистская позиция в годы Первой мировой войны, присущий ему моральный подход к решению сложных проблем, чистота его нравственного облика — все это обеспечивало Магнесу глубокое уважение рабочих лидеров и доверие еврейских масс. Не ограничившись радушной встречей палестинской делегации, Магнес целиком и полностью включился в ее работу. На публичном собрании в честь делегации Магнес обратился к ее членам на иврите, продемонстрировав тем самым поддержку ивриту в противовес нападкам идишистов.

Благодаря Магнесу перед Берлом и его товарищами раскрылись двери редакции газеты "Форвертс". Он пригласил к себе домой трех членов делегации из Эрец-Исраэль и редактора "Форвертс" Эйба Кахена. Берл так описывал эту встречу: "Много говорила Маня. Барац рассказал о Дгании, а я о Гистадруте. Кахен выступал в традиционно-бундовском стиле: если б мы были делегацией рабочих Англии, он бы мог нам помочь, но тут дело осложняется ивритом и сионизмом, а это, разумеется, губит все дело. Потом он немного оттаял и произнес: "Я не могу все огульно охаивать. Идея ваша странная и утопичная, но перед каждым идеалистом следует снимать шапку". Он согласился напечатать в "Форвертс" письмо Магнеса, которое представит делегацию читателям самой влиятельной и популярной еврейской газеты".

Действительно, 28 ноября 1921 года такое письмо было опубликовано. Магнес подчеркивал, что делегация еврейских рабочих Эрец-Исраэль просит поддержки у еврейских рабочих США и поостерегся даже упоминать сионизм и сионистов. Ввиду того, что ворота Соединенных Штатов закрыты перед нуждающимися еврейскими массами, писал Магнес, необходимо помочь еврейским рабочим, которые должны осесть в Палестине, обеспечить их работой.

Так еврейство США познакомилось с делегацией рабочих из Эрец-Исраэль. Началась бесконечная цепь встреч и заседаний с членами профсоюзов, с рабочими

лидерами, с руководством Джойнта, с "Пиплз Рэлиф Комити" и т. д. и т. п.

Следует заметить, что знакомство еврейской общественности США с делегацией из Эрец, жизненно необходимое для успеха ее работы, было чревато множеством опасностей. Делегация стала мишенью нападков тех самых кругов, которые так боялся растревожить Магнес. Первым, как ни странно, обрушился на посланцев рабочих страны Хаим Житловский. Он напал на Магнеса, утверждая, что Эрец-Исраэль без идиш не будет еврейской страной. На страницах "Ди цайт" были опубликованы клеветнические статьи участника левого крыла Поалей Цион Рибоцкого, рассказывавшие об антиидишских настроениях палестинских рабочих. Рибоцкого поддержал старый бундовский лидер Мэдэм. Особое раздражение Мэдэма вызвало то обстоятельство, что призыв Магнеса помочь рабочим Эрец был напечатан в "Форвертс" — газете Бунда. Мэдэм сумел повлиять на Эйба Кахена, который недвусмысленно высказался против делегации Эрец-Исраэль и оказал сильное давление на руководителей профсоюзных организаций, связанных с "Форвертс", вынудив их прервать контакты с делегацией и не оказывать содействия совместному американо-палестинскому комитету по организации рабочего банка. Часть сторонников делегации поспешно отступились от нее. Другие, подобно Файну, который одним из первых стал помогать Берлу, заколебались, опасаясь довести дело до раскола в еврейском профсоюзном движении. Третьи, например Лейсин, твердо стояли на стороне приезжих и были готовы на борьбу.

В этой ситуации Магнес проявил слабость, не сумев оказать должного противодействия кампании, развернувшейся против делегации, хотя по-прежнему энергично поддерживал палестинцев.

После бурных перипетий, когда отчаяние не раз сменялось надеждой, Берлу все-таки удалось создать "Комитет американских рабочих по содействию рабо-

чему банку в Эрец-Исраэль". Председателем был избран Иосеф Шлосберг, один из немногих рабочих лидеров, преданно и неуклонно поддерживавших Эрец-Исраэль. Казначеем нового комитета стал доктор Магнес, секретарем — мистер Арнрейх, один из секретарей партии Поалей Цион, который должен был организовать сбор пожертвований.

20 декабря 1921 года, через полтора месяца после приезда Берла в США, читатели еврейской печати узнали об образовании комитета, который обратился к "еврейским рабочим Америки", призывая их "как истинных пролетариев" помочь их братьям-рабочим Эрец-Исраэль, облегчить нужду ее еврейского населения и содействовать осуществлению высоких идеалов международного рабочего движения... О сионизме, как и прежде, не было сказано ни слова.

Сбор пожертвований на рабочий банк начался, по американскому обычаю, с концерта в оперном театре на Манхэттэне. Хорошо зная свою публику, организаторы концерта напечатали в афише крупным шрифтом фамилии известных артистов, принимающих участие в концерте: кантора Иоселе Розенблата, пообещавшего включить в программу свою пьесу "Хранящий Израиль", и других популярных певцов. В конце афиши петитом сообщалось о том, что доктор Магнес и другие крупные еврейские деятели (не упоминалось ни их имен, ни даже числа) выступят с краткими речами — видно, для того, чтобы многоопытная аудитория не пожелала спастись бегством от обилия ораторов.

Берл и его товарищи, разумеется, не были удостоены упоминания в афише. Берлу казалось, что организаторы концерта относились к делу с прохладцей, и он очень удивился, увидев, что зал оперного театра набит до отказа. Однако публика выражала нетерпение, она явилась на концерт, а ее пичкали речами. И все-таки в тот вечер было распродано полторы тысячи акций — у Берла словно камень с души свалился.

Но кампания по сбору средств так и не достигла желаемого размаха. Берл надеялся собрать для будущего банка четверть миллиона долларов. Такая цифра с самого начала повергла в ужас руководителей Поалей Цион, и они потребовали, чтобы Берл ограничился суммой в 100000 долларов. Американская общественность уже устала от поборов на всяческое нужды: параллельно с кампанией, начатой Берлом, проводил сбор пожертвований Керен ха-Иесод и, несмотря на несравненно более продуманную и отлаженную систему организации, там удалось собрать не более одного миллиона долларов. Уже то обстоятельство, что две эти аналогичные кампании проходили одновременно, значительно повредило делегации Гистадрута.

Еврейские круги, не связанные с рабочим движением, не приняли участия в финансировании рабочего банка, даже Джойнт остался в стороне. Один из ведущих деятелей Джойнта Бернард Флаксер возражал против создания особого рабочего банка и предпочитал оказывать помощь непосредственно из фондов Джойнта.

Организация "Гецайг кампейн", созданная с целью сбора машин и оборудования для Палестины, занималась не столько благородной деятельностью, направленной на модернизацию сельского хозяйства и промышленности Эрец-Исраэль, сколько разного рода мелкими спекуляциями на партийной ниве. Деньги, собранные этой организацией, были использованы на издание партийного органа Поалей Цион, газеты "Ди цайт". Подобные факты подорвали веру общественности во всякого рода фонды, собирающие пожертвования на нужды ишува Эрец-Исраэль.

К богатым еврейским капиталистам Америки Берлу так и не удалось найти дорогу. Его деятельность так и не вышла за рамки общественности, состоявшей из рабочих и бывших рабочих. Некоторая часть этих людей вела тяжелейшую борьбу за существование, другая была настроена антиссионистски или, по

меньшей мере, равнодушно, третья представляла собой в политическом отношении некую спящую красавицу, ожидающую появления принца. Но, на беду, кратковременная работа даже очень талантливой делегации не способна была растопить лед и добиться немедленных результатов.

В середине января члены делегации распрощались друг с другом и поодиночке отправились в турне по Америке — распродавать акции будущего банка. Берл выехал на северо-восток США, в крупные промышленные города Чикаго и Детройт, а также более мелкие городки и городишки, разбросанные между ними.

Это было бесконечное странствие. Берл кочевал с вокзала на вокзал, из одной гостиницы в другую, с массового митинга на вечернее заседание, оттуда возвращался в холодный обшарпанный "отель".

В Чикаго Берлу выпало несколько счастливых часов. То, чего не сумел он сделать в Нью-Йорке, удалось ему в Чикаго. Специально по случаю приезда Берла собралась конференция представителей различных рабочих еврейских организаций: профсоюзов, отделений "Арбайтер ринг", "Национал арбайтер фарбанд" и других. Берл разговаривал с ними свободно, не страшась тех групп, которые мешали ему на массовых митингах. Впервые после приезда в Америку Берл чувствовал, что между ним и слушателями установилась такая же связь, как и во время его выступлений на собраниях в Эрец. Но увы, на один этот успех пришлось так много неудач!

По большей части Берла преследовало жуткое ощущение своей чуждости той аудитории, к которой он обращался. Чувство это усугублялось страхом провала порученного ему дела. Если в предшествовавших заграничных командировках Берлу трудно было определить меру успеха, ибо в политической области влияние тех или иных решений становилось ясным лишь после определенного срока, то на этот раз Берл мерял свои достижения лишь одной меркой

— количеством проданных акций. Он знал, что "глаза рабочих Эрец-Исраэль обращены не на "тот хлеб, что я пошлю по воде", а на тот, который можно будет посеять в Эрец благодаря моей поездке". Эта мысль угнетала Берла до крайности.

Кроме поездов, вокзалов, гостиниц и собраний Берл почти ничего не видел. Он не обращал внимания на пейзаж, на непостижимые красоты природы. О Ниагарском водопаде он упоминает только потому, что там состоялась у него встреча с Барацем. Нью-Йорк с его небоскребами и вечной суетой не произвел на него впечатления. Он побывал в кинематографе и в музее, но не получил никакого удовольствия. Во время поездок в Европу посещение музеев всегда приносило ему огромную радость. На этот раз Берл был равнодушен, даже враждебен ко всему окружающему. Когда Берла взяли в Бродвейский театр на постановку "Анна Кристи" и игра исполнительницы заглавной роли потрясла его, Берл сказал своему спутнику, что никак не ожидал такой глубины от Бродвея. В Детройте хозяева повезли его на заводы Форда, но и чудеса техники не привели Берла в восторг.

На протяжении своей поездки по Америке Берл вращался исключительно в еврейской среде. За все девять месяцев, проведенных в Соединенных Штатах, он только однажды упоминает о разговоре с неевреем, точнее, нееврейкой — хозяйкой дома, куда он попал, перепутав адрес. Несомненно, на ограниченность контактов Берла влиял тот факт, что он едва говорил по-английски. Да и предельная сосредоточенность на делах рабочего банка, о которых думал он денно и ночью, мешала ему оглянуться вокруг. Но, по-видимому, здесь играло немаловажную роль еще одно обстоятельство: рабочее движение страны, как и сионистское движение в целом, считало Америку источником денежных средств, но не политической силой. Будучи в Англии, Берл не преминул встретиться с лидерами лейбористов. В США же он не делал

никаких попыток установить связи с руководителями американского рабочего движения.

Но и в среде американского еврейства Берл чувствовал себя неуютно. Американская система проведения массовых собраний, где Берла подавали в виде бесплатного приложения, как дополнительную изюминку на праздничном пироге — после многочисленных выступлений, после торжественного "appeal" — призыва жертвовать деньги, когда присутствующие уже устали от обилия речей, насладились "художественной частью" и мечтали лишь об одном — поскорее оказаться дома, — система эта мешала Берлу проявить свои сильные стороны и лишь подчеркивала слабые. Берл не был великим оратором. На просторной сцене его маленькая фигурка никак не могла произвести впечатление на не знакомую с ним аудиторию. Он не умел произносить пламенных речей. Сила Берла была в логике, в убедительности, в ощущении правдивости его слов. Но все эти качества оказывались бессмысленными в чужом, колоссальном, холодном зале, когда стрелки часов приближались к полуночи и все отчаянно устали.

Очень редко чувствовал Берл, что ему удалось добраться до сердца огромной толпы, разбить лед равнодушия. Как правило, успех или провал вечера обуславливался предшествующей подготовкой аудитории, без какой бы то ни было связи с самим выступлением Берла.

Напротив, в маленьких, забытых Богом городишках Берл, как уже говорилось, находил внимательных слушателей и ему выпадал неожиданный успех. В более узком кругу, перед сравнительно немногочисленной аудиторией Берлу удавалось передать слушателям убежденность в непреходящей важности Эрец-Исраэль и необходимости помогать ей. Теплота, человечность, глубокая убедительность слов Берла, соединявшаяся с выразительностью и исключительным богатством его речи на идиш, остававшейся в то же время простой и понятной, производили глубочайшее впечат-

ление на людей, близко сталкивавшихся с ним. Сила Берла проявлялась в непринужденной беседе, тут он чувствовал себя в своей тарелке и умел завоевывать сердца.

Кроме всех общественных задач, стоявших перед ним, поездка по Америке имела для Берла и личное значение — он как бы совершал паломничество в прошлое. Берл ни разу не ездил погостить в Россию. Уехав в Эрец, он порвал с целым миром, где царил особый образ жизни и образ мыслей, где была своя культура, где остались друзья и родные. Поездка в Соединенные Штаты казалась Берлу чем-то вроде возвращения домой.

Для выходцев из черты оседлости Америка была сродни Палестине. И тут и там искали они решения проблемы дальнейшего существования еврейства. И тут и там человек обязан был взять судьбу в свои руки и, оставив страну, где родился, семью, знакомую обстановку, отправиться в неведомое. Качества, необходимые еврею-иммигранту в США, были сходны с теми, которые требовались от приехавшего в Эрец халуца: готовность к тяжелому труду, к борьбе за существование, способность вписаться в новые рамки, приноровиться к новому быту.

Америка и Палестина вели скрытую и явную борьбу за души еврейских иммигрантов. В ту пору, когда Берл и еще несколько его земляков отправились в Палестину, множество его друзей юности и товарищей по партии эмигрировало из Бобруйска в США, в том числе и старший брат Берла Хаим. С любопытством и страхом ждал Берл встречи с ними. Это был для него экзамен — кто правильно выбрал дорогу в жизни, кто ошибся? Кто прав — он или они? Где лучше новичку — в Эрец-Исраэль или в Америке?

Встреча с братом была и патетической, и трагичной. Хаим встретил Берла в порту, и Берл две недели прогостил в его доме. Хаим, самый близкий Берлу из всех братьев, революционер и единомышленник, стал мелким лавочником, который проводил дни за

прилавком. Личные несчастья преждевременно составили его. Он замкнулся в молчании, в жизни у него не осталось ничего, кроме бизнеса, все духовные интересы улетучились. Бывшие бобруйцы встретили своего "Береле" с распростертыми объятиями, устроили в его честь даже специальный "вечер".

"Наши бобруйцы не рождены для Америки, — писал Берл Лее. — Они не разбогатели, не натурализовались". Те же заблудшие души, они скитаются по Америке, так и не найдя своего места. Простодушие, доброта, преданность, стремление к чистой жизни — эти прекрасные качества так и не нашли себе применения.

Берл ушел со встречи с земляками одновременно убитый и утешенный. Убитый — потому, что жалко было напрасно растроченной человеческой жизни, которая могла сложиться иначе, если б у этих людей хватило ума и душевной отваги соединить свою судьбу с Эрец-Исраэль. Утешенный — потому, что увидел: "в каждой стране есть много евреев, которые не приживаются в ней, чувствуют, что это не их страна". А для человека Второй алии, который в стольких кошмарных снах видел отъезд из Эрец, такое открытие было некоторым облегчением.

Хотя Берл рвался домой, ему пришлось задержаться в Нью-Йорке, проследить за тем, чтобы деньги, пожертвованные на банк, не пошли на другие нужды. Насмотревшись на нью-йоркские партийные нравы, Берл опасался, как бы лидеры Поалей Цион не прибрали собранные деньги к рукам. Только после того, как 17000 долларов были отправлены в Эрец, Берл позволил себе покинуть Соединенные Штаты.

Как уже говорилось, Берл не был удовлетворен своей работой по сбору средств на рабочий банк. От великих надежд собрать четверть миллиона долларов до реальных результатов, не превышавших пару десятков тысяч долларов, была огромная пропасть. Но значение работы палестинской делегации превышало эти ее непосредственные достижения. Связи между

Гистадрутом и профсоюзными организациями американского еврейства; семена, посеянные в "Форвертс", которые принесут свои плоды во время визита Эйба Кахена в Эрец; дружба, завязавшаяся у Берла с Лейсиным, Давидом Пинским, Шлосбергом и другими, — все это еще приобретет первостепенное значение в конце двадцатых годов. Следующая кампания Гистадрута по сбору средств в Америке, во главе которой будет стоять Давид Ремез, пожнет посеянное Берлом. В годы самой свирепой нужды (1926—1928) деньги, которые направит в Эрец еврейское рабочее движение Соединенных Штатов, станут жизненно необходимыми, только благодаря им смогут продолжать работу гистадрутовские начинания — от газеты "Давар" до "Машбира". Каждый, кто изучает финансовые документы Исполкома Гистадрута, не может не поразиться постоянному притоку в его кассу тысяч долларов из США, которые расходовались на строительство жилья для рабочих, на различные проекты и текущие нужды.

Рабочий банк — банк ха-Поалим — был одним из самых успешных начинаний рабочего движения страны. Если другие гистадрутовские фирмы, такие, как "Солел-Боне" и "Машбир", сталкивались с экономическими и финансовыми трудностями, то банк ха-Поалим их не знал. Он служил надежным источником кредита, охватывал все отрасли деятельности Гистадрута, от строительства рабочих жилых кварталов до создания поселений и киббуцов, в городе и деревне, в промышленности и сельском хозяйстве, и даже в науке и искусстве. Завершая описание поездки Берла в США, скажем, что одним из первых мероприятий банка было решение об участии в "Кампании по использованию концессии г-на Пинхаса Рутенберга в Эрец-Исраэль" и назначение Шломо Капланского полномочным представителем банка по делам этой кампании в Лондоне.

Кризис в Третьей алии 1923—1925 гг.

В августе 1922 года Берлу удалось наконец закончить американские дела и отплыть в Европу. Младшая сестра Берла, Хана, находилась на излечении в Вене, и ее состояние очень тревожило его. Лея, как всегда, деятельная и преданная, откликнулась на полувывысканную просьбу Берла проводить Хану в Европу. Теперь, после разлуки, растянувшейся на год с лишним, Берл, в конце концов, встретился с близкими. Он был несказанно рад свидеться с ними. Письмо, написанное им Лее и сестре в Вену через несколько дней после этой встречи, где он описывает свои приключения, связанные с добыванием ящика для совместно сделанных покупок, всех этих "кастрюлек, кадушек и побрякушек", — одно из самых веселых, легкомысленных и смешных во всем эпистолярном наследии Берла. Впервые за долгое время исчезает из его писем к Лее столь характерный для их переписки унылый тон, снова пробивается в них радость жизни.

Тем временем товарищи по партии поспешили послать Берлу делегатский мандат на ежегодную сионистскую конференцию ("малый конгресс"), проходившую в августе 1922 года в Карлсбаде. Здесь Берл встретился с другими делегатами из Эрец-Исраэль: Довом Хозом, Элияху Голомбом и Исраэлем Шохатом, которые уже находились в Европе, занимаясь делами Хаганы и хе-Халуца. К ним присоединился Бен-Гурион, приехавший специально на конференцию. Конференция, мягко говоря, не вызывала большого оптимизма (свое потешное письмо, посвященное эпоее с ящиком, Берл написал во время заседания, в разгар выступления одного из главных ораторов). Да и разговоры в Венском центре Союза Поалей Цион, вертевшиеся, как обычно, вокруг объединения с Цейрей Цион и отношений с левыми группами Поалей Цион, опять окончившиеся ничем, если не считать

решения созвать через год съезд Союза и снова обсудить эти вопросы, тоже не слишком поднимали настроение.

Берл возвратился в Эрец, видимо, в конце ноября 1922 года, после полутороугодового отсутствия. Он приехал в самый разгар кризиса Третьей алии. Берл объездил всю страну, нашел "много нового и прекрасного", но насмотрелся также на "нужду и лишения, которых нигде не доводилось видеть". В Галилею он отправился пешком — "пройтись по памятным следам своей жизни" — и обнаружил по дороге незнакомые поселения — Бет-Альфа и Биньямина. Но Берл заметил, что "все лица сумрачны, а в очереди за выездными визами множатся ряды людей, уставших от Эрец". Тель-Авив разительно изменился. "Хожу по улицам, встречаюсь с рабочими, заглядываю в учреждения — и никто меня не знает", — рассказывал Берл с изумлением. Быть может, он даже завидовал в глубине души своему старому другу Ицхаку Табенкину, который вместе с семьей переехал из Яффы в Эйн-Харод.

Но и теперь, как в былое время, Берла влекла общественная работа, он не мог оторваться от нее. По правде говоря, все помыслы об отходе от партийной работы были не более чем тоской по невозвратно ушедшей жизни. Ведь даже если б Берл по приезде в Эрец не согласился занять официальную должность, он все равно оказался "внутри кипящего котла общественной жизни", он истово "занимался проверкой сделанного", так что у него не оставалось ни минуты для себя, никакого досуга, чтобы организовать их с Леей жизнь, позаботиться о своем угле.

Все его друзья уже всерьез строили семейный очаг, у них родились дети. Так было у Бен-Гуриона, Табенкина, Ремеза, не говоря уж о старых семейных парах вроде Заккаи и других. А он остался бездетным. Лея уехала помогать своей сестре Блюме и ее мужу Слуцкину, занимавшимся строительством горного санатория возле Иерусалима, который, по

мысли Берла, должен был стать памятником Саре Шмуклер. Потом Лея отправилась на новую женскую ферму в поселке имени Борохова — к великому неудовольствию Берла, сетовавшего, что короткие их встречи так далеки от нормальной семейной жизни. Лишь через полгода после возвращения в Эрец Берл, наконец, снял комнату.

Он все больше мечтал о ребенке. Рассказывая о семье свояченицы, он писал: "У них, как и у всех хороших людей в Эрец-Исраэль, чудная девочка", а во всем тоне письма слышится "только у меня — нет". Из заграничной командировки он привез детишкам друзей игрушки, и радость малышей грела ему душу.

Продолжали беспокоить Берла и дела родной семьи: брат Исер остался без работы, сестра Хана все еще была в Австрии, где перенесла операцию по удалению щитовидной железы. Мать Берла Тайбл приехала в конце декабря 1922 года, и Берл поражался тому, как быстро приспособилась она к жизни в Эрец, как легко и терпеливо относилась к трудным условиям, непривычной еде, к непонятной ивритской речи. Приезд матери, для которой он стал кормильцем, лег дополнительным бременем на плечи Берла.

Как уже говорилось, не успев вернуться в Эрец, Берл сразу же попал в водоворот общественной жизни. Дни и вечера проходили в непрерывных совещаниях — их столько раз откладывали сначала из-за отсутствия Берла, потом из-за участия Берла и Бен-Гуриона в сионистском конгрессе в Карлсбаде. Внутри Ахдут ха-авода раздавались голоса, требовавшие роспуска партии ввиду создания Гистадрута и передачи партийных функций Гистадруту.

23 кислева 5683 года (декабрь 1922 года) состоялся третий съезд Ахдут ха-авода. Главный обсуждавшийся вопрос — быть или не быть партии. Берл решил этот вопрос положительно. Он считал, что партия должна служить авангардом Гистадрута,

его организационной силой, которая поведет Гистадрут на решение задач, поставленных первоначально перед Ахдут ха-авода.

Два месяца спустя состоялся съезд Гистадрута. На этот раз он собрался в Яффе, в разгар экономического кризиса. На съезде было многолюдно и пестро. Приехали уважаемые гости: Эйнштейн, Магнес, Ахад-Гаам. Зал заседаний был полон до отказа, у входа толпились люди. Ощущалась глубокая связь делегатов съезда с массами, живой интерес ко всему, что происходило на сцене. Все это весьма удивило гостей из-за границы.

Второй съезд Гистадрута принял важнейшие решения, определившие дальнейший путь Гистадрута, весь его будущий облик. Здесь была создана "Хеврат-овдим" ("Трудовое общество") с двумя ее дочерними филиалами: общество по рабочему поселенчеству и акционерное общество для организации общественных работ и строительства. На съезде был утвержден кодекс, определявший права и обязанности члена Гистадрута, устанавливавший товарищеский суд и прочие детали. Был подробно расписан статут всех учреждений Гистадрута, оставалось лишь претворить его в жизнь... Была установлена система зарплаты в учреждениях Гистадрута, основанная не на профессиональной квалификации, а на количестве членов семьи. Был положительно решен вопрос об участии Гистадрута в Амстердамском профессиональном Интернационале и, тем самым, гарантирована связь Гистадрута с международным рабочим движением, но в то же время связь эта не носила политического характера, что было бы неизбежно в случае присоединения к Социалистическому Интернационалу.

Берл был удовлетворен итогами съезда: "Этих решений хватило бы на десяток гойских съездов", — писал он Элияху Голомбу, находившемуся тогда в Вене. Вместе с тем церемониальная обстановка съезда не пришлась Берлу по душе. В записную книжку он раздраженно занес отрывистые строки: "Языческие

обычай. Тут и парламентские дебаты, и аплодисменты". Сердило его и внимание, оказанное "мопсам" — членам тогдашней коммунистической партии — и их речам. Во главе этой партии стоял Даниэль (Зеев Авербух) — блестящий полемист, сумевший превратить схватку с левым крылом в центральное событие съезда. Его поддержали Рибоцкий и Зеев Абрамович, которые в недалеком будущем создадут левую партию Поалей Цион. Берлу были малоприятны аплодисменты, которыми награждали участники съезда левых ораторов, да и сама форма прений в духе европейской демократии, предоставлявшая возможность высказаться всем противникам съезда, насколько бы далеко ни заходила их критика. Берл не объяснял, какую форму дебатов предпочитает, но видно, ему хотелось, чтобы крайние левые не могли принимать в них участия.

Журналисты, особенно корреспонденты зарубежных газет, обращали на шуточки Даниэля больше внимания, чем на серьезные, программные речи Бен-Гуриона, Табенкина и Берла. Таким образом, высказывания левых ораторов приобретали большее значение, чем выступления лидеров Ахдут ха-авода.

Возможно, раздражение из-за бессмысленной дискуссии побудило Берла внести крайне резкие предложения об исключении "мопсов" из Гистадрута. В своей речи на съезде Берл высказался за то, чтобы в Гистадруте существовала свобода мнений и действий. Казалось бы, это означает, что нельзя исключать крайних левых из Гистадрута из-за высказанных ими мнений. Однако Берл тут же подчеркнул, что эти люди распространяют о Гистадруте клевету, обвиняют его в шовинизме, сеют вражду и рознь между еврейскими и арабскими рабочими, а потому такое положение терпеть нельзя.

"Парламентская дискуссия", действительно, казалась Берлу излишней, даже вредной с воспитательной точки зрения. Свобода мнений, свобода споров — да, но до тех пор, пока она не выходит за рамки общих

конструктивно-социалистических идей.

Резолюции съезда были сформулированы руководителями Ахдут ха-авода, в первую очередь, самым Берлом, который, по традиции, составлял тексты всех проектов резолюций. Берл снова взялся за редактирование "Кунтрес", причем в очень сложных условиях — без чьей бы то ни было помощи, не имея настоящего досуга для писания. Он был также избран в состав правления "Машбира". Создатель "Машбира" Меир Рутберг подал в отставку, видимо, обиженный пренебрежением товарищей, и Берл вызвался помочь ему.

К тому времени деятельность "Машбира" уже приобрела большой размах, он сделался важным фактором экономики страны, постепенно накапливая капитал и служа одним из главных посредников в рабочем хозяйстве. В вопросе накопления капитала и становления самостоятельного рабочего хозяйства Берл держался истым "капиталистом".

В то же время Берл самоотверженно работал в банке ха-Поалим, являясь там во многих отношениях центральной фигурой. Но и этим не ограничивалась деятельность Берла. Поскольку Бен-Гурион с головой ушел в дела Гистадрута, Берл стоял во главе Ахдут ха-авода, служа Бен-Гуриону наставником и "отцом-исповедником". "Кунтрес" был голосом голодного, потерявшего работу рабочего. Собирая материалы, Берл колесил по всей стране. Субботними вечерами он проводил "товарищеские беседы" в глубинке, не боясь критики, раздававшейся по адресу рабочего движения. Темы этих бесед были мрачными, тяжелыми — самоубийства, слабость Гистадрута, — но люди слушали Берла со страстью.

1 мая 1923 года Берл положил начало традиции, которой суждена была долгая жизнь: он выступил с речью в кинотеатре "Эден", самом большом тогда зале Тель-Авива. Он не имел привычки записывать всю речь, а только набрасывал для себя тезисы, опорные точки и крылатые слова, которые служили

ему вехами при выступлении. Первомайские речи Берла стали необходимым элементом праздника. Когда будет построен Народный дом (Бет ха-ам), каждое 1 мая в его просторном дворе станут собираться тысячи людей и терпеливо ожидать появления Берла, а затем слушать его, выстаивая, таким образом, по нескольку часов на ногах.

Между Берлом и слушателями почти всегда сразу же устанавливалась чуть ли не мистическая связь, которая заведомо искупала все изъяны его красноречия. Говорил он быстро, иногда прерываясь, чтобы выпить глоток воды. Берл вовсе не был пламенным оратором и даже не пытался "зажигать сердца" — речь его была простой и негромкой. Так как же, спрашивается, удавалось ему завлечь в невидимые сети стоящую вокруг него толпу, чем мог он очаровать ее — в этой тесноте, безо всяких технических ухищрений, даже без микрофона? В письме к своему брату, Моше Чертоку, Ривка Хоз так описывает Берла: "Он устроен так, что слышит любой стон, чувствует боль каждого". Подобное ощущение возникало у многих. Да и сам Берл испытывал его. "Сознание того, что можно хотя бы словами облегчить чье-то страдание, проявив немного заинтересованности, когда люди почему-то ждут от тебя чего-то необычного, возлагают неоправданные надежды на твои слова, — обязывает ко многому, и я подчинюсь чувству и этим отношениям".

В отличие от Бен-Гуриона, который находил огромное удовлетворение в лихорадочной деятельности и чувствовал себя у руля Гистадрута как рыба в воде, Берл точно против своей воли исполнял обязанности партийного работника, будто его на аркане тащили. Товарищи носили его на руках, считая незаменимым, а он глядел на себя и свою жизнь со стороны с горькой усмешкой человека, понимающего, как теряется его истинный облик, как стирается в коллективе его индивидуальность.

Если для Бен-Гуриона духовная жизнь и жизнь

общественная составляли нераздельное целое, то для Берла это были два отдельных мира. Отгороженность его личного мира от общественной жизни, с которой он себя отождествлял, возбуждала в его сердце боль бессилия, оттого, что миновали те дни, когда он мог сбежать от общественной жизни и забиться в свой угол. Он капитулировал перед своим вторым "я" — "я" вождя. Возможно, это произошло оттого, что он, в сущности, не мог жить без тотальной вовлеченности в общественные дела, а может, после смерти Сары сердце Берла уже не способно было трепетать от мук любви, и он находил компенсацию образовавшейся душевной пустоты в безраздельной преданности своей партии. В течение последних лет жизнь Берла все более неразрывно сплеталась с рабочим движением. От прошлого у Берла остался разве что саркастический взгляд на вещи да любовь к самоистязаниям.

1923 год был кризисным для Третьей алии. В тот год произошел раскол в Эйн-Хароде. В 1921 году на Сионистском конгрессе в Карлсбаде был утвержден план Шломо Левковича (Лави) о создании "большой квуцы" на землях Нуриса, только что приобретенных Керен каемет. Как только представилась возможность начать работу в соответствии с планом Левковича, молодежь Третьей алии, входившая в состав трудового батальона, немедленно развернула поселенчество в Изреельской долине, неподалеку от источника Харод. В короткий срок было создано два опорных пункта — Эйн-Харод и Тель-Йосеф. К Трудовому батальону присоединились ветераны Второй алии во главе с Ицхаком Табенкиным и Шломо Левковичем. Для Табенкина переселение в Эйн-Харод решало семейные проблемы, давая ему свободу, жизненно важную для его общественной деятельности.

Но сплав молодежи и ветеранов Второй алии не удался. Начались конфликты между руководителями трудового батальона во главе с Элкиндром и группой рабочих-ветеранов во главе с Левковичем, которого поддержал Табенкин. Экономические трудности, пре-

следовавшие Трудовой батальон, как и все рабочее население Эрец в тот период, лишь усиливали взаимные обвинения. Как всегда бывает в замкнутом небольшом обществе, члены которого очень тесно связаны между собой, раз вспыхнувший конфликт вскоре обострился до такой степени, что жить вместе уже было невозможно.

После того, как Шломо Левкович обратился в сельскохозяйственный центр с жалобой на руководителей Трудового батальона, обвиняя их в использовании денег, предназначенных для Эйн-Харода, на покрытие дефицита, возникшего в других группах батальона, сельскохозяйственный центр направил на место комиссию по расследованию, которая попыталась было урегулировать конфликт. Элкинд готов был пойти на компромисс при условии, что будет сохранен принцип общей кассы, обеспечивающей равные жизненные условия во всех группах Трудового батальона.

Раздел перерос в спор между идеей "большой квуцы", выдвинутой Левковичем, и принципом киббуца, имеющего филиалы по всей Эрец-Исраэль, который отстаивал Элкинд. На первый взгляд спор этот имел чисто теоретический характер. На деле же это было соперничество лидеров Второй и Третьей алии за господство. Тот факт, что руководство Гистадрута, Бен-Гурион и Ремез, откликнулось на жалобу Левковича, а затем встало на сторону Табенкина в борьбе против большинства Трудового батальона, был воспринят его членами как попытка "стариков" навязать свою волю молодежи. За отвлеченными идеологическими установками скрывалась решимость лидеров Трудового батальона отстаивать право на собственный путь, их отказ подчиниться авторитету "отцов движения".

В ноябре 1922 года, когда Берл вернулся в Эрец, кризис уже был в разгаре и загладить произошедший раскол было невозможно. Берл несколько раз побывал в Эйн-Хароде и с семейными, и с ознако-

мительными визитами, но, по-видимому, не произвел особого впечатления на членов Трудового батальона. Руководство батальона было исключительно сплоченным, что мешало посторонним оказать на него какое-либо влияние. Даже и не посторонние люди, как Табенкин, имели лишь ограниченное влияние. Впоследствии Берл рассказывал, что он предлагал свое посредничество в конфликте, но члены батальона отвергли это предложение. Кажется, Берл никогда более не испытывал подобного оскорбления.

Много лет спустя Берл, заново перебирая в уме историю конфликта с Трудовым батальоном, винил себя и своих друзей в неумении привлечь молодых, понять их души. Но до этих самообвинений он дошел уже задним числом. А в разгар событий он слишком болезненно переживал оскорбление и потому не мог смотреть на происходящее глазами постороннего наблюдателя. Он отнесся к бунту молодежи против авторитета руководителей Гистадрута с непониманием и гневом.

Раскол в Трудовом батальоне произошел одновременно с провалом попыток объединить Цейрей Цион и Поалей Цион в диаспоре. И история развала батальона, и все перипетии неудавшегося объединения Цейрей Цион и Поалей Цион подводили Берла к одному выводу: вожди Ахдут ха-авода должны воспрепятствовать образованию промежуточного руководства, которое может вклиниться между ними и халуцианской молодежью как в Эрец, так и в диаспоре. А для того, чтобы обеспечить сплочение молодежи вокруг партийного ядра, следует активно взяться за шефство над молодежной организацией. Централистская политика Ахдут ха-авода, политика собирания вокруг себя всех находящихся на периферии общественных групп, особенно молодежных, основывалась на уроках 1923 года.

Со временем излишнюю централизацию, установившуюся в Гистадруте, станут приписывать воле его секретаря Бен-Гуриона. Берл остался плюралистом, а

потому и децентралистом. Действительно, Берл являлся плюралистом и полагал, что плюрализм внутри рабочего движения — это единственный способ гарантировать этому движению широкий охват рабочих масс. Плюрализм отвечал его душевной структуре, отрицавшей всякий догматизм. Берл подтрунивал над солидными учениями, в открытую издевался над застывшими формулами и очень ценил оригинальное мышление. Но это отнюдь не означает, будто он считал, что движение создается самотеком, снизу, из самоорганизующихся групп. Берл стремился создать централизованное движение, заключить его в четкие рамки. Плюрализм — да, но плюрализм, исходящий из признания авторитета руководства, его направляющей роли. Пора Второй алии, пора творческой анархии миновала.

Берл был занят сверх головы. Весной 5683 (1923) года снова стал выходить в свет "Кунтрес", издание которого прекратилось год назад, когда Берл находился в Соединенных Штатах Америки. Первый номер вышел в марте 1923 года. Берл стремился отразить на страницах журнала тяжелое экономическое положение рабочих. "Нужда" — так называлась опубликованная в первом номере статья самого Берла, где он призывал руководителей Всемирной сионистской организации и состоятельных людей ишува помочь безработным в Эрец-Исраэль.

Еженедельный выпуск "Кунтрес" в тяжелейших условиях 1923 года требовал больших усилий. Берл нес бремя этой нелегкой задачи почти в одиночку. Времени вечно не хватало, Берл сочинял короткие заметки буквально в последнюю минуту и они, еще "горячие", шли в печать. О спокойном, систематическом писании статей и речи быть не могло.

В июле 1923 года пленум Исполкома Ахдута-авода избрал Берла делегатом партии на съезды, которые должны были состояться в Европе: сперва на шестой съезд Союза Поалей Цион в Берлине, затем на 13 Сионистский конгресс в Карлсбаде и, наконец,

на конференцию нового, еще не родившегося Объединения в поддержку рабочих Эрец-Исраэль.

Не приходилось сомневаться, что шестой съезд Поалей Цион будет не менее бурным, чем предыдущие. Съезд проходил под знаком наступления на Ахдут ха-авода европейских партий, начиная с австрийской и кончая польской. На сторону Ахдут ха-авода встала американская делегация, иногда по тем или иным вопросам поддерживали ее другие делегации.

Съезд длился шесть дней и шесть ночей. К концу Берл был абсолютно выжат, разбит, съезд оставил у него впечатление "кошмара". Отношения между Ахдут ха-авода и Поалей Цион он описывал в таких выражениях: "Это чета, где каждый из супругов просто не может не портить жизнь другому. Только когда горечь и оскорбления уже перешли все границы, наступает усталость, а с нею уступчивость и возможность примирения".

Полемика вертелась вокруг двух взаимосвязанных вопросов — языка и объединения с Цеирей Цион. Тактика противников объединения заключалась в том, чтобы с помощью жестких резолюций по вопросу об иврите добиться отказа Цеирей Цион от воссоединения. В конце концов были приняты решения, в которых сохранялось некое равновесие между позициями идишистов и гебраистов и чаша весов даже склонялась в сторону последних.

Был в работе съезда и драматический момент, когда делегация Ахдут ха-авода встала и покинула зал заседаний. Произошло это после того, как было принято предложение Аншеля Рейса, представителя польской секции Поалей Цион, о введении обязательного курса идиш в палестинских школах. Но тут Шломо Капланский устремился вслед за делегатами Ахдут ха-авода и уговорил их вернуться.

Однако самые тяжкие минуты съезда пришлось на дискуссию об объединении с Цеирей Цион. Прения продолжались всю ночь.

Единственным достижением в вопросе об объеди-

нении с Цеирей Цион было учреждение комиссии в составе Ремеза, Локера и Капланского, которой было поручено подвести итоги дебатов и окончательно решить вопрос об объединении. Берл ушел с заседания измотанным от нескончаемых словопрений, от взаимных оскорблений и враждебности сторон.

Подчас и сам Берл вступал на съезде в острую полемику. Былая робость, свойственная ему во время первых встреч с членами Союза, когда он чувствовал себя случайным человеком в Поалей Цион, исчезла без следа. Он твердой рукой направлял делегацию Эрец-Исраэль, проявлял рассудительность и талант в переговорах, умение гладко сформулировать текст резолюции, заранее устранить возможные противоречия. Анализ решений съезда показывает, что по большинству вопросов была принята точка зрения делегации страны.

Вся эта борьба стоила Берлу огромных душевных сил, доставила ему множество неприятных переживаний, истощила терпение. Только по прошествии нескольких недель, особенно после того, как благополучно завершилась конференция в поддержку рабочих Эрец-Исраэль, где вокруг знамен Гистадрута сплотились семь профсоюзных организаций диаспоры, обязавшихся совместно оказывать помощь рабочим страны, — только после этого Берл сумел положительно оценить итоги летних съездов 1923 года.

В промежутке между съездом Поалей Цион и конференцией в поддержку рабочих Эрец-Исраэль состоялся 13 Сионистский конгресс. Из трех указанных форумов он произвел на Берла самое слабое впечатление. "Публика и благоговейное настроение в зале подобали скорее молитве Кол-Нидре. Сам спектакль был, пожалуй, впечатляющим. Только вот ведущие актеры на поверку оказались совсем незначительными".

На этом конгрессе Берл усвоил привычку, которой твердо держался на всех последующих сионистских конгрессах: "Я стараюсь отбояриться от любого

мандата, от любой политической должности, — писал он сестре, — фракционные дразги опротивели мне до крайности, я не способен ими заниматься”. Скверное настроение Берла вытекало из отказа Поалей Цион участвовать в конгрессе в составе объединенной делегации с Цеирей Цион. В последующие годы у Берла появятся другие доводы, весьма разнообразные и многочисленные, но факт остается фактом — он никогда не будет участвовать в Правлении Всемирной сионистской организации.

Работа ”комиссии трех” не принесла никаких результатов, так как ее члены — Берл, Локер и Капланский — отказались принять в объединенный Союз литовскую партию Цеирей Цион, поскольку она была насквозь ивритской и располагала сетью ивритских школ.

На этот раз Берл решил вести борьбу по-своему. Четвертый съезд Ахдут ха-авода проходил в Эйн-Хароде (8—16 ияра 5684 — 12-20 мая 1924 года). Надежный оплот Ахдут ха-авода, киббуц Эйн-Харод не только был хозяином съезда. Его члены составляли благодарную аудиторию, живо откликавшуюся на речи своих любимцев, в том числе, конечно, Берла. Съезд торжественно открылся пением ”Интернационала” к великой радости трех заграничных гостей, представителей Союза Поалей Цион — Капланского, Локера и Рубашова, для которых само проведение съезда уже было многообещающим. Рубашов, открытый и непредубежденный по натуре, был очарован увиденным, чудесами Изреельской долины и всей земли Израиля, и собирался остаться в Эрец. Было заранее ясно, что он займет компромиссную позицию, попытается примирить две враждующие группировки.

Берл открыл съезд горячей речью, посвященной задачам Ахдут ха-авода и повестке дня съезда. Приласкав левых, Берл тут же протянул руку правым, упомянув о ”наших товарищах, стоящих долгие годы на страже идеалов в диаспоре”, которые ”на этот раз сидят с нами за одним столом”.

Приветствуя их, он одновременно напомнил о требованиях трудящихся масс Эрец-Исраэль к движению Поалей Цион. Надо полагать, что слушатели восприняли эти его слова с воодушевлением. Он, как всегда, точно выразил их чувства. Они не сомневались, что составляют ударный отряд движения Поалей Цион и всего еврейского народа.

К Капланскому и Локеру эта аудитория была не слишком благосклонна. Большинство делегатов съезда составляли представители рабочих поселений. Они были близки по духу к "беспартийным объединениям" прежних лет и не испытывали особой нежности ни к старым бороховским формулам, ни к Союзу Поалей Цион.

Буря разразилась вокруг предложений, внесенных Капланским, о разработке подробных конкретных планов в области политики. Суть этого плана заключалась в созыве всепалестинского парламента, нижняя палата которого будет отражать количественный состав населения, где, разумеется, окажется арабское большинство, а в верхней палате число арабских и еврейских депутатов будет равным. Этот план должен был служить противовесом предложениям верховного наместника Палестины Герберта Сэмюэла о создании Законодательного Совета и представить только что пришедшему к власти в Англии лейбористскому правительству положительную альтернативу в решении вопроса о конституции Палестины.

Подавляющее большинство членов Ахдут ха-авода сразу отвергло план Капланского, исходя из самых разных побуждений. Берл был единственным, кто, не ограничиваясь огульным отрицанием этого плана, подверг его саркастическому анализу, иронизируя над двумя его защитниками, Капланским и Локером. Прочитывая афоризм Сыркина о том, что еврейские социалисты в своих спорах с марксистами сползают влево и "подгоняют теорию к нуждам дискуссии", Берл показал, что предложение Капланского является результатом неудобного положения, "в которое наши

товарищи частенько попадают в своих отношениях с внешним миром, где им приходится объяснять наши дела". Так что предложение это имеет чисто пропагандистскую цель — понравиться лондонским социалистам. Берл не оставил камня на камне от мнимой демократичности предложений Капланского и в заключение сказал, что место их — в архиве.

После того, как предложение Капланского было подвергнуто столь сокрушительному разгрому и участники съезда дали недвусмысленно понять дорогим гостям, что они всего лишь посторонние, которые вмешиваются не в свои дела, не понимая их сути, дискуссия переключилась на вопрос об объединении Поалей Цион и Цеирей Цион. Дискуссию открыл Залман Рубашов. Его простая, лишенная каких-либо эффектов речь сводилась к следующей многозначительной дилемме: "Одни надеются, что объединение укрепит наше движение и оно сможет лучше выполнять стоящие перед ним задачи; другие опасаются, что объединение может настолько ослабить наше движение, что оно просто утратит свой характер".

Затем слово взял Берл. Его выступление резко переместило центр тяжести дискуссии с вопроса об объединении на вопрос о месте Ахдут ха-авода в Союзе Поалей Цион. Берл с самого начала отметил, что "присутствие товарищей из-за границы не только позволяет, но и обязывает нас обнажить все язвы, честно и беспощадно, безо всяких экивоков изложить суть дела". В дальнейшей своей речи Берл выполнил это обещание.

Берл изложил слушателям все перипетии отношений между Союзом Поалей Цион и Ахдут ха-авода с самого момента возникновения партии и ее присоединения к Союзу. Он обвинил Союз Поалей Цион в пассивном отношении к нуждам Эрец-Исраэль, в заискивании перед левацкими течениями. Берл заявил, что Союз зачастую действует не в интересах сионистского рабочего движения, а в соответствии с настрое-

ниями, господствующими в тех кругах, которые либо сдвинулись влево, либо пребывают в хронической нерешительности. Он указал, в частности, на партию Восточной Галиции, вернувшуюся в Союз после раскола 1921 года, которая с тех пор удостоилась "особого отношения" со стороны руководства Союза, опасаящегося, как бы она снова не откололась. Именно ради нее, подчеркнул Берл, объединение с Цеирей Цион было сначала отклонено, а затем были выставлены условия, сделавшие его невозможным. Апогеем этой беспрецедентной политики являлся, по мнению Берла, отказ объединиться с движением Цеирей Цион Литвы только по той причине, что оно проповедует обучение на иврите.

Берл выдвинул перед представителями Союза Поалей Цион два требования. Первое — "чистка Союза, направленная на новый раскол и выход из Союза партии Восточной Галиции" и "пусть не суются к нам примирители и сторонники организационных компромиссов". Второе — свобода агитационной и воспитательной работы на иврите в странах диаспоры. Берл закончил свою речь скрытой угрозой: "Пусть Союз не забывает, что его сила в Ахуд ха-авода, а не за ее пределами".

На атаку Берла ответил Локер. Он взволнованно говорил о тяжелейших душевных переживаниях, о величайших жертвах, принесенных членами Поалей Цион во время венского раскола. Но эта тема заведомо не могла произвести на делегатов съезда никакого впечатления. Их не трогали душевные терзания членов Поалей Цион, они разделяли убеждение Берла в том, что движение, не сумевшее послать в Эрец халуцим, не имеет права говорить о своей принадлежности к строителям Эрец-Исраэль.

Заключительное слово Бен-Гуриона являлось, по существу, парафразом речи Берла, лишь в менее впечатляющем стиле. Похоже, что не только гости, но и давнишние члены Поалей Цион были задеты бурным натиском Берла и, видимо, даже полагали,

что причина его в чуждости Берла Союзу Поалей Цион, ибо Бен-Гурион нашел нужным отметить: "Берл говорил более мягко, так как он состоит в движении Поалей Цион лишь в течение пяти лет. Но если б эту речь произносил я, вы бы услышали много гораздо более резких слов, ибо я член этого движения вот уже двадцать лет и потому хорошо знаю все его недостатки".

Съезд призвал к объединению "безо всяких ограничений свободы воспитательной работы на языке иврит в странах диаспоры". Объединение должно было осуществиться в исключительно короткий срок, если же этого не произойдет, Ахдут ха-авода оставляла за собой право поступить по собственному усмотрению и поддержать связи с Союзом Цеирей Цион и прочими сионистско-социалистическими кругами. Угроза Берла, которую повторил и развил Бен-Гурион, о возможности выхода Ахдут ха-авода из Союза получила, таким образом, официальное подтверждение. Итак, Бен-Цви и Блох, сумевшие помешать Берлу оказать давление на руководство Поалей Цион в Берлине, не смогли сделать этого в Эйн-Хароде. Здесь победил прочный союз, образовавшийся в дни создания Ахдут ха-авода.

В 1925 году Поалей Цион и Цеирей Цион наконец объединились и вопрос этот был снят с повестки дня, перестав беспокоить и Берла, и всю партию.

**”Давар”
1925 год**

1 июня 1925 года во второй половине дня возле типографии ха-Поэл ха-цаир в Тель-Авиве собралась группа рабочих. На лицах у всех было такое выражение, которое бывает у родственников, ожидающих известия о новорожденном. И вправду, примерно через час после назначенного срока родилась первая ежедневная рабочая газета в Эрец — ”Давар”.

На первый взгляд создание газеты ”Давар” являлось естественным шагом в развитии движения, которое уже со времен Второй алии отличалось сильной публицистикой и внутренней потребностью выражать свои помыслы, деяния и сомнения в печати. Более, чем в каком-либо ином общественном слое ишува, ощущалась в рабочей среде нужда в литературе, в просвещении, в обмене мнениями — свидетельство непролетарского происхождения рабочего класса Эрец-Исраэль. Вера в силу произнесенного, а тем более печатного слова была неотъемлемой частью веры в исправление общества, в воспитание нового человека, который поднимется на более высокую ступень гуманизма и общественной жизни. Поэтому печатное слово считалось исключительно эффективным и важным оружием в борьбе за рабочее дело, за верность идеалам сионистского рабочего движения, в схватках между ними и его противниками справа и слева.

С самого образования Ахдут ха-авода Берл выпускал партийный еженедельник ”Кунтрес”. Параллельно с изданием ”Кунтрес” Берл и его товарищи отважились

взять на себя выпуск литературного журнала "Ха-адама", главным редактором которого стал Бреннер.

Первым результатом интереса Берла к труду редактора и издателя был сборник "В работе". Вкус редактора, его стремление к оригинальному, образному и простому языку, его отвращение к пустому краснобайству и лицемерию ощущались читателями на любой странице сборника "В работе" и последовавшего за ним "Кунтрес".

Однако журнал "Ха-адама" перестал выходить после гибели Бреннера, а "Кунтрес" был сугубо партийной газетой, которую читали только сторонники Ахдут ха-авода. А Берл тем временем вынашивал честолюбивые планы — он мечтал проникнуть в каждый дом, дойти до каждого рабочего, убеждать их своим словом, привлекать их умы и сердца к своему движению.

Идея создания гистадрутовской газеты витала в воздухе с самого создания Гистадрута. В период пребывания Берла в Соединенных Штатах вышел в свет орган Гистадрута "Пинкас". Это был бюллетень, точно и аккуратно фиксировавший все мероприятия Гистадрута и его учреждений, в нем приводились подробные статистические данные. Словом, это была сухая до крайности газета, чтобы прочесть ее от доски до доски надо было хорошенько запастись терпением. Согреть душу читателя такая газета была, разумеется, неспособна. "Пинкас" удовлетворял нужды пропагандистов, снабжая их всевозможными сведениями — о производительности рабочих поселений, о достижениях банка ха-Поалим и тому подобное — и в этом смысле выполнял свою задачу. Но рабочие Эрец тосковали по иной газете, более читабельной, более близкой. Многие из них явно и тайно грешили чтением "правой" газеты "Доар ха-иом", издававшейся Итамаром Бен-Ави*, где

*Итамар Бен-Ави, сын Элизера Бен-Иехуды, пионера возрождения иврита в качестве разговорного языка, считается

можно было найти ту сочную сенсационность, которой так недоставало "Пинкасу" и даже (к чему отрицать?) скромным страничкам еженедельника "Кунтрес".

Похоже, что с самого своего возвращения из США Берл мечтал об издании ежедневной гистадрутовской газеты. Прежде всего, он, по всей вероятности, убедил Бен-Гуриона, бывшего тогда секретарем Гистадрута, в важности этого дела. Затем по инициативе Берла 2-й съезд Гистадрута принял принципиальную резолюцию о выпуске гистадрутовской газеты. Однако осуществлению этой резолюции мешал скромный бюджет Гистадрута. Многие члены Исполнительного комитета Гистадрута сомневались в том, что рабочее движение способно взять на себя расходы по изданию ежедневной газеты.

Следует помнить, что это была пора кризиса Третьей алии, когда пошли на убыль иммиграция и поселенчество. Рабочие группы — квуцот — терпели страшную нужду, а рабочие учреждения преследовало безденежье. В такой-то атмосфере Берл выступил на заседании Исполнительного комитета Гистадрута и заявил, что настало время издания ежедневной газеты, что это дело первостепенной важности с точки зрения социализма и сионизма. С твердокаменным оптимизмом он утверждал, что выпуск 1500 экземпляров новой газеты окупит расходы на издание, и даже наметил дату выхода газеты в свет — Песах 5684 (1924) года, то есть примерно через полгода. Похоже, что присутствовавшим пришлось скрыть все возникавшие у них сомнения — то ли потому, что, поддавшись воодушевлению Берла, они сочли издание газеты действительно важным делом, то ли просто потому, что Берлу было трудно отказать, особенно когда речь шла о его заветном желании. Как бы то ни было, Исполнительный комитет Гистадрута избрал комиссию, в которую входили: представитель ха-Поэл

первым современным евреем, для которого иврит являлся родным языком. (Прим. перев.)

ха-цаир Иосеф Аронович, пользовавшийся всеобщим уважением, и представитель Ахдут ха-авода Михаэль Асаф, отвечавший за культурную работу. Комиссии было поручено тщательно изучить вопрос об издании газеты и представить свои выводы Совету Гистадрута.

”Изучение вопроса” заняло довольно много времени. Лишь на 10 пленуме Совета Гистадрута, весной 1924 года, было принято решение о назначении члена Гистадрута Берла Кацнельсона редактором гистадрутовской газеты. Предполагалось, что он будет не единственным редактором. В редакционную коллегию должны были входить еще двое — по-видимому, один представитель ха-Поэл ха-цаир и один — Ахдут ха-авода. С представителем Ахдут ха-авода никаких сложностей не предвиделось — Берл мог выбрать кого пожелает. Но избрание второго члена редколлегии представляло проблему — ведь оно зависело от решения ха-Поэл ха-цаир.

Партия ха-Поэл ха-цаир предложила кандидатуру своего постоянного редактора Ицхака Луфбана. И тут разразился скандал: Берл наотрез отказался работать с ним. Заявление Берла, забравшего вполне уважаемого, хотя и не слишком популярного деятеля ха-Поэл ха-цаир, возмутило членов этой партии, и потребовалось немало дипломатического искусства, чтобы устранить возникшие препятствия. Наконец порешили на том, что редколлегия будет состоять из главного редактора (Берла) и еще четырех членов — по двое от каждой партии. Ха-Поэл ха-цаир должны были представлять Арлозоров и Аронович. Но Луфбан не простил Берлу оскорбления. В издаваемой им газете ”Ха-поэл ха-цаир” появилась 26 декабря 1924 г. статья, где руководители Ахдут ха-авода обвинялись в том, что они используют трибуну Гистадрута для клеветы на ха-Поэл ха-цаир. В доказательство Луфбан приводил слова, якобы произнесенные Бен-Гурионом и Берлом на собраниях, состоявшихся в ту неделю. Берл не прошел мимо обвинения Луфбана.

Утверждение о том, что он якобы использует трибуну Гистадрута в партийных целях, задело Берла за живое. Он ни за что не соглашался, чтоб его считали узколобым партийным функционером, и тут же послал в адрес "Ха-позл ха-цаир" следующее заявление: "Довожу до вашего сведения, что слова, приписываемые мне И. Луфбаном в его статье "Мнение", напечатанной в 12-м номере газеты "Ха-позл ха-цаир", — это лживые измышления от начала до конца". Издателей "Ха-позл ха-цаир" такое письмо, разумеется, не удовлетворило, и они, по обычаю журналистов, всегда оставляющих за собой последнее слово, опубликовали письмо Берла, снабдив его "Примечанием от редакции". Это примечание, являвшееся "опровержением на опровержение", несомненно, лишь подлило масла в огонь. Прочитав примечание редакции "Ха-позл ха-цаир", оскорбленный Берл тут же послал в Исполнительный Комитет Гистадрута заявление об уходе в отставку с поста главного редактора (в будущем он не раз будет прибегать к этому тактическому приему в критических ситуациях). Берл мотивировал свое решение уйти в отставку тем, что статья Луфбана свидетельствует о недоверии к нему со стороны партии ха-Позл ха-цаир. Личные нотки в заявлении об отставке, понижывающее его чувство оскорбленного достоинства, наконец, тот факт, что Берл обуславливал продолжение своей общественной работы проявлением доверия к нему как к человеку — все это было как нельзя более характерно для Берла Кацнельсона.

Берл был одним из немногих, если не единственным деятелем рабочего движения, отношение товарищей к которому можно было бы определить словом "любовь". Находились у него, конечно, и ненавистники, например, тот же Луфбан, которому Берл платил полной взаимностью. Но люди, связанные с Берлом дружескими узами, испытывали к нему гораздо более глубокое чувство, нежели то, что обычно называют хорошими отношениями между сотрудниками. Всеоб-

щая любовь к Берлу была столь велика, что нападки на него со стороны политических противников воспринимались как поступок из ряда вон выходящий, непростительный. Само собой разумеется, что Берла надо уговорить, задобрить. Невозможно было и думать о том, чтобы Берл ушел в отставку, сама мысль о том, что Берла оскорбили, была для многих его товарищей абсолютно невыносима. Как говорилось выше, Берл вел себя так, будто любой выпад в его адрес — это личное оскорбление. В поведении Берла была какая-то женственность, нечто, заставляющее жалеть его, соглашаться с ним.

Таково, например, было отношение к Берлу Бен-Гуриона. Жесткий и суровый Бен-Гурион, к которому никто из его товарищей никогда не питал и тени человеческой теплоты, характеризовавшей их отношение к Берлу, который, казалось, никогда ни в ком не нуждался, — этот самый Бен-Гурион бросался на защиту Берла, словно ощущая потребность оградить его от человеческой злобы, или, может, просто стремясь таким образом обеспечить возвращение Берла к общественной деятельности.

Как бы то ни было, получив заявление Берла об отставке, Бен-Гурион поставил вопрос о клеветнической статье Луфбана на обсуждение Исполнительного Комитета Гистадрута. Исполнительный Комитет, где члены Ахдут ха-авода и кружка Бергмана — члена ха-Поэл ха-цаир и личного друга Берла — составляли большинство, постановил рассмотреть статью Луфбана, оскорбляющую ответственных работников Гистадрута, на товарищеском суде Всеобщей конфедерации трудящихся.

До этого скандала Берл довольствовался положением первого среди равных в будущей редакции, которая должна была формироваться на паритетных началах из представителей обеих партий. Теперь дело приобрело другой оборот.

Заявление Берла об отставке рассматривалось на 11-м пленуме Гистадрута, состоявшемся в январе

1925 года. После пленума коллективизм исчез из редакции будущей газеты навсегда. Берл был назначен единственным редактором. Пленум принял также пожелание Берла о том, чтобы редактор был ответственным не перед Исполнительным Комитетом, а лишь перед съездом Гистадрута. Эти достижения имели первостепенное значение: была гарантирована самостоятельность газеты и ее независимость от исполнительных органов Гистадрута. Редактор газеты стал привилегированным лицом, избираемым непосредственно на съезде Гистадрута (который собирался не так уж часто), и потому не зависящим от отношения к нему товарищей по партии.

Со временем начнут утверждать, что Берл с самого начала добивался положения ответственного редактора и отмены паритета в составе редакции. Однако это мнение, по-видимому, не находит подтверждения в источниках рассматриваемого периода. Если бы члены ха-Поэл ха-цаир согласились на одно из первоначальных предложений о составе редакции, Берлу пришлось бы смириться с ее существованием. Другой вопрос, годилась ли бы подобная редакция для долгой и плодотворной совместной работы.

Ясно лишь, что атака Луфбана помогла Берлу, предоставив ему возможность подать в отставку и выступить в роли святого мученика, что повлекло за собой необходимость умиловить его ценой отмены редакции. Затем Берл соблаговолил принять пост ответственного редактора, не забыв подчеркнуть свои сомнения и оскорбленное самолюбие: "Если меня станут насильно впрягать в это дело, у меня, может, и не хватит сил отказаться, но у меня нет никакой уверенности в том, что в таких условиях начинание наше будет успешным". Будь то иной человек, такое вымученное согласие рассматривалось бы как лицемерие. Но Берл не попадал под обычные категории. Пусть враги Берла утверждали, что он ведет двойную игру, бесчисленные его почитатели принимали все происходящее с полным доверием. Даже противники

Берла, члены ха-Поэл ха-цаир, опасались задеть его лично и старались выставлять деловые требования, не переставая утверждать, что полностью доверяют Берлу. Такое необычное положение, когда противники Берла больше всего боялись задеть его, возникло, безусловно, благодаря особым отношениям, сложившимся вокруг Берла, благодаря его огромному личному обаянию.

Как только пленум Гистадрута принял решение о безотлагательном выпуске газеты и назначении Берла ее единственным редактором, он энергично взялся за подготовку. Издание ежедневной газеты совсем непохоже на издание ежемесячника или даже еженедельника.

В те дни ишув читал две ежедневные газеты: "Доар ха-иом" Итамара Бен-Ави и умеренную "Ха-Арец", издаваемую "общим сионистом" (впоследствии "прогрессивные сионисты") Гликсоном. Первая из них относилась к "желтой пресс" — сенсационный характер статей был под стать желтоватым ее страницам. Вторая была солидной, приличной и скучной.

Обе эти газеты постоянно находились на грани краха. Поэтому известие о создании новой газеты, которая неминуемо похитит у уже существующих часть читателей, отнюдь не принесло радости издателям "Доар ха-иом" и "Ха-Арец". Существует версия, что Гликсон даже предложил Берлу готовить по своему усмотрению половину полос "Ха-Арец", лишь бы тот отказался от издания газеты для рабочих. Но Берл отклонял все предложения, связанные с отказом от рождения его любимого детища.

Он взял на себя всю тяжесть издательской работы, вникал в ее мельчайшие подробности. Прежде всего — типография. Не успел 11-й пленум Гистадрута принять решение об издании газеты, как Берл поспешил обратиться к Дову Хозу, находившемуся тогда в Голландии, с просьбой закупить печатные станки и типографское оборудование. Целый месяц

бомбардировал он Дова письмами, уговаривая взяться за типографию. К концу месяца Берлу стало ясно, что организация типографии для издания ежедневной газеты — не такое дело, которое можно решить росчерком пера.

Он пришел к выводу, что следует выбрать одну из существующих типографий. В расчет можно было принять типографию "Ахдуд", где печатался "Кунтрес", и типографию Тверского, которая обслуживала "Ха-поэл ха-цаир". Типография "Ахдут", видимо, не отвечала строгим требованиям, связанным с печатанием ежедневной газеты, и потому Берл остановил свой выбор на типографии "Ха-поэл ха-цаир". К середине месяца адара 5685 (1925) года был подписан договор между редакцией газеты, которая все еще оставалась безымянной, и типографией "Ха-поэл ха-цаир".

В марте, после длительных переговоров, было наконец определено название газеты — "Давар". Берл придавал названию исключительно большое значение. Некоторые полагали, что новую газету следует назвать "Ам овед" ("Рабочий народ"), так как это название отражает идею рабочего движения Эрец-Исраэль. Другие считали, что скромное название "Пинкас" вполне подходит рабочей газете. Решающим был голос Бялика, выбравшего "Давар". Само слово "давар" обладает в иврите множеством значений. Прежде всего, "давар" — это "речь", "изречение", "слово". Другой ряд значений этого слова — "дело", "работа", "практика". На них наслаивается третий ряд значений: "пророчество", "видение". Этот сплав значений слова, пророчества и дела, по-видимому, и привлек поэта, предложившего название "Давар".

Газета начинала свое существование без оборотного капитала. Экономические расчеты покоились на предположении, что подавляющее большинство читателей газеты будут составлять подписчики, которые внесут деньги заранее. Поэтому еще до того, как газета вышла в свет, среди рабочих Эрец началась широкая кампания по подписке на нее. Подписались все, кто

мог себе это позволить. Берл с гордостью рассказывал еврейскому писателю из Нью-Йорка Мордехаю Липсону, что на некоторых предприятиях и в отдельных профсоюзных организациях на газету подписалось более половины работников. Надо думать, давление со стороны редакции будущей газеты также повлияло на высокий процент подписчиков. Как бы то ни было, за месяц до того, как "Давар" вышла в свет, Берл уже мог гордиться тем, что у него появилось 3200 подписчиков. "Давар" печаталась тиражом 4500 экземпляров, что равнялось тиражу "Ха-Арец" и "Доар ха-иом" вместе взятых.

Берла волновали не только "низменные" финансовые вопросы, но и "высокие" проблемы ремесла: какие люди станут корреспондентами "Давар" и главное — членами ее редколлегии? В 1924 году в Эрец приехал молодой, широко образованный врач Моше Бейлинсон. Он родился в России, долгие годы учился в Италии и владел, кроме русского, немецким и итальянским языками. После нескольких неудачных попыток заниматься физическим трудом в сельскохозяйственных поселениях Моше Бейлинсон стал работать в редакции "Кунтрес", куда посылал письма еще из Рима. Теперь Берл предложил ему стать членом редколлегии "Давар". Бейлинсон обычно приходил в редакцию, нагруженный кипами зарубежных газет, среди которых главное место занимали газеты Центральной Европы. В иврите он пока еще не блистал и потому писал статьи по-русски, а затем их переводили на иврит.

Кроме Бейлинсона членом редколлегии был избран Залман Рубашов, блестящий знаток иврита и ивритской литературы, обладавший отличным стилем, прекрасно разбиравшийся в проблемах еврейского рабочего движения, многоопытный редактор. К ним Берл присоединил своего старого, еще с времен алии приятеля Давида Заккаи, который вел постоянную колонку в "Кунтрес", а теперь стал публиковать

короткие заметки в "Давар".

Пятым членом редколлегии был Моше Черток. Этот одаренный юноша, воспитанник гимназии "Герцлия", в начале двадцатых годов отправился в Лондон, где стал студентом знаменитой Лондонской экономической школы. В то время в ней учился цвет молодого руководства национально-освободительных движений со всех концов необъятной Британской империи. Берл, знавший Чертока по его корреспонденциям для "Кунтрес", которые тот подписывал псевдонимом "Бен-Кедем", еще летом 1924 года настоял на возвращении Чертока в Эрец, так как хотел, чтобы он занял место в редакции "Давар". Кроме Чертока, в редакции "Давар" не было ни одного человека, знавшего английский и способного переводить сообщения из центров имперской власти.

Собирая штат постоянных сотрудников "Давар", Берл одновременно связался с целым рядом журналистов, писателей и публицистов, статьи которых должны были, по его мнению, придать газете свежесть и остроту. С особой любовью относился Берл к старым опытным писателям, печатавшимся еще в газетах "Ха-Шиллоах", "Ха-олам", даже в "Ха-поэл ха-цаир" времен Второй алии. Прежде всего Берл подписал договоры о сотрудничестве с ветеранами палестинской публицистики Р. Биньямином и Яковом Рабиновичем. Одним из важнейших достижений Берла было согласие Ш. И. Агнона постоянно писать для "Давар".

Затем Берл привлек к участию в газете менее известных писателей и публицистов: Давида Хофштейна — еврейского писателя, приехавшего в Эрец из Советского Союза и пытавшегося осесть в Палестине (в конце концов эти попытки окончились провалом и Хофштейн вернулся в Россию); молодого палестинского писателя Иехуду Бурла, подававшего большие надежды; поэта Цви Гринберга, который, начав писать на иврите, перешел на идиш, увлекшись революционными идеями, но теперь снова вернулся к

ивриту и Эрец-Исраэль; писателя Залмана Ицхака Анохи, также перешедшего на иврит после длительного идишского периода; философа Шмуэля Хуго Бергмана, выходца, в отличие от всех предыдущих, из высококультурной среды пражского еврейства. Если к Бергману Берл относился с нескрываемой симпатией, то про его отношение к Шломо Капланскому этого не скажешь — однако Берл пригласил и его участвовать в "Давар". Старые сотрудники "Ха-поэл ха-цаир", такие как Иосеф Аронович и Азар (Александр Зискинд-Рабинович), также откликнулись на призыв Берла и внесли свой вклад в создание новой газеты.

Выход первого номера "Давар" 1 июня 1925 года стал настоящим праздником. И правда — легко ли сказать — "газета рабочих Эрец-Исраэль". На печатном листе выделялся четкий заголовок, выполненный изысканным шрифтом, который сохранился до наших дней. Не многим известно, что графическая форма заголовка газеты была найдена молодой женщиной, биография которой заслуживет того, чтобы ее описали в романе. Имя этой женщины Лили Цедек. Племянница известного немецкого социалиста Эдуарда Бернштейна, Лили, увлекшись сионизмом, переехала в Эрец в начале двадцатых годов и с тех пор судьба ее неразрывно связана с редакцией "Давар". Особенно тесные дружеские отношения сложились у нее с Залманом Рубашовым и Берлом Кацнельсоном.

Первый, праздничный номер "Давар" был особым — он состоял из шести столбцов, на следующий день газета вышла с пятью столбцами на странице, и форма эта сохранялась долгое время. "Давар" печаталась на четырех страницах, последняя из которых отдавалась под объявления. На первой полосе обязательно имелась передовая статья, которую в первое время писал Берл, а затем Бейлинсон. Рядом с передовицей располагались "телеграммы" со всего света. Постоянным редактором первой полосы являлся Моше Черток.

”Телеграммы” считались бы в большом мире уже достаточно устарелым материалом, но в такой далекой провинции, как Палестина, они еще воспринимались как последние новости. Единственной службой информации, действовавшей на Ближнем Востоке, было агентство Рейтер, находившееся в Каире. Оттуда обычно поступали в ”Давар” бюллетени, напечатанные гектографом на длинных желтоватых бумажных лентах. От Каира до Тель-Авива бюллетени шли поездом. Так поступали в редакцию ”Давар” ”срочные телеграммы” трехдневной давности. Европейские газеты приходили в Палестину с большим опозданием. Так, газета ”Франкфуртер цайтунг”, являвшаяся одним из основных источников информации для Бейлинсона, писавшего публицистические статьи о происходящем в мире, приходила в редакцию ”Давар” через десять дней после выхода в свет. Понятно поэтому, что сопутствующее большой ежедневной газете ощущение пульса событий начисто отсутствовало в ”Давар” в первые годы ее существования. Лишь в начале тридцатых годов появились в Эрец информационные агентства: СТА, ИТА, Юнайтед Пресс — и скорость поступления информации в ”Давар” резко возросла.

Берл написал для первого номера ”Давар” большую редакционную статью ”К нашим читателям”, где изложил свое кредо по всем вопросам, связанным с газетой. Берл рассматривал литературу и периодику в общем контексте революционного образа жизни рабочего в Эрец. Он считал рабочую литературу на иврите и, в особенности, прессу — интегральной частью духовных потребностей еврейского рабочего, его общественных и нравственных запросов. Развивая свои непосредственные наблюдения периода Второй алии, Берл говорил о необходимости отразить в печати особое положение еврейского рабочего, стремящегося жить трудовой жизнью, его надежды и чаяния. Берл непоколебимо верил в огромные интеллектуальные возможности еврейского рабочего,

в его способность понять самые сложные проблемы, в нравственную высоту его личности. Эта вера Берла обусловила исключительно высокий уровень газеты. Рабочий читатель, считал Берл, не нуждается в дешевых сенсациях и броских заголовках, и поэтому ему можно дать лучшую ивритскую публицистику, воспитать у него вкус к серьезным статьям, недоступным каждому встречному.

В глубине души Берл всегда оставался педагогом, стремящимся вольно или невольно оставить отпечаток своей личности в душах учеников. Одной из главных целей, поставленных перед собой Берлом при издании газеты, была та же задача, которую он пытался в свое время решить, создавая Ахдут ха-авода, а впоследствии Гистадрут, — а именно — формирование рабочего движения в Эрец по типу тесного кружка друзей из Киннерета. Пока рабочий класс Эрец оставался немногочисленным, можно было непосредственно дойти до каждого уголка, услышать биение сердца каждого рабочего, понять его, выразить его стремления, лично повлиять на него. Тогда Берл мог ограничиться живым словом, изредка подкрепляя его печатным — примером может служить сборник "В работе".

Но когда рабочая семья разрослась количественно и стала очень разнообразной по составу, Берл обнаружил, что устное слово не доходит с необходимой частотой до каждого из ее членов. Газету Берл считал инструментом, позволяющим найти общий идейный знаменатель движения, создать в нем здоровый общественный климат и культурную атмосферу, а в этих условиях рабочее движение сплотится и примет тот облик, о котором мечтал Берл.

Берл видел в "Давар" одну из двух главных и равнозначных опор, на которых будет покоиться рабочее движение, а следовательно, и все строящееся здание Эрец. Второй несущей колонной этого здания был Исполнительный Комитет Гистадрута во главе с Бен-Гурионом. Если целью Исполнительного Комитета

является создание материальной основы — Рабочего общества — предприятий, жилых домов, организаций, то "Давар" призвана заложить его духовный фундамент, сформировать мировоззрение, соткать душевные связи между строителями будущего общества, жизненно необходимые для успеха всего дела.

"Давар" должна была также подготовить своих читателей к восприятию всех жанров литературы на иврите. Берл всем сердцем верил в способность литературы быть главным средством воспитания личности. По мнению Берла, прочитав книгу Горького, человек глубже приобщался к социалистическим идеям, чем прочитав книгу Плеханова. Берл полагал, что один рассказ Агнона дает лучшее представление о жизни еврейской диаспоры, чем подробнейшее историко-социологическое исследование. Достаточно в этой связи вспомнить о влиянии Бреннера, выразителя духовных метаний целого поколения. Для Берла литература являлась одним из проявлений воли нации к жизни и обновлению, голосом революции, происходящей в еврействе. Эти революционные тенденции захватывают все стороны жизни: и одежду, и стиль поведения, и разговорную речь. Находят они выражение и в литературе, где появляются новые, резко отличающиеся от всего прежде созданного на иврите произведения. Берл искал эти признаки обновления в рабочем движении. Он без труда обнаружил бунт против всех жизненных ценностей, принятых в галуте, сознательный отрыв от всего старого. Создание же новых, своеобразных ценностей Берл взял на себя.

И еще: не надо забывать, что литература была единственным видом искусства, доступным рабочим Эрец. Уроженцы еврейских местечек из черты оседлости с детства не были приучены любоваться картинами, статуями, архитектурными сооружениями, у них не было воспитано ни понимания, ни любви к красотам, изображенным художником. Они могли любоваться природой или красивой девушкой — но не искусством. Сам Берл, правда, посещал в Европе музеи, и их

сокровища производили на него столь сильное впечатление, что он привозил в Эрец репродукции. Но живопись, видимо, все же не являлась, в отличие от литературы, неотъемлемой частью его внутреннего мира.

То же самое в отношении музыки. Трогательные русские и украинские песни, выражавшие скрытую тоску олим по оставленным просторам Восточной Европы, были единственным видом музыки (кроме канторского пения), который знало их ухо. Оставалась одна литература. Только в ней могли эти люди найти выражение своих чувств, только она могла дать им то ощущение возвышенного, которое приносит соприкосновение с великим произведением искусства.

Поэтому Берл, верный своим наклонностям наставника, проявлял исключительную заботу о литературной колонке "Давар" и вскоре превратил ее в литературное приложение (сначала под его собственной редакцией, потом под редакцией Заккаи, Дова Садана), стремясь прививать читателям вкус к более серьезной литературе, воспитывать их нравственно и повышать их культурный уровень.

Целью Берла было создание рабочей газеты. "Давар" будет не газетой для рабочих, а газетой рабочих — утверждал он. Встает вопрос, являлась ли действительно "Давар" газетой рабочих в этом смысле слова, газетой, непосредственно отражавшей настроения, господствовавшие на улицах страны того времени.

"Давар" заявляла о себе как о газете политической, а не нейтральной. Газета должна была стать оружием рабочего класса и его воспитателем. Позиция газеты — это позиция "рабочей общественности" Эрец, то есть проведение генеральной линии Гистадрута, которая, по глубокому убеждению Берла, соответствовала коренным интересам рабочего движения. Вместе с тем, утверждал Берл, газета обязана отразить самые разнообразные точки зрения, существующие в Гистадруте, — обеспечить свободу выражения всем течениям

внутри Гистадрута. Газета должна быть открыта для любой критики: как для политической критики со стороны противников генеральной линии, так и для критики отдельных учреждений Гистадрута со стороны общественности.

Но прошло немного времени, и принцип свободы критики, принцип газеты, открытой для всех, оказался перед лицом серьезных испытаний, причем в хоре "оскорбленных" запевалами были именно рабочие учреждения. Выяснилось, что "вожди" местных рабочих советов не всегда благосклонно воспринимают принцип свободы выражения в газете, особенно когда он затрагивает их самих. Они начали высказывать неудовольствие по поводу того, что говорилось или якобы подразумевалось в газетных статьях, рассказывающих о них самих или об их достижениях.

С другой стороны, Берл и сам не был готов печатать все материалы, поступавшие к нему от рабочих. Когда разъяренные рабочие схватили и избили Берла Репетора за то, что он якобы действовал небеспристрастно, направляя некоторых на самую высокооплачиваемую в то время работу — постройку электростанции в Нахараим, Берл все-таки отказался поместить на страницах "Давар" статью, оправдывающую избиение, подтвержденную, что Репетор вел себя несправедливо, и тем самым как бы оправдывающую "мстителей". Критика в адрес ответственных работников, если она доказательна, — да, но оправдание насилия по отношению к этим работникам — нет.

Особую проблему представляли отношения "Давар" с фракциями внутри Гистадрута. В двадцатые годы главными из них являлись ха-Шомер ха-цаир и Гдуд ха-авода. Хотя ха-Поэл ха-цаир входил в Гистадрут на правах отдельной фракции, он выпускал собственную газету, у которой была достаточно массовая аудитория, и потому члены этой партии участвовали в "Давар" не слишком активно. Впоследствии Абба Ахимеир утверждал, что Берл не давал членам ха-Поэл ха-цаир проявить себя в "Давар", однако

исследование старых номеров газеты приводит к выводу о полной несостоятельности этого обвинения.

Берлу повезло, что ни члены компартии Палестины, ни ревизионисты не посылали в "Давар" своих статей, избавив его тем самым от достаточно щекотливого положения. Так что Берл мог с полным основанием утверждать, что "Давар" публикует все поступающие в редакцию материалы, а потому если кто-либо из членов Гистадрута считает, что газета не отражает его точки зрения, — пусть потрудится написать заметку, и она будет опубликована. Этим аргументом Берл постоянно парировал наскоки противников, твердивших, что он превратил гистадрутскую газету в орган Ахдут ха-авода.

Исполнилось пять лет существования Гдуд ха-авода. "Давар" практически ничем не отметила этого события. Если учесть, что любое субботнее рабочее собрание находило отражение в газетной хронике, то замалчивание юбилея Гдуд ха-авода — главной, наиболее самобытной организации Третьей алии, выглядело особенно красноречиво. Поэтому один из членов Гдуд ха-авода, А. Бар-Адон, потребовал от редакции "Давар" объяснений.

Берл ответил Бар-Адону открытым письмом, опубликованным на страницах "Давар" под заголовком "К молчащим". Он выступил против разделения общества на просто людей — "молчащих" — и литераторов, обязанность которых — писать в газету. Такое разделение людей на действующих и пишущих противоречит самому принципу рабочей литературы в Эрец, основная особенность которой состоит именно в том, что создают ее люди, непосредственно участвующие в строительстве страны. У нас нет места профессиональным литераторам, описывающим жизнь, литература должна вытекать из самой жизни. Эта концепция (против которой, кстати, резко выступил молодой Аврахам Шленский, обличавший дилетантизм, заложенный в ее основе и исключаящий, по-видимому, профессию писателя) была очень удобна для

Берла, ибо позволяла ему оправдать относительно малое внимание его газеты к течениям, которые, по его мнению, отклонялись от столбовой дороги.

Попытка Берла переложить ответственность за умолчание того или иного факта с редакции "Давар" на заинтересованные в их опубликовании организации, если и была относительно приемлема с формальной точки зрения, по существу являлась лишь неубедительной отговоркой. Если какая-то тема действительно интересовала Берла, он не дожидался, пока кто-нибудь возьмется за нее, а самолично находил человека, владеющего пером, и поручал ему написать статью. Так что обвинения, раздававшиеся со стороны Гдуд ха-авода, а затем со стороны ха-Шомер ха-цаир в том, что их лишают права выражать свои мысли, отнюдь не были пустыми придирадками.

Воззрения Берла на свободу печати были двойственными. Он верил в то, что каждый, написавший пригодную для печати статью, заслуживает к себе честное отношение редакции, однако фактически, принимая или забраковывая какую-нибудь статью, Берл учитывал совокупность самых разнообразных факторов.

Когда Бейлинсон написал в "Кунтрес" статью об убийстве Исраэля Де-Хаана, заклеив политическое убийство еврея евреями, Берл не напечатал статью, или, по меньшей мере, смягчил ее, несмотря на то, что это задевало его друга Бейлинсона. Не ясно, оправдывал ли Берл сам факт убийства, но он, вне всякого сомнения, полагал, что полемика по этому вопросу неуместна на страницах рабочей газеты, что она будет иметь дурной привкус. Ведь в деле были замешаны участники рабочего движения, а потому следовало отнестись к нему с особой осторожностью. Впоследствии эта политика воздержания от критики виновных в совершении правонарушений членов своего движения отомстит за себя Берлу — когда он захочет выступить с обличением подобных поступков в период борьбы с ревизионистами, почти вся партия

окажется против него.

Бейлинсон так определял линию, проводившуюся "Давар" в начале 30-х годов: "Мы верны государственному "широкому" сионизму. Мы умеренные социалисты, "реформисты". Я лично очень близок к германской социал-демократии. Такова линия, которой мы придерживаемся и обязаны придерживаться впредь".

Позицию "Давар" определял, конечно, не Бейлинсон, а Берл, хотя именно Бейлинсон писал подавляющее большинство редакционных статей. В отношении Бейлинсона к Берлу была немалая доля чувства неполноценности. Интеллигент, воспитанный в ассимилированной семье, впитавший русскую, итальянскую и немецкую культуру, он поздно пришел к еврейскому наследию и постигал его с огромным трудом, так до конца и не овладев им. В Берле Бейлинсон видел подлинного еврея, не оторвавшегося от национальных корней, который никогда не порывал со своим народом, а потому и не должен был возвращаться к нему. Кроме того, достижения пионеров Второй алии, движение, созданное под их руководством, поражали всякого, кто был верен заповедям социалистических учений начала века. А Бейлинсон ко всему этому еще восхищался Берлом-человеком, который очаровал его, как и многих других.

Бейлинсон до такой степени подчинился авторитету Берла, что порой казалось, будто они всегда думают одинаково. Но достаточно почитать письма Бейлинсона к Берлу, чтобы убедиться, насколько это не похоже на истину. На самом деле Бейлинсон всегда отступал от своего мнения в угоду Берлу. Он ничего не печатал, не обговорив предварительно с Берлом. Так, например, до 1929 года Бейлинсон занимал очень умеренную позицию в арабском вопросе и вопросе полного перехода к еврейскому труду; однако после 1929 года он стал рупором Берла в борьбе против

общества Брит-Шалом* и его сторонников.

Бейлинсон принял как нечто само собой разумеющееся положение Берла о том, что "Давар" должна проводить четкую линию, и считал, что все сотрудники газеты обязаны равняться на нее. Такое навязывание всем пишущим для "Давар" линии газеты казалось Бейлинсону столь же справедливым, как и Берлу. Более того, "единая линия" даже не воспринималась как принуждение, а просто как проявление общей воли рабочего движения, выразителем которой должна была служить газета. Такое понимание линии газеты придавало и самому Берлу душевные силы, помогало ему твердо выдерживать натиск общественности.

С начала тридцатых годов редакция "Давар" постоянно устраивала встречи с различными кругами читателей, желая услышать их непосредственный отклик на напечатанные в газете материалы. На этих встречах, разумеется, не было недостатка в хвалебных выступлениях и комплиментах в адрес газеты, которая и вправду была лучшей газетой Эрец-Исраэль в двадцатые-тридцатые годы. Вместе с тем здесь проявлялось и различие между взглядами газеты и читателя, между тем, что ожидает редактор от читателей и читатели от редактора.

Почувствительно, что политическая линия газеты находила полное понимание среди общественности. "Давар" занимала четкую антибританскую позицию, резко отрицательно выступая против мероприятий мандатной администрации и ее намерений — здесь не допускалось никаких полутонов, никаких оговорок. Непреодолимая подозрительность Берла к чуждой власти (здесь его мнение полностью разделял Бейлинсон) находила в "Давар" крайнее выражение. Не случайно Арлозоров в бытность свою заведующим политическим отделом Еврейского агентства, а затем и Бен-Гурион сетовали на непримиримую позицию

*Брит-Шалом — общество, выступавшее за установление дружеских отношений между арабами и евреями.

”Давар”, которая не раз срывала переговоры с Верховным наместником и более того — создавала в обществе враждебность к англичанам. К отношению Берла к Великобритании мы еще вернемся. Пока скажем лишь, что всегдашняя подозрительность Берла к гоям находила, как и следовало ожидать, живой отклик в сердцах читателей его газеты. Пожалуй, ни в какой иной области между редактором ”Давар” и ее читателями не было столь полного взаимопонимания, как в сфере политики.

По арабскому вопросу ”Давар” занимала умеренную позицию, далекую и от разжигания травли арабов, и от призыва к сближению с ними. Однако палестинское национальное движение ”Давар” неизменно рисовала самыми черными красками, не скупясь на словечки типа ”банды”, ”погромы”, ”эффенди” и полностью игнорируя национальные аспекты еврейско-арабского конфликта. Эта политика также отвечала настроениям подавляющего большинства рабочих, и лишь ничтожная часть рабочей общественности протестовала против нее.

Иначе обстояло дело в отношении социалистических принципов газеты. Как мы помним, Бейлинсон определял линию газеты как социал-демократическую и реформистскую. Можно назвать ее также конструктивной — это был сионистский социализм, направленный прежде всего на строительство Эрец и трудового общества в ней. Этот социализм стремился к гегемонии в ишуве и во всем сионистском движении, пользуясь при этом исключительно демократическими средствами, такими, как, например, воспитание, убеждение, — добиваясь, чтобы вся сионистски настроенная общественность признала центральную роль рабочего движения в воплощении сионистских идеалов в жизнь.

Во внешней политике такая линия находила выражение прежде всего в связях с демократическими и реформистскими социалистическими партиями Европы и в отрицании революции и диктатуры как

путей осуществления социализма. Развитие революции в России, падение Троцкого и его высылка, преследование сионистов, открытые судебные процессы и чистки тридцатых годов — все это открыто осуждалось на страницах "Давар". Бейлинсон заходил еще дальше, приравнивая в своих статьях коммунизм к фашизму. Эту его точку зрения оспаривали многие рабочие читатели из сельскохозяйственных поселений, городов и киббуцов. В Эрец ощущался огромный интерес к революционной России, но "Давар" скудно информировала обо всем происходившем там. Правда, читатели "Давар" хотели слышать лишь о достижениях советского строя, об успехах в строительстве социализма, о светлых сторонах жизни в СССР и не желали обращать внимания на ее теневые стороны. А Берл с Бейлинсоном подчеркивали именно их — проявления диктатуры, ущемление человеческого достоинства и искажение идеи социализма.

Табенкин утверждал, что "Давар" не имела права публиковать материалы Троцкого о его отношениях со Сталиным, не дав Сталину возможности ответить на выдвинутые против него обвинения. Но ни Берла, ни Бейлинсона не волновал "недостаток уважения" к Сталину. Эта линия не раз становилась предметом критики на встречах редакции газеты с читателями. Берлу ставили в вину отношение "Давар" к Советскому Союзу, которое было продиктовано якобы "мстостью сионистов" за преследование сионистского движения в СССР. Берл отвечал на это: "Наши счета с Россией прежде всего ведутся на социалистической основе". Происходящее в Советском Союзе вызывало у него возражения главным образом из-за того, что там извращались принципы социализма. Берл не согласен был вести себя, как английские социалисты, "принимавшие социализм для России и отвергавшие его для Англии". По его мнению моральные мерки были в данном вопросе решающими и тут он никогда не отступал перед натиском общественного мнения.

Другим яблоком раздора между редакцией "Давар"

и ее читателями был вопрос о "клерикализме", то есть об отношении к религии. Резкая критика в адрес редакции за поддержку клерикализма могла, пожалуй, создать впечатление, что "Давар", упаси Бог, проповедует религию. Фактически же вся эта неистовая критика касалась достаточно малосущественных деталей. Почему, например, газета не отметила юбилей Маркса, а юбилей Рамбама осветила столь широко? Почему в детском приложении к "Давар" рассказывается о таких праздниках, как Рош-ха-Шана и Иом-Киппур? — и тому подобное.

Левитэ, ярый марксист из Эйн-Харода, утверждал, что "Давар" обращает чрезмерное внимание на баланс различных сил ишува, пренебрегая самостоятельной позицией рабочего класса, что редакторы "Давар" — "люди, чересчур ответственные, им не хватает темперамента и наступательного духа, необходимого для газеты, борющейся за интересы рабочих", что к рабочим газета, напротив, относится с излишней критичностью. Табенкин метко сформулировал это требование: "Да не будет газета святее самих рабочих". Если рабочим суждено ошибаться — пусть и газета ошибается вместе с ними. Берл никогда не смирился с таким подходом. Позиция "Давар" была, как правило, более умеренной, чем позиция общест-венности, в вопросах социализма. То же относится к вопросам профсоюзной и классовой борьбы, а также борьбы с ревизионистами. Значительная часть читателей "Давар" склонялась, видимо, к более левым взглядам, чем ее редакция.

Однако напряженность между газетой и ее читателями обуславливалась не только идейными противоречиями. Главное, соответствовал ли образ читателя, который рисовался мысленному взору Берла, истинному облику читателей "Давар". Берл обращался к читателю интеллигентному, который не нуждается во внешних стимулах и способен читать серьезную публицистику. Берл с пренебрежением отвергал предложение печатать подробные заголовки, кратко

излагающие содержание статьи (как было принято в России), утверждая при этом, что его аудитории это не нужно. Долгие годы Берл упрямо отказывался печатать в газете фотографии — по тем же соображениям. Фотоматериалы стали публиковаться в "Давар" лишь с 1934 года.

Со временем Берл был вынужден придать газете более популярный оттенок, приблизить ее к уровню читателей. Появились крупные заголовки, фотографии и особый раздел "Для оле", где текст печатался с огласовками, раздел этот пользовался большой популярностью. Появилось и вечернее приложение, выдержанное в относительно сенсационном тоне (это было связано с борьбой против ревизионистов). Интеллигенция Эрец, успевшая полюбить "Давар", протестовала против снижения уровня газеты. Эрнест Симон предостерегал Берла, что снижение уровня может привести к отрыву читательской массы от "нерабочей" интеллигенции. Однако тенденция газеты не претерпела серьезных изменений.

Параллельно все большему "упрощению" газеты Берл отдалялся от нее. Хотя имя его продолжало красоваться под заголовком с титулом "ответственный редактор", участие Берла в газете становилось все менее активным. Есть основания полагать, что Берл несколько разочаровался в своем любимом детище. Увы, Берл не столько воспитывал рабочих Эрец в желательном ему духе, сколько вынужден был смиряться со вкусами своих читателей. То, что было преимуществом редактора "Давар", оказывалось недостатком в глазах ее читателей, и наоборот. Итак, хотя "Давар" осталась важнейшей газетой ишува, она не выполнила той "всеобъемлющей миссии", которую возлагал на нее Берл.

Разочаровавшись в газете, Берл забросил редакционную работу. Сначала его функции исполнял Бейлинсон, а после смерти последнего обязанности главного редактора перешли к Залману Рубашову. Моше Черток оставил "Давар" в 1931 году, занявшись

политической деятельностью, — чего Берл ему так и не простил. Дух товарищества, объединявший редакцию "Давар" в первые годы ее существования, постепенно улетучился. Работники редакции все больше увязали в трясине мелочных страстей, пустых склок и игре самолюбий. С годами совместная работа над газетными номерами шла все туже. Редакционная работа камнем повисла у Берла на шее. Не случайно написал он в конце тридцатых годов (или в 1940 году) своей подруге со времен Второй алии Рахел Кацнельсон: "С редакцией "Давар" у меня такие же отношения, как с прочими учреждениями. Все они мне опротивели".

К десятилетию "Давар" появилась карикатура Арье Навона, имевшая широкий резонанс в кругах Мапай. Под заголовком "Редактор спешит в "Давар" на ней был изображен Берл, перепрыгивающий по дороге в редакцию через шесть стульев. На каждом из стульев была вывеска: на первом "Исполнительный комитет Гистадрута", на втором "Дирекция Керен каемет ле-Израэль", на третьем "Правление Еврейского университета", на четвертом "Редакция "Нир"", на пятом "Центральный комитет Мапай", на шестом "Правление молодежного движения". Действительно, хотя Берл никогда не принадлежал всецело "Давар", все же газета была его собственным делом более, чем все иные организации, у колыбели которых он стоял.

Дважды пытался он уйти из "Давар". Берлу была свойственна безграничная любознательность к людям и делам, но он скоро остывал, ему все быстро надоедало. Пожалуй, действительность всегда оказывалась бледнее его представлений о ней, и это расхождение приводило Берла к разочарованиям. Непрерывные прыжки Берла с места на место являлись результатом несбывшихся надежд. В самокритике, как и в критике других, Берл не знал пощады. Отсюда и нетерпимость его к людям и учреждениям. "Давар" была одним из многочисленных начинаний Берла, и как во многих других — он

обманулся в ней.

Но суд истории, наверное, будет менее суров к любимейшему детищу Берла. При всех своих слабостях "Давар" являлась газетой, формировавшей общественное мнение еврейского ишува времен мандата. Трудно понять, насколько определяющим был голос "Давар", пока не поговоришь с ее старыми читателями, которым нынче по шестьдесят-семьдесят лет, с теми, кто оставался верен газете и в периоды ее упадка. Политические взгляды этих людей на внутренние и внешние дела, их социальные и экономические понятия обо всем, что происходило в Эрец во времена мандата, несут ярко выраженный отпечаток единообразия — отпечаток "Давар". Правда, существовали круги, читавшие другие газеты, по-иному смотревшие на историю ишува, но все же можно говорить обобщенно об общественном мнении ишува, которое присуще было большинству его членов. Более того, оно охватывало большинство учителей, и потому мировоззрение, проповедуемое "Давар", стало уделом большей части подраставшего поколения. И тому, кто был воспитан в этом мировоззрении, трудно избавиться от него. Немного на свете газет, оказавших влияние на два поколения подряд.

Переходный период 1925 – 1929

В десятиные годы в Петах-Тикве была создана группа под названием "Маавар" ("Переход"). Название это подчеркивало намерения ее основателей перейти от наемного труда, которым они тогда занимались, к жизни в собственном хозяйстве. Слово это может, пожалуй, обозначать целый период в истории еврейского населения Эрец-Исраэль в целом и рабочего движения в особенности. Двадцатые годы отделяют эру великих надежд, связанных с Декларацией Бальфура и завоеванием страны англичанами, от этапа жестокой борьбы между евреями и арабами, а также между евреями и британской администрацией в тридцатые годы; грандиозные планы немедленного переселения в Эрец миллиона евреев и завоевания еврейского большинства в ней – от создания в Эрец массового еврейского населения, пусть и не достигающего до желанного большинства, но являющегося в ней весомым фактором; отделяют период формирования рабочего движения и складывания рабочих учреждений в начале двадцатых годов от периода его реорганизации и захвата ведущего положения в ишуве, в сионистском движении и во всем еврейском народе.

Внимательный наблюдатель заметит, что двадцатые годы были временем созревания, собирания сил, бросивших затем ишув, сионистское и рабочее движение в водоворот тридцатых.

И для Берла двадцатые годы тоже были переходным

этапом между бурями, коренившимися еще в периоде Второй алии, и тридцатыми-сороковыми годами, когда его отношения с друзьями и врагами сплелись в тугую клубок; между затянувшейся молодостью и рано наступившей старостью. Ему было около сорока, пришла пора зрелости. Берл, как и его товарищи по Второй алии, возмужал позднее обычного. Процесс этот закончился лишь тогда, когда они столкнулись с "молодым поколением", молодежью Третьей и Четвертой алии, сразу поставившей представителей Второй алии в положение "стариков". В зрелые годы Берл стал спокойнее, уверенней в себе. Отношения его с Леей и с товарищами по партии устоялись, вошли в определенное русло. Наверное, не было в жизни Берла другого периода, когда устойчивость и целостность являлись бы столь определяющими чертами окружавшего его мира, как в двадцатые годы.

Это был мир, где Берл играл первую скрипку. Правда, в оркестре Ахдут ха-авода имелись и другие важные солисты, как, например, Бен-Гурион в Гистадруте, Ремез в Солел-Боне, Харцфелд в Сельскохозяйственном объединении. Но партию первой скрипки исполнял Берл. Ахдут ха-авода, созданная "партией беспартийных" и Бен-Гурионом, являлась единственной в своем роде организацией. Это было политическое движение золотой поры юности. По духу романтики, по тесным дружеским отношениям между лидерами она походила на молодежную организацию, по сплоченному аппарату и ударной силе — на сложившуюся политическую партию. Много лет спустя члены Ахдут ха-авода будут с любовью и гордостью вспоминать прошедшие годы. Ахдут ха-авода была немногочисленна — около 2000 членов. При таком численном составе почти все знали друг друга лично. Партия была похожа на разросшуюся семью, отношения между членами которой характеризовались духом товарищества и преданности друг другу.

Система отношений, сложившихся в годы Второй

алии, продолжала существовать, втягивая в свою орбиту новоприбывших, которые признавали авторитет и ведущую роль ветеранов настолько, что, по крайней мере в двадцатые годы, совершенно ступень вывалились перед ними. Так вели себя "гимназисты": Элияху Голомб, Дов Хоз, Шаул Мееров и Моше Черток, которые по достоинству могли считаться выдающимися лидерами партии, но не имели в ней самостоятельного положения, подобно ветеранам Второй алии. Так вели себя и деятели Третьей алии, нашедшие свое место в Ахдут ха-авода, например Берл Репертор и Голда Меерсон.

А потом к ним присоединились и новички из Четвертой алии во главе с руководителями партии сионистов-социалистов — преследуемого в Советском Союзе халуцианского движения, в том числе Исраэль Идельсон (Бар-Иехуда), Бат-Шева Хайкина и Залман (Зяма) Аронович (Аран). Они были лет на десять-пятнадцать моложе деятелей старшего поколения, во главе которых стояли Бен-Гурион, Табенкин и Берл, и в годы существования Ахдут ха-авода никто из молодых даже не пытался восставать против дружеской опеки троицы "стариков". Молодежь относилась к ним с любовью, с чувством преклонения и принимала их руководящую роль как нечто само собой разумеющееся. Только в отношении к Берлу было больше любви, чем преклонения, а в отношении к Бен-Гуриону существовала обратная пропорция.

Это явление вполне понятное, оно имело и психологические, и социологические корни. Можно не кривя душой сказать, что молодежь уступала своим учителям и по интеллектуальному уровню, и по масштабу личности. Мы уже не раз говорили, что ветеранов Второй алии объединяло общее качество — каждый из них заключал в себе целый мир. Это были незаурядные люди, бунтари-индивидуалисты. Те же, кто пришел после них, уже являлись частью движения, со всеми вытекающими из этого положительными и отрицательными свойствами. Им не доставало той

оригинальности, той творческой индивидуальности, которая так очаровывала их при встрече с лидерами Второй алии.

Кроме того, в Эрец уже были заложены идейные основы социалистического сионизма. Сотрудничество между национальным капиталом и социалистами-халуцим в деле строительства страны, о котором в свое время так много спорили, уже стало незыблемым принципом. Вопрос о соединении возвышенной утопии и прагматического подхода к палестинской действительности уже был решен в духе социалистического конструктивизма Второй алии. Новичкам оставалось принять идеологическую систему, заложенную ветеранами, а вместе с нею и дисциплину, которой подчинялись ее создатели. Интеллектуальная дерзость Второй алии сменилась у нового поколения активным конформизмом. Отказ от попытки создать идеологическую альтернативу установкам предшественников означал и отказ от стремления к смене руководства.

Ветераны Второй алии, несмотря на все различия между ними, держались вместе, а если и спорили между собой, то не оставляли молодежи той свободы, которой пользовались сами.

Особое положение Берла в Ахдут ха-авода было выражением и результатом вышеописанной системы отношений между новичками и ветеранами. Приехав в Эрец, первые представители Третьей алии уже застали Берла в ореоле основателя и вождя Ахдут ха-авода. Его спокойно-авторитетная манера держаться сразу пленила молодых собеседников. Да и как было не подпасть под очарование Берла, который оказался столь непохожим на стереотипный образ вождя! Простота обращения, желтая косоворотка, стянутая в талии веревочным пояском, и чуть сдвинутая набок кепка, покрывавшая черную курчавую шевелюру, в которой проблескивала седина, улыбка, загорававшаяся в умных озорных глазах и прятая в недавно отпущенных усах, талант слушателя, соединявшийся с силой убеждения, непод-

дельный интерес к молодым людям — все это было так неожиданно в признанном партийном лидере.

Но все эти потрясающие качества были только приятной рамкой для огромной интеллектуальной мощи, которую оценили новички, услышав выступления Берла на съездах и конференциях, даже на обычных собраниях. Когда он, по обыкновению быстро-быстро, едва успевая за полетом мысли, нанизывал слова, слушателям казалось, что у них на глазах забил неиссякаемый глубинный источник, несущий несметные богатства: еврейская литература сменяла русскую, исторические примеры следовали за ссылками на актуальные события и социалистические теории разных толков, одна за другой мелькали ассоциации и все это создавало особую, "берловскую" гармонию. Возникало ощущение встречи с огромной, из самых недр вырастающей силой, которой не было чуждо ничто человеческое.

А на съездах Ахдут ха-авода и Гистадрута, на сионистских конгрессах и всемирных съездах Поалей Цион Берл представлял бесстрашным полемистом. Вооружившись скальпелем отточенной логики, он беспощадно снимал с противников все оболочки, показывал их лицемерие, обличал намеренное искажение фактов, недостаток понимания ситуации или просто поверхностность, выявлял пустоту и беспомощность их позиции. Дов Садан говорил, что Берл умел выдергивать все яркие перышки из политического оперения своих противников и выставлять их напоказ в виде ощипанной курицы. В полемике Берл действовал жестоко, не жалея своих беспомощных оппонентов, и убийственная острота аргументов Берла вызывала бурный восторг среди его приверженцев. В партии, где удельный вес идеологии был исключительно высок, человека, обладавшего таким красноречьем, носили на руках.

В двадцатые годы высоко ценилось умение аргументировать свою позицию и представлять ее в наиболее выгодном свете перед аудиторией. Тогда

еще верили, что человека можно убедить, в частной полемике заставив его изменить свое мнение. Правда, уже тогда, видимо, в конечном счете голосовали просто за "свою" партию, "свою" партийную платформу, но все же этот факт еще не бросался в глаза. Как мы уже не раз говорили, рабочее движение еще не рассталось тогда с традициями молодежной организации и потому дискуссия считалась самым главным средством убеждения. И еще одно обстоятельство: съезды и пленумы являлись тогда важнейшими событиями общественной жизни, они вносили в суровую повседневность будней красочность, драматичность. А на этих мероприятиях Берл играл центральную, если не заглавную роль.

В тот период Берл выступил перед своим лагерем с одной из самых известных речей, считавшейся столь же адекватной историческому моменту, как когда-то "В преддверии грядущих дней". Берл произнес эту речь на пятом съезде Ахдут ха-авода в 1926 году, когда экономический кризис, разразившийся в ишуве (об этом ниже), обрушился на рабочих со всей тяжестью. Берл начал свое выступление на первом заседании съезда и продолжал его в течение нескольких часов на следующий день. Собравшиеся внимали ему, затаив дыхание, взволнованные верой и надеждой, исходившими от человека, стоявшего на сцене.

Основной тезис Берла состоял в том, что экономический кризис не является органичным для страны, испытывающей трудности из-за абсорбции иммигрантов, а порожден бесталанностью руководства, что это кризис сионизма, а не Эрец-Исраэль. Берл капля за каплей вливал в слушателей уверенность в том, что экономический кризис подтверждает правильность пути, избранного рабочим движением, и доказывает провал всех попыток найти альтернативный путь строительства Эрец. Кризис наглядно показывает, что невозможно построить Эрец иначе, как вкладывая фонды общественных организаций и используя рабочую силу, готовую на самопожертвование, то есть

халуцианскую алию. Более того, Берл делал отсюда политический вывод принципиальной важности: рабочее движение, по его мнению, совершило ошибку, пустив на самотек работу Всемирной сионистской организации и руководящих учреждений страны.

А на основании этого Берл приходил к заключению, что рабочему движению не следует ограничиваться заботой о финансировании того или иного проекта, оно должно стремиться взять на себя ответственность за руководство сионизмом — за политическую гегемонию во Всемирной сионистской организации. Нужна была немалая смелость, чтобы произнести такие слова перед аудиторией, треть которой состояла из безработных и полностью зависела от щедрости сионистствующих богачей, близких к ВСО.

Речь Берла не случайно произвела столь сильное впечатление на слушателей. Здесь Берл снова, хотя и в новом облике, использовал лозунг Лассалья, поставленный в свое время в качестве эпиграфа к работе "В преддверии грядущих дней": "Вы тот камень, на коем заложу я храм будущего". Лозунг этот воспринимался как пророчество и поднял дух участников съезда.

Официально Берл не занимал в партии высоких постов. Он, как мы помним, был редактором "Давар" и получал зарплату из фондов газеты. На первый взгляд кажется, что он был лишь одним из многих, не выделялся среди них по положению. На деле же сила Берла не обуславливалась его постом, напротив, сила его личности определяла исполняемые им обязанности.

Бен-Гурион, не пользовавшийся тогда особой популярностью, строил свое влияние в Гистадруте и Ахдут ха-авода на умении практически осуществлять намеченную линию, ставить задачи и выполнять их. Иное дело Берл. Его сила была прежде всего в самой его личности, а официальные посты являлись целью второстепенной.

В годы Ахдут ха-авода зародился обычай совето-

ваться с Берлом по самым разным вопросам, зачастую невероятно далеким от его формальных обязанностей: о Хагане и закупке оружия, о расправе с арабами за изнасилование еврейских девушек, о трудовых конфликтах с почтенными предпринимателями, вроде Рутенберга, и раздорах между товарищами в киббуцах. Даже о личных своих бедах приходили люди посоветоваться с Берлом, излить перед ним душу. Всякий новый член Ахдут ха-авода считал своим долгом представиться Берлу, и эта встреча бывала обычно определяющей в судьбе молодого человека.

Самым важным делом, порученным Берлу на съезде, было распределение обязанностей. Ахдут ха-авода славилась своей "семейственностью". В этой семье не слишком соблюдали правила демократии и принятые процедуры назначения ответственных работников. Правда, устраивались выборы, но на все мало-мальски руководящие посты избирались заранее предложенные кандидатуры, а предлагал их Берл.

Предложения Берла были обычно сбалансированными и принимали в расчет как городских, так и сельских членов партии, хотя последним Берл отдавал предпочтение. Он стремился включить в руководящие органы новичков, старался раскрыть двери перед представителями Третьей и Четвертой алии, но большинство ответственных постов оставалось все же за деятелями Второй алии. Если бы Берла спросили о причинах этого явления, он бы просто ответил, что выбирал людей по их способностям, а не по возрасту, причем в искренности Берла сомневаться не приходилось.

Как бы то ни было, Берл, без сомнения, являлся как бы секретной комиссией партии по назначению должностных лиц. Вето Берла при назначении какого-либо человека на партийный пост было достаточно, чтобы закрыть ему изначала возможность общественной карьеры. В организационном отношении Ахдут ха-авода имела нечеткий, если не сказать разгильдяй-

ский, характер. Перед выборами партия судорожно пыталась сорганизоваться, но выборы проходили, и все возвращалось на круги своя. В подобном коллективе казалось естественным, что определяющим является не формальный пост, а влияние, которым пользовался лично тот или иной человек.

Но двадцатые годы, как мы уже говорили, были периодом переходным, и сама партия тоже переживала процесс перехода от семейственности руководства, сохранившейся со времен Киннерета, к организованной партии с широкой общественной базой, к которой стремился Берл и которой суждено было возникнуть в 1930 году под именем Мапай. Милая семейственность Ахдут ха-авода начала разрушаться с двух сторон — сверху и снизу.

Группировка беспартийных представляла прежде всего сельскохозяйственных рабочих. Воссоединение с Поалей Цион и создание Ахдут ха-авода не изменило ее ориентации на сельскохозяйственного рабочего. Однако вскоре стало ясно, что сельскохозяйственные рабочие являются в Ахдут ха-авода меньшинством. В 1924 году началась Четвертая алия, осевшая, в основном, в городах, ставших с того времени главными центрами абсорбции олим. Городские рабочие составляли большинство в Гистадруте, они определяли ведущую силу Ахдут ха-авода.

Партия не сразу отреагировала на это изменение своего состава. Но в середине двадцатых годов и особенно с тех пор, как доступ к руководству получили лидеры группы сионистов-социалистов, стал быстро распространяться новый тип партийного активиста: работника городского рабочего совета. Руководители рабочих советов отнюдь не занимали в партии доминирующего положения, но повышение их значения выражало рост влияния городских рабочих в партии и в Гистадруте и особенно усиление городского партийного аппарата, что обеспечивало господство над большинством рабочих. Процесс этот был неизбежен, и Берл отдавал себе в этом отчет.

Но осознавал он это все же как-то поверхностно. Берл был и оставался представителем Сельскохозяйственного объединения, для него главным было поселенчество. Проблемы наемных рабочих города, которые, как уже говорилось, составляли большинство в рабочем движении, не затрагивали Берла по-настоящему. Он, по-видимому, считал, что своим творческим характером, неповторимостью и оригинальностью рабочее движение Эрец-Исраэль обязано совсем не городским рабочим. Попытки кооперации в городах были весьма нерешительны и быстро скатывались на рельсы частного предпринимательства, а члены этих кооперативов легко отказывались от социальных ценностей коллективного труда. Городские рабочие мало чем отличались от наемных рабочих других стран, их интересовало прежде всего немедленное личное преуспеяние.

В переходные годы, истекшие между созданием Ахдут ха-авода и образованием Мапай, на поверхность еще не вырвались новые силы, уже начавшие формироваться в городах. Берл занимал в партии исключительно высокое положение, на которое никто не покушался. Но теперь, оглядываясь назад, мы видим, что в те годы город становился ведущей силой, оттесняя сельскохозяйственные поселения. Разрастание гистадрутовского и партийного аппарата в городах знаменовало собой начало поворота, который отразится на положении Берла в тридцатые годы, когда завершится процесс выдвижения указанных сил в рабочем движении.

Руководство Ахдут ха-авода базировалось на союзе создателей партии: Берла — Бен-Гуриона — Табенкина. Сотрудничество трех людей обеспечивало гармонию и внутреннее единство в партии. В описываемый период казалось, что эта тройственная коалиция незыблема. Но и здесь, как в вопросе о городских рабочих, уже обозначились некоторые явления, которые в будущем приведут к нарушению единства в руководстве.

Вначале Ахдут ха-авода отдавала предпочтение

большому киббуцу, считая его наилучшей формой поселенчества, — отсюда всеобщий энтузиазм по отношению к Гдуд ха-авода. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что мошавы успели превратиться в удел партии ха-Поэл ха-цаир. Существовали, однако, и в Ахдут ха-авода люди, склонявшиеся к поселению в мошавах, и надо сказать, что положение их в партии было нелегким. Некоторый свет на тогдашние установки проливает речь Бен-Гуриона, с которой он выступил перед членами мошава Нахалал. Вы находитесь на границе, сказал им Бен-Гурион, за вами начинается капитализм. Такую позицию занимало в первой половине двадцатых годов большинство членов Ахдут ха-авода.

Однако постепенно партия отошла от концепции большого киббуца, причем практика предшествовала здесь открытому отказу от ранее провозглашавшегося идеала. Но в середине двадцатых годов он уже стал фактом. На объединенном совете, где рассматривались проблемы киббуцов, выявились расхождения между позициями членов партии вообще и членов киббуцов в особенности. Табенкин оказался на этот раз в одиночестве. Его товарищи по руководству Ахдут ха-авода, жившие в городе и лучше него знавшие городских рабочих, уже не тешили себя иллюзией, что коллективное поселенчество охватит в будущем всю Эрец. Правда, дело еще не дошло до столкновения, но нет сомнения в том, что глубинные основы тройственного союза были потрясены.

Эти разногласия и отход от концепции коллективного поселенчества как предпочтительного пути развития рабочего движения Эрец вытекали из важнейших перемен, произошедших в характере иммиграции со времени Четвертой алии. Четвертая алия заставила заново пересмотреть основы идеологии рабочего движения в Эрец, согласно которой осуществление чаяний сионизма будет достигнуто за счет объединения национального капитала и халуцианского поселенчества, когда рабочий класс в силу своей решающей роли

приобретал естественное право на гегемонию в ишуве. Особенно остро ощущалось разочарование в рядах Гдуд ха-авода и киббуце Эйн-Харод, где социалистическое мировоззрение было неразрывно сплетено с верой в победу коллективного образа жизни над общепринятыми индивидуальными.

Кризис, разразившийся в двух этих больших коллективах в последующие годы и приведший к распаду Гдуд ха-авода и отъезду и возвращению некоторых его членов в СССР, а также к уходу части членов киббуца Эйн-Харод из поселения (они стали затем основателями мошава Кфар-Виткин), вытекал из того, что эти люди перестали ощущать себя авангардом большой армии, увидели вдруг, что они просто незначительное меньшинство в рабочем движении, которое все более отдаляется от них. Берл осознавал эти процессы, но чувствовал свою беспомощность перед происходящим.

Поселенческое движение замерло и возобновилось лишь в начале тридцатых годов. А пока закладывалось очень мало новых поселений, да и те были сплошь основаны представителями среднего класса. Базой рабочего движения являлись наемные рабочие, а потому у Берла не было необходимых средств (капитала и земель) для изменения положения.

Распад Гдуд ха-авода и раскол в Эйн-Хароде — это лишь небольшая часть трудностей, пережитых рабочим движением в годы экономического кризиса, начавшегося в конце 1926 года и продолжавшегося до 1929, когда молодой ишув из благоденствия первых послевоенных лет погрузился в пучину массовой безработицы, голода, отчаяния и нужды. В первую очередь кризис обрушился на рабочих города. Тель-Авив, где в счастливые годы процветания дома росли, точно грибы после дождя, стал теперь главной жертвой кризиса. С прекращением алии замерло строительство, новых источников работы не появилось, крах мелких подрядчиков и фабрикантов еще более усугубил положение. В разгар кризиса около

трети рабочих Тель-Авива были безработными.

Пострадали все учреждения, созданные рабочим движением. Всюду царила одна напасть — нехватка средств. Было ясно, что без значительной помощи из-за границы ни одно из начинаний рабочего движения, начиная с "Давар" и кончая Солел-Боне и больничными кассами, не сможет продержаться.

Поэтому в конце 1926 года (или в начале 1927 года) в Соединенные Штаты была отправлена делегация в составе двух человек — Дова Хоза и Залмана Рубашова, которой было поручено обратиться за помощью к тем же организациям еврейских рабочих Америки, к которым в начале двадцатых годов обращался Берл. Не приходится сомневаться в колоссальной важности тех существенных денежных сумм, которые удалось собрать этой делегации (первый платеж, поступивший, по-видимому, в марте 1927 года, составлял 4000 египетских фунтов). В закупорившиеся были артерии кооперативных организаций, больничных касс, культурных и других обществ поступили новые, жизненно необходимые кредиты.

Самой тяжелой по объему капиталовложений была проблема дальнейшего финансирования Солел-Боне. Солел-Боне — творческое создание городских рабочих, любимое детище Давида Ремеза, централизованная, действенная организация, сослужившая хорошую службу Рабочему обществу, самая крупная подрядная компания Гистадрута — стояла на пороге краха. В работе Солел-Боне вскрылись серьезнейшие просчеты и коррупция, ставшие одной из главных тем дискуссии на третьем съезде Гистадрута (1927 год).

Берл полагал, что открытая и организованная критика совершенных Солел-Боне ошибок и злоупотреблений, не переходящая, однако, в истерию и личные нападки, ведущаяся с соблюдением "известных пропорций", необходима для внутреннего очищения рабочего движения. У самого Берла была незапятнанная репутация, он считался хранителем моральных основ рабочего движения, его совестью. К Берлу

приходили с рассказами о коррупции, с известиями о незаконном пользовании векселями Солел-Боне и прочих злоупотреблениях. Никто не сомневался в личной честности Берла. И действительно, они с Леей жили очень скромно, а если Берл и брал при необходимости ссуды от "Давар" на более льготных, чем другие, условиях, то этот факт не противоречил существовавшим тогда нравственным нормам. Но Берл проявлял излишнюю снисходительность к случайным промахам и грехам товарищей.

В те годы еще не знали крупных растрат, которые совершаются преднамеренно или по заранее продуманному плану. Случавшиеся факты коррупции и злоупотреблений были, как правило, досадными недоразумениями. Конечно, с принципиальной точки зрения всем было ясно, что так поступать нельзя, особенно же недопустимо это было для общественности, провозглашавшей равенство, простоту и скромность наиболее правильным образом жизни.

Берл с пониманием относился к слабости того или иного человека, который использовал общественные средства для выхода из личных затруднений, рассчитывая вернуть деньги, но потом запутывался и уже не мог их отдать. Но с трибуны третьего съезда Берл беспощадно обрушился на принцип выплаты "авансов" и чрезмерно высоких зарплат. Он бичевал расцветшую в Гистадруте бюрократию, однако критика его оставалась умеренной и ограниченной. Берл не забыл напомнить, что те, кого сейчас обвиняют во всех смертных грехах, "были халуцами в течение многих лет". Берл объяснял неудачи Солел-Боне организационными просчетами и чрезмерной доверчивостью, вытекавшей из товарищеского, семейного характера Гистадрута. В конце Берл потребовал признать коллективную ответственность за случившееся, ибо без чувства взаимной ответственности в рабочем движении разрастается анархия, и подчеркнул, что в последнее время проявилась склонность к излишней подозрительности и поиску преступлений.

Вопрос о Солел-Боне был неразрывно связан с проблемой отношений между рабочим движением и Правлением Всемирной сионистской организации. Когда собрался третий съезд Гистадрута, дальнейшая судьба Солел-Боне оставалась еще неясной. Руководство Гистадрута располагало обязательством правления ВСО о том, что оно примет участие в погашении долгов Солел-Боне и во всяком случае не допустит позорного краха компании. Через месяц после съезда Гистадрута в Базеле состоялся 15 Сионистский конгресс. Несмотря на огромные трудности, которые переживало тогда рабочее движение Эрец — экономический кризис, история с Солел-Боне, раскол в Эйн-Хароде, — Ахдут ха-авода приложила все усилия к тому, что послать на конгресс представительную делегацию. Наиболее видными ее членами были Берл, Бен-Гурион, Ремез и Харцфелд. Факт этот свидетельствовал о большом значении, которое придавалось в партии результатам конгресса. Берл надеялся, что ему удастся убедить тех, от кого зависели решения конгресса, возобновить приобретение земель из средств Керен каемет ле-Исраэль.

Однако экономический кризис, свирепствовавший в Палестине, отражал кризис всего сионистского движения. Поступление средств в фонды Всемирной сионистской организации резко сократилось, а потому ее возможности брать на себя новые обязательства были крайне ограничены. Фактически ВСО не могла финансировать даже ранее заключенные соглашения.

Тяжелое финансовое положение побудило американских сионистов потребовать учреждения "практического" Правления, состоящего из специалистов, а не идеологов, которые только затруднят принятие болезненных решений. Это требование означало, по существу, создание правления без участия левого и правого крыла. Вейцман поддержал это предложение, полагая, что его осуществление обеспечит финансовую поддержку Правления американскими сионистами. Когда перед делегациями рабочих партий встала

альтернатива: воздержаться от голосования на конгрессе и тем самым дать возможность представителям "нового курса" в сионизме образовать Правление или проголосовать против и привести к роспуску конгресса без создания нового Правления, они предпочли пойти на риск — лучше нерабочее Правление, чем его отсутствие.

Но не прошло и десяти дней, как на рабочее движение обрушился удар, сразу прояснивший Берлу изменения, произошедшие в руководстве Всемирной сионистской организации: 22 сентября 1927 года Исраэль Кохен (генеральный секретарь Правления) объявил Ремезу и Харцфелду, что у нового Правления нет возможности участвовать в погашении долгов Солел-Боне и что оно вынуждено будет также значительно сократить ассигнования на нужды культурной комиссии Гистадрута.

Возможно, неожиданность и растерянность, вызванные однозначным и быстрым приговором Правления ВСО, довели Берла до столь нехарактерного для него бурного срыва. Он излил накопившийся гнев на своего друга и политического союзника Курта Блуменфелда, представителя прогрессивных сионистов Германии, которые приложили руку к избранию нового Правления. Их мотивы не слишком отличались от тех, которыми руководствовались представители рабочего движения, также способствовавшие избранию нового Правления. Поэтому взрыв Берла и его обвинения германских прогрессистов в союзе с представителями "нового курса", провале конгресса и поселенческого движения в Эрец свидетельствовали скорее о горьком разочаровании Берла в политике нового Правления, чем об ошибочной линии Блуменфелда и его товарищей.

Сотрудничество рабочих Эрец с прогрессистами, в духе которого он воспитывал своих товарищей, потерпело поражение — гневно писал Берл Блуменфелду. В час испытания прогрессисты оказались неверными союзниками. Поэтому следует искать

”победы сил сионизма (то есть рабочего движения – прим. автора) на другом пути, на пути упорной, даже жестокой борьбы”. Это заявление, продиктованное отчаянием в возможности союза с либеральными сионистскими течениями, было наиболее близко к идеологии классовой борьбы, чем все, когда-либо написанное Берлом.

Письмо Берла глубоко задело Блуменфелда. ”Отчего вдруг такое письмо, ведь еще несколько дней назад мы сидели друг против друга с совершенно иными чувствами?” – писал он в ответ на ошеломляющее письмо Берла. Блуменфелд опровергал все положения Берла и просил его не разрывать их личной дружбы. Но при всей своей симпатии к Берлу, Блуменфелд не сомневался, что в политической борьбе у его друга нет тормозов. ”Я знаю, – пишет Блуменфелд, – что ты сделаешь все, чтобы очернить репутацию нашей группы с политической точки зрения и, к величайшему моему сожалению, даже с личной...” Таким образом, неспособность Берла отделять политическую борьбу от личных взаимоотношений не укрылась от взгляда его наблюдательного союзника.

Самый главный вывод, сделанный Берлом из 15 Сионистского конгресса – из нарушения новым Правлением Всемирной сионистской организации обещаний, данных предыдущим, из решения о направлении комиссии специалистов для проверки рентабельности киббуцов и мошавов и беспомощности рабочих перед правящими кругами ВСО, был один: рабочие должны завоевать власть в сионистском движении.

Если неудачи Четвертой алии и тягчайший экономический кризис, наступивший вслед за нею, послужили Берлу доказательством справедливости лозунга рабочего движения о том, что Эрец не удастся построить ”естественным путем”, а лишь соединенными усилиями национального капитала и халуцим, то перелом в отношениях между правлением

ВСО и рабочим движением привел его к заключению, что рабочее движение не может ограничиваться заботами о финансировании поселений и другими традиционными вопросами, отдавая руководство сионистским движением на откуп либералам во главе с Вейцманом.

В публичной лекции, прочитанной им в тель-авивском Народном доме сразу по возвращении из поездки в Европу, Берл призвал рабочих **завоевать сионистское движение**. У него нет иного пути, кроме как подчиниться диктату рабочих, а у рабочих нет иного пути, кроме завоевания абсолютного господства в сионистском движении в экономической и культурной области.

Предварительным условием захвата власти в сионистском движении являлось завоевание еврейской молодежи диаспоры и воспитание ее в духе идеалов рабочего движения. В молодежном движении стран диаспоры существовал раскол, отражавший состояние рабочего движения в Эрец (перед съездом общества хе-Халуц в Данциге Берл с опасением писал о возможной демонстрации застарелого соперничества между ха-Поэл ха-цаир и Ахдут ха-авода "перед ребятами из-за границы"), и это являлось, по мнению Берла, главным препятствием тому, чтобы рабочее движение Эрец-Исраэль бросило все свои силы на выполнение поставленной им задачи. А отсюда непреложный вывод: рабочее движение добьется гегемонии в ВСО только в том случае, если будет единым, и первым на повестке дня станет вопрос об объединении палестинских партий ха-Поэл ха-цаир и Ахдут ха-авода. Тем самым Берл возвращался к своему первому тезису о том, что единство — это источник силы рабочего движения, тезису, провозглашенному им еще в дни создания Ахдут ха-авода.

Три года назад, в 1925 году была предпринята попытка объединения ха-Поэл ха-цаир с Ахдут ха-авода.

Оказалось, что руководители двух партий, принад-

лежавшие к поколению Второй алии, могут найти общий язык, а противодействие объединению исходит как раз от рядовых членов обеих партий. Объединение так и не осуществилось, и на несколько лет вопрос этот был заброшен. Всемирный союз Поалей Цион к тому времени еще не переварил объединение с Цеирей Цион, навязанное ему партией Ахдут ха-авода, а потому нечего было и думать о новом объединении.

По-видимому, кризис в отношениях с Правлением Всемирной сионистской организации послужил главным стимулом, подтолкнувшим обе партии еврейских рабочих Эрец-Исраэль к единству, к слому существовавших между ними перегородок. Причем именно энергия Берла, его практические шаги навстречу ха-Поэл ха-цаир спрямили путь к объединению, превратили несколько отвлеченное стремление к единству, всегда существовавшее в рабочем движении страны, в реальный фактор политической жизни.

Надо сказать, что когда Берл открыл свои замыслы Бен-Гуриону, тот от всей души поддержал Берла и со всем присущим ему упорством взялся за нелегкое дело объединения, хотя всего на пару недель раньше высказывался на эту тему весьма сдержанно. Отношения Табенкина к инициативе Берла было куда более проблематичным.

На Совете Ахдут ха-авода (в октябре 1927 года) предложение об объединении было поддержано подавляющим большинством голосов. Воздержались лишь трое членов ха-Киббуц ха-меухад: Табенкин, Островский и Идельсон. Члены ха-Киббуц ха-меухад шли на объединение так, точно их подгоняла к нему нечистая сила. Какая разительная перемена по сравнению с 1919 годом, когда Табенкин с бурным энтузиазмом участвовал в деле создания Ахдут ха-авода!

Берл связывал возражения членов ха-Киббуц ха-меухад против объединения с тем, что партия ха-Поэл ха-цаир враждебно относилась к идее всепалестинского киббуца (Киббуц Арци). В речи на Совете Ахдут ха-авода Берл выразил уверенность в

том, что после объединения споры о формах поселенчества лишатся излишней партийной пристрастности, с которой велись они до того. С другой стороны, говорил Берл, объединение положит конец опасности изоляции отдельных поселенческих групп на почве различий в форме поселенчества. Трагическая судьба Гдуд ха-авода показала, что может произойти с халуцианской поселенческой организацией, оторвавшейся от центрального потока рабочего движения.

Выступая на Совете Ахдут ха-авода, Берл воздержался от того, чтобы открыто приписывать членам ха-Киббуц ха-меухад подобные намерения, но в его словах все же слышалось предостережение против создания "партий по интересам", как назывались тогда партии, базирующиеся на определенной форме поселенчества.

По окончании Сионистского конгресса 1927 года Берл принял участие в работе совета общества хе-Халуц в Данциге и выступал там с речью на съезде ха-Шомер ха-цаир, проходившем в то же время.

В этой речи Берл проанализировал неудачу, постигшую Гдуд ха-авода, сделал из нее вывод об опасности обособленного пути, по которому идет ха-Шомер ха-цаир и который, по словам Берла, ведет к созданию политической партии. Берл следующим образом определил этот процесс: "Сперва возникает организация, а затем для нее и ради нее разрабатывают политическую доктрину, добиваются господства и так далее". И затем Берл добавляет: "Трубить подросткам в уши с утра до вечера "киббуц, киббуц" — от этого толку мало, да и нельзя превращать жизнь в догму".

Возможно, опасение, что в диаспоре получат распространение молодежные группы, связанные с различными поселенческими организациями в Эрец, явилось одним из факторов, заставивших Берла вновь и с большей активностью выступить за объединение двух рабочих партий страны. Берл

надеялся, что объединенная крупная партия рабочего класса найдет широкую поддержку в молодежном движении диаспоры и предотвратит процесс его раскола. Критика, звучавшая в речи Берла, произнесенной в Данциге, не укрылась от его товарищей из ха-Киббуц ха-меухад. Неудивительно поэтому, что они видели в создании широкой рабочей партии, к которой стремился Берл, средство ослабить их влияние и в партии и в обществе хе-Халуц.

Объединение ха-Поэл ха-цаир и Ахдут ха-авода не походило на то личное сближение, на то единение сердец, преодолевающих прежние партийные границы, которое внесло столько воодушевления в работу объединительного съезда 1919 года в Петах-Тикве. Берлу не удалось на этот раз сохранить в товарищах душевного подъема. Вопрос об объединении решался ни шатко ни валко, переговоры тянулись всю зиму 1927—1928 годов. Весной 1928 года Берл, наконец, принялся за составление документа, служившего проектом объединенной программы со стороны Ахдут ха-авода.

25 мая 1928 года машина, в которой ехали на лекцию в Бен-Шемен Бен-Гурион и Берл, перевернулась и они оба были ранены. Ранение двух руководителей Ахдут ха-авода, и особенно Берла, еще более отсрочило объединение. В конце октября 1928 года состоялось еще одно заседание совета Ахдут ха-авода, одоббившее предложенный Берлом проект программы. Совет потребовал, однако, немедленно приступить к переговорам с партией ха-Шомер ха-цаир и добиться от нее обязательства следовать объединенной платформе. Это условие было выдвинуто с целью предотвратить отклонение объединенной партии от левых взглядов к более централистским. Оно, несомненно, затруднило переговоры и отсрочило момент объединения.

Лишь в июне 1929 года, то есть почти через полтора года после того, как Берл начал свою объединительную кампанию, была достигнута догово-

ренность о платформе и организационных рамках объединения двух партий*.

Рабочая партия Эрец-Исраэль (Мапай), возникшая в результате объединения Ахдут ха-авода и ха-Поэл ха-цаир, не охватила всего еврейского рабочего класса страны. Третья алия оставила после себя политическое наследие — ха-Шомер ха-цаир. Тем не менее, Мапай имела чрезвычайно широкую базу и охватывала в свое время около 80% всех рабочих Эрец. Она оставила неизгладимый след в истории ишува и сионистского движения.

Преданность Берла идее объединения рабочего движения выходила за рамки прагматических задач момента. Убеждение в том, что крупная партия всего рабочего класса станет заслоном против тенденции к расколу, поляризации, угрожающей рабочему движению во всем мире, составляло основу мировоззрения Берла и его представлений о будущем. Объединение осуществилось на основе совместно разработанного плана действий. Обе стороны одинаково оценивали взаимоотношения общества и капитала в Эрец-Исраэль и во всем мире, а также роль труда и рабочих в деле практического воплощения сионистских идеалов. Он надеялся, что крупная рабочая партия станет школой политической зрелости для еврейского народа и особенно молодежи, которая сплотится в ее рядах.

Результатом этого процесса явилось участие Мапай в Социалистическом Интернационале и объединение двух всемирных союзов — Поалей Цион и ха-Шомер ха-цаир. (*Прим. автора*).

Парадоксально, что Берл так стремился к объединению двух партий, ведь образование Мапай послужило катализатором тех процессов, которые уходили кор-

*Объединительная платформа была ближе по духу к программе Ахдут ха-авода, нежели к программе ха-Поэл ха-цаир. В этом находил четкое отражение процесс приближения членов ха-Поэл ха-цаир к сионистско-социалистическому мировоззрению Берла и его товарищей.

нями в двадцатые годы, но должны были проявиться в будущем, пошатнув особое положение самого Берла в рабочем движении. Уже не раз говорилось, что Берл был и оставался человеком Второй алии, поборником трудового поселенчества, тянувшегося душой к тесному кругу киннеретских друзей, к которому со временем присоединилось еще несколько человек, нашедших путь к его сердцу. В немногочисленной "семейной" партии Ахдут ха-авода, построенной на прямых личных связях, Берл чувствовал себя как рыба в воде: душевная теплота и обаяние его личности действовали на всех членов партии, ибо он непосредственно контактировал со всеми.

Мапай же оказалась гораздо более широкой организацией, которая в силу естественных причин уже не могла быть однородной по характеру, не могла строиться на личном знакомстве и непосредственных контактах. Прослеживая судьбу Берла, можно вывести следующую формулу: чем шире рамки организаций, в которых он действует, тем слабее его влияние в них. В крупной организации появляются центры частичного притяжения, образуются кружки, а Берл, стремящийся охватить их все, остается за их пределами. Теперь, глядя на события тех лет из будущего, можно убедиться, что усилия Берла по объединению Ахдут ха-авода и ха-Поэл ха-цаир привели в конечном счете к его закату как вождя.

Двадцатые годы, как уже указывалось, были для Берла переходом от запоздавшей зрелости к ранней старости. В волосах его пробилась седина, и только молодые глаза да озорная улыбка из-под усов намекали на тоску по уходящим радостям жизни. Отношения с Леей, после бурных перипетий начала двадцатых годов, вошли в устоявшееся русло. В 1934 году Лея с Берлом наконец переехали в приличную квартиру в квартале "Меонот овдим", построенном Гистадрутом в Тель-Авиве. В доме их царила простота, граничащая с бедностью, — Берл отдавал

часть зарплаты на содержание матери. По свидетельству всех знавших его людей, Берл был образцовым сыном. До последнего дня жизни Тайбл он часто навещал ее и заботился о ней. Некоторые, впрочем, утверждают, что повседневные заботы о матери Берла лежали на плечах Леи.

Нет никаких свидетельств о напряженности в отношениях между свекровью и невесткой, правда, преданий об особой любви между ними тоже не сохранилось. Лея признавала сыновний долг Берла, но проводила четкую границу между жизнью Тайбл и их собственной. Несмотря на то, что отдельное хозяйство матери Берла стоило им больших затрат, она никогда не жила вместе с Леей и Берлом — и это в те годы, когда сплошь и рядом существовали семьи из нескольких поколений.

Уже не раз упоминалось о нужде, сопровождавшей Берла и Лею в те годы. Следует добавить, что у них почти всегда гостил кто-нибудь из родственников, который пил и ел вместе с хозяевами, не платя ни гроша.

Семейный быт их был лишен какого бы то ни было комфорта. Лея все годы готовила на примусе, о такой роскоши, как холодильник, и говорить не приходилось. Более того — у Берла никогда не было наручных часов. Только в конце тридцатых годов появился в доме будильник — подарок лечащего врача Берла. Доктор Кунин подарил его Берлу, чтоб тот не забывал о часе приема лекарств. Это покажется странным, но в доме Берла очень долго не было радио, и Берл частенько стоял под окном у соседа, секретаря тель-авивского рабочего совета Иосефа Кициса, у которого имелись все технические новинки, и слушал новости. Собственной машины Берл тоже никогда не заводил, и когда ответственные служащие стали разъезжать в персональных автомобилях, Берл вечно ловил попутку. Подвозил его чаще других Элияху Голомб, но Берлу частенько приходилось подолгу ждать, подчас простаивая в ожидании

попутной машины целые часы после утомительного ночного заседания. Единственным новшеством, появившимся в доме Берла после переезда на новую квартиру, был телефон (номер 34). Поскольку Берл много работал на дому, телефон был ему насущно необходим.

Берлу по-прежнему не давали покоя дела брата и сестер. Кроме самой младшей, любимицы Берла, Ханы, которая стала социальным работником и жила в Иерусалиме, никто из них не смог найти себе места в жизни. Все они требовали от Берла внимания, поглощали массу времени, а он не мог, подобно Бен-Гуриону, уклоняться от всех семейных связей и страдал оттого, что не мог заставить себя относиться к родственникам с особым снисхождением. Тетка Берла, сестра его матери, торговала бубликами рядом со школой Тель-Нордау и во время большой перемены, когда за бубликами выстраивалась длинная очередь ребятишек, Тайбл приходила помогать сестре. Берла это очень шокировало.

Несмотря на помощь родичам мужа и расходы на содержание дома, вечно полного гостей, Лея умудрялась укладываться в скромный бюджет и даже баловать Берла. Весь дом вертелся вокруг него, а сама Лея, по крайней мере в двадцатые годы, удовлетворялась ролью домашней хозяйки, угождающей мужу и безропотно сносящей все его причуды.

Пожалуй, никогда прежде отношения между Берлом и Леей не были так близки к любви, как в эти годы. Их связывала и надежда на рождение ребенка. В Эрец ходило множество всяких побасенок про бездетность Берла. Некоторые говорили, что он поклялся на могиле Сары никогда не заводить ребенка. Иные, настроенные менее романтически, но более склонные к клевете, утверждали, что Берл был бесплоден. Эти слухи, надо полагать, распространились политическими недоброжелателями Берла, — ведь эти сплетни касались именно его, а не Леи. Но то были пустые рассказы, и возник этот своеобразный

фольклор только потому, что Берл безгранично любил детей, а своих у него так и не родилось.

Берл принадлежал к тем умеющим все обратить в игру людям, которые без труда сходятся с детьми и подростками. Талант Берла развлекать детей, играть с ними, его любовь к детским забавам были столь необычны в среде не слишком расположенных к юмору серьезных партийных руководителей, что все современники считали своим долгом особо отметить их. Человек, никогда не знавший, что такое детство, что такое игра, выросший среди взрослых, так и не испробовав всей сладости детской беспечности, возвращался в обществе детей к навсегда потерянному для него раю и отдавался этому с такой непосредственностью, что порой трудно было понять, где ребенок, а где взрослый. Дети вызывали у Берла постоянное любопытство, всегда удивляли его и никогда не надоедали, тогда как в обществе взрослых ему быстро становилось скучно.

У Леи надежда родить ребенка стала в те годы центром существования. Сестры ее вышли замуж, рожали детей. Во время родов Лея всегда приезжала к ним, помогала всем, чем могла. К своим подругам она тоже всегда спешила на помощь в трудную минуту. Так и крутилась ее жизнь вокруг чужих забот — родов, болезней, смертей. На ее долю выпадало мало радостей. С тех пор, как она отказалась от попыток работать вне дома, мир ее замкнулся на Берле и семейных делах и только надежда на появление ребенка скрашивала ее унылое житье.

Но судьба оказалась к Лее жестокой: она была дважды беременна и оба раза беременность кончалась выкидышем. Во второй половине двадцатых годов Лея и Берл уже перешагнули за сорок. Надежды завести ребенка становились все призрачнее, времени оставалось в обрез. И тут, в мае 1928 года, произошла автомобильная катастрофа на дороге к Бен-Шемени.

Людам того поколения не свойственно было открыто обсуждать интимные дела. Так же вели они себя и по отношению к болезням своих вождей. Но и в первом и во втором случае любопытство только возрастало от этой таинственности и сплетни быстро переходили из уст в уста. Отсюда, видно, заблуждение современников, считавших, что Берл и Бен-Гурион получили легкие ранения. Исследование документов показывает, насколько серьезно в действительности обстояло дело.

Берлу шесть раз накладывали гипс, и шесть раз нога его не срасталась. Почти целый год вынужден был он провести в постели с подвешенной ногой. Порой состояние его улучшалось, но затем всегда следовало внезапное обострение. Наконец, его отправили за границу и после непродолжительного лечения в берлинской больнице состояние его настолько улучшилось, что он уехал из Берлина без костыля, которым до тех пор постоянно пользовался. Однако до конца своих дней Берл прихрамывал.

Год, в продолжение которого Берл был закован в гипс, был годом гибели всех надежд на рождение ребенка. Вернувшись в Эрец из-за границы, Берл, уставший от сидения в своей конуре, с головой погрузился в сумятицу политических споров. А немного времени спустя, в конце 1929 года, он уехал по поручению только что родившейся объединенной партии в командировку — сперва в Германию, а затем в Лондон. Эта его поездка продолжалась около четырех месяцев.

В те долгие зимние месяцы Лея, видимо, в последний раз решила попытаться родить ребенка. После консультации с несколькими врачами в Иерусалиме и с профессором Ашерманом, она легла на лечение в больницу. Письма Леи к Берлу показывают, до какой степени отчаяния она дошла: "Опять наркоз и вся эта приятная процедура. Но оставаться после всего этого тут в одиночестве я бы уже не хотела, да

и что толку... и несмотря на то, что политические дела так осложнились, мы все-таки должны строить свои планы, учитывая наши обстоятельства”.

Проведя тяжелейшую неделю в больнице, вконец измученная, Лея вернулась домой и тут Бейлинсон сообщил ей, что товарищи потребовали от Берла остаться в Лондоне еще на некоторое время. Это известие добило Лею. ”Я просила Бейлинсона, чтобы они отменили свое требование, но разве их трогают личные дела?” — писала Лея Берлу. Она намекала Берлу, что могла бы прилететь к нему в Лондон, — но он никак не отреагировал на эти намеки.

С политической точки зрения поездка Берла была успешной, он пользовался в Англии большой популярностью. С превеликой осторожностью пишет он Лее, что, видимо, вынужден будет остаться в Англии до весны, разумеется, против своего желания. Лея попробовала было уговорить Берла вернуться в Эрец, воздействуя на него тем, что этого требуют дела газеты, и присовокупляя к этому последний отчаянный довод: ”Не говоря уж о том, что для нас это сейчас так некстати. Может быть, ты еще сможешь изменить свои планы?”

Но он не склонился на эти мольбы — то ли потому, что, по обыкновению, стеснялся обнаруживать свои чувства, то ли потому, что был увлечен работой, то ли оттого, что уже смирился с тем, что им суждено остаться бездетными. Он весь ушел в работу, чувствуя, что ему не хватает времени сделать все намеченное, и политическая деятельность, которой он отдал всего себя, отчасти заменила ему желанного ребенка.

Но у Леи никакой замены не было: она не имела особых интеллектуальных запросов, не читала книг, не занималась всерьез общественными делами. Мир ее все более суживался, замыкаясь стенами дома. Все нерастраченные запасы любви и ласки она изливала на Берла. Ее отношение к нему становилось все более материнским, собственническим. Она следила за его

здоровьем, за тем, чтобы он вовремя посещал врачей, за тем, чтоб не забыл надеть теплое пальто и не простудился, за тем, чтобы купил себе шляпу и т. д. и т. п. И пока Берл расцветал в лучах своих заграничных успехов, на Леином лице появлялись новые морщины, а в уголках рта глубже прорезались скорбные складочки.

Боевое крещение на государственном поприще 1929 – 1931

1929 год стал переломным в истории ишува и сионистского движения. Бурным летом 1929 года закончился период затишья, начавшийся в 1922 году, и наступила полоса перемен, которые круто изменили линию сионистского движения, поставили перед Всемирной сионистской организацией и ишувом совершенно новые задачи. Летаргический сон двадцатых годов сопровождался появлением ложного чувства безопасности, базировавшегося на ложном предположении, что националистическое арабское движение в Палестине крайне ослабело, почти сошло на нет и что с политической точки зрения Всемирная сионистская организация располагает неограниченным временем для заселения страны. Основой такой концепции служило спокойствие, воцарившееся в Эрец после беспорядков 1921 года и Белой книги 1922 года.

В центре внимания ВСО находились экономические и финансовые проблемы. Именно по этим вопросам шли нескончаемые дискуссии на сионистских конгрессах, ради их решения обивал Вейцман пороги меценатов, ради этого предложил он, несмотря на оппозицию справа и слева, создать Еврейское агентство, которое должно было привлечь к делу строительства Эрец влиятельных, богатых евреев, в том числе и несионистов, даже в ущерб демократической структуре сионистского движения, ибо в нем приобретали заметный вес нотабли, никого не представлявшие и никем не избранные.

Цюрихский конгресс 1929 года, где обсуждалось это предложение, проходил особенно торжественно. Даже те, кто лишь частично поддерживали идею создания Еврейского агентства и продолжали сомневаться в его целесообразности, поддались очарованию праздничной обстановки и воспылали великими надеждами на его успех. Казалось, миновало время малых дел, кризис закончился и сионистское движение стоит на пороге интенсивного строительства Эрец-Исраэль.

Однако 23 августа, когда делегаты конгресса еще не успели разъехаться по домам, в Палестине вспыхнули кровавые столкновения, вошедшие в еврейскую историю под названием "беспорядков месяца ава", которые разом зачеркнули все надежды и чаяния сионистов. Цюрихский конгресс принадлежал еще к эпохе "старорежимного сионизма", главным содержанием которого были конгрессы и совещания, вполне буржуазные по характеру. Он являлся естественным продолжением неторопливых двадцатых годов. Беспорядки 1929 года поставили крест на "старом сионизме" и мгновенно перенесли сионистское движение и ишув в бурные тридцатые годы, когда от руководства ишува и Всемирной сионистской организации постоянно требовалось принятие мгновенных решений в новой непрерывно меняющейся обстановке.

Итак, если в истории ишува происходили когда-либо события, заслуживающие определения "травма", то это были беспорядки 1929 года. Ошеломленно и растерянно взирали евреи на жуткие сцены, разыгравшиеся в Хевроне и Цфате, Моце и Хулде. В этих событиях проявилась слабость Хаганы, не сумевшей вовремя отреагировать на арабские нападения. Чувство беспомощности, пережитое тогда многими евреями, нашло отражение в том, что беспорядки 1929 года получили в ишuve название "погром".

События 1929 года вновь поставили арабскую проблему в центр внимания сионистов. Проблема эта

не была новой, она существовала с самого начала еврейского поселенчества в Эрец-Исраэль. "Беспорядки месяца ава" просто вывели арабскую проблему из латентного состояния, сделали ее жгучей. Около двух лет не сходил этот вопрос с повестки дня ишува, он обсуждался на страницах газет, на внутривнутрипартийных и межпартийных дискуссиях, в узких инициативных группах, пытавшихся так или иначе решить проблему отношений с арабами. Наиболее важной из этих групп было общество "Брит-Шалом".

У Берла отношение к арабской проблеме сложилось гораздо раньше. Всякий, изучающий его наследие, с удивлением заметит, как мало внимания уделял он этому вопросу. В то время как Бен-Гурион непрерывно искал путей договоренности с арабами, Берл почти вовсе не касался еврейско-арабских взаимоотношений, а если и писал что-нибудь на эту тему, то всегда очень осторожно, сдержанно и безо всякого оптимизма, столь характерного для разнообразных планов Бен-Гуриона по решению арабского вопроса.

В годы Второй алии Бен-Гурион и Бен-Цви искали общие этнические корни арабских феллахов и еврейских рабочих, пытались относиться к феллахам как к родичам евреев, живших во время Второго храма. В 1924 году, когда на съезде Ахдут ха-авода в Эйн-Хароде обсуждался арабский вопрос, Бен-Гурион заявил: "Судьба еврейского рабочего связана с судьбой арабского рабочего. Мы вместе добьемся успеха или вместе потерпим крах. Все мы, и еврейские, и арабские рабочие — дети одной страны, и пути наши навеки связаны".

Концепция общности судьбы и братства между еврейскими и арабскими рабочими на общей родине была положена Бен-Гурионом в основу плана создания союза между рабочими-арабами и рабочими-евреями. На протяжении двадцатых годов Ахдут ха-авода провозглашала план "совместной организации" — основания арабо-еврейского рабочего союза, который решит арабскую проблему. План этот покоился

на еще популярной в тридцатые годы убежденности в том, что национальные противоречия имеют социальные истоки и что братство между рабочими двух национальностей может разрешить их. Противоречия между евреями и арабами, проповедовали защитники идеи "совместной организации", уходят корнями в ненависть отсталых арабских эфенди к передовым еврейским рабочим, несущим с собою социальный прогресс. У еврейских и арабских рабочих нет и не может быть антагонистических интересов. А если арабский рабочий проявляет ненависть к своему собрату-еврею, то причина ее в подстрекательстве и враждебной агитации классовых врагов и арабского и еврейского рабочего.

Такой подход исключал необходимость выработки политики по отношению к арабскому националистическому антиссионистскому движению, а выработка такой политики была сопряжена для социалистов, веривших в братство народов и их право на самоопределение, с настоящими душевными муками. Конечно, сегодня такой подход представляется нам наивным, прячущимся от действительности. Однако в двадцатые годы, в связи со слабостью арабского националистического движения в Палестине, он казался приемлемым. Каждый, кто внимательно прочтет книгу Бен-Гуриона "Мы и наши соседи", увидит медленный процесс возмужания политического деятеля, его отрезвления от социалистических догм, владевших им в двадцатые годы.

Берл, в отличие от Бен-Гуриона, никогда не поддавался очарованию "совместной организации". У Берла не было никаких иллюзий в арабском вопросе. Он и в двадцатые годы не разделял прекраснодушного и наивного оптимизма приверженцев "совместной организации". Молчание Берла говорило не о равнодушии, а о сомнениях. Будучи социалистом, он не считал правильным возражать против "совместной организации", выражавшей стремление еврейских рабочих скрасить долю арабского рабочего.

На протяжении двадцатых годов Берл проявлял терпимость и широту взглядов в отношении новейших попыток решения арабского вопроса. 2 июля 1925 года Хуго Бергман опубликовал в "Давар" (только что начавшей выходить в свет) статью "Поговорим начистоту", где призывал обе рабочие партии выразить свое отношение к арабской проблеме и заявить, что в Палестине есть два равноправных народа и она является родиной для них обоих. Берл, редактор "Давар", не только предоставил страницы своей газеты для такой статьи, но и написал автору письмо, благодаря его за то, что тот "мужественно и недвусмысленно" пытается поднять важнейшие вопросы жизни Эрец-Исраэль. В этом письме Берл разъясняет свою позицию по арабскому вопросу. Предлагаемое им решение заключалось в создании двух отдельных автономных образований с широкими полномочиями. "Мне кажется, самое больное место в любом соглашении с арабами состоит в том, что у нас есть явное желание **перестать быть меньшинством** (выделено в оригинале. — *Прим. автора*). И это наше желание мы не можем затушевывать, ибо всякое завуалирование будет, во-первых, нечестным, а во-вторых, разрушит движущие нами национальные импульсы".

В этих словах, пожалуй, ключ к пониманию позиции Берла. Он очень рано нащупал корень проблемы в ее национально-политическом аспекте. Поэтому о любых пустопорожних планах, не разрешавших кардинальной проблемы национального большинства и национального меньшинства в Палестине, не стоило, по мнению Берла, особенно хлопотать. Став сионистом, Берл верил в максималистский сионизм. Для него сионизм не имел смысла, если не обеспечивал возвращения в Эрец-Исраэль всех общин диаспоры и создания в ней еврейского национального большинства.

Берл считал, что право евреев развивать Палестину, создавать в ней динамичное и процветающее хозяйство

не подлежит сомнению. Арабы обладают в Палестине различными правами, но не имеют права препятствовать евреям создавать в ней новую жизнь. Пусть арабы все еще составляют в Палестине большинство, но это обстоятельство можно изменить путем еврейской иммиграции, приобретения земель и поселенчества. Поэтому эти три фактора составляют главное в сионизме и на них следует сосредоточить все усилия. Именно они, а не спасительные формулировки, являются решением арабской проблемы.

Такой, исходящий из реальной обстановки в Палестине, динамичный подход к арабской проблеме не игнорировал ее самое, но менял масштабы и пропорции. Определяющим являются не поиски путей политического и социального соглашения между евреями и арабами, а изменение реальности, существующей в Палестине. Главным, таким образом, оказывается не арабская проблема, а проблема еврейская. Берл не обходил молчанием вопрос о переходном периоде — что будет до тех пор, пока возникнет еврейское государство. Ответом на этот вопрос был план создания двух автономных образований.

Согласно этому плану, каждая из двух национальных единиц в Палестине — еврейская и арабская — имеет право на отдельное и самостоятельное развитие, без взаимных ограничений. Каждой из них следует предоставить полную автономию в избрании путей и темпов развития. Раздел на две автономных единицы составлял основу основ концепции Берла. Он отказывался называть план "совместной организации" его общепринятым наименованием и пользовался термином "организация арабского рабочего". Ибо Берл стремился создать не единую организацию еврейских и арабских рабочих, а две отдельные организации, причем еврейские рабочие могли бы оказывать арабам помощь в процессе формирования самостоятельной организации.

Существуют две причины того, что Берл особо

подчеркивал отдельность двух национальных организаций. Во-первых, он полагал, что совместное участие евреев и арабов в одной политической единице сделало бы в тогдашних условиях особенно наглядным количественное преобладание арабов. Соблюдение формальной демократии означало бы признание статус-кво и, разумеется, господства арабов в Палестине. Во-вторых, утверждал Берл, когда налицо две столь разные культуры, нет места для их совместного существования, ибо более отсталая из них может тормозить развитие более передовой.

Берл, в отличие от многих лидеров еврейского рабочего движения, не склонен был идеализировать образ араба. Он знал арабов со времен Второй алии и то, что он видел, отнюдь не вызывало в нем восхищения. Все руководители еврейского рабочего движения единодушно ненавидели арабского эфенди, который вполне соответствовал традиционному прототипу классового врага: корыстолюбец, взяточник, получающий изрядную прибыль от продажи земли евреям и одновременно подстрекающий против них темную массу, надеясь таким образом попутно взвинтить цены на землю. Иным было в среде рабочего руководства отношение к арабскому рабочему и феллаху. Уже упоминалось о попытках Бен-Гуриона и Бен-Цви отыскать общие корни евреев и палестинских арабов.

Подобные романтические тенденции находили продолжение и в двадцатые годы. Как мы уже говорили, план "совместной организации" не был свободен от них. Но Берл не "грешил" сентиментальными выражениями по адресу арабов. Он, похоже, перенес свою враждебность к русскому крестьянину, в которой отражалась вековая ненависть еврейства черты оседлости к русским и украинским погромщикам, на крестьянина арабского. Берл вообще не любил чужаков, а тем более таких, которые нападали на евреев. Он не мог смириться с рационалистическим подходом к погромам, а тот факт, что

арабские громады принадлежали в большинстве к простонародью, ничуть не умерял его ненависти к ним.

”Разговоры, ведущиеся у нас в Эрец об арабах, и сентиментальность, царящая в этих вопросах, — говорил Берл в 1930 году, — напоминают мне тот период в России, когда вся молодежь носилась с мужиком. Ах, как пели там песни Шевченко, как самозабвенно учили наизусть стихи Некрасова! Того самого мужика, с которым в действительности этим молодым людям и стоять было тяжело из-за дегтярного духа, идущего от его сапог, они воображали образцом душевной чистоты. Считалось, что к нему надо питать такое сострадание и братскую любовь, которых молодой человек не мог проявить ни к своим соседям — ремесленникам и торговцам, ни даже к родным отцу и матери. Мне кажется, у нас в Эрец-Исраэль араб начинает играть ту самую романтическую роль мужика”. Далее Берл продолжает параллель между русским мужиком и палестинским феллахом: так же, как в России не предотвратила погромов русская или польская рабочая организация, не предотвратит их в Палестине арабская. Поэтому усилия, вкладываемые в организацию арабских рабочих, следует здраво оценивать и соразмерять с пользой, которую такая организация может принести. Трезвая оценка арабских рабочих, видимо, спасла Берла от разработки грандиозных планов, в которые были погружены его товарищи.

С другой стороны, Берл всегда относился к арабам по-человечески, гуманно. После беспорядков ”Давар” выступила против актов мести. Об арабах газета писала в сдержанном тоне. Вскоре стали публиковаться заметки ”Свет из тьмы”, сообщения о случаях, когда арабы спасали евреев от погромщиков, подчас рискуя собственной жизнью. Похоже, требование Берла сохранять гуманное отношение к арабам вытекало не из любви к арабам, а из опасения, что евреи утратят присущую им высокую человечность.

поддавшись дикой разнузданной мести. Невозможно создать нацию, проникнутую социалистическими или, по меньшей мере, гуманистическими идеалами, если она складывается на фундаменте пролития крови другого, соседнего народа.

Трезвость, характерная для личного отношения Берла к арабам, и сознание колоссальных различий между еврейской и арабской культурами привели Берла к разработке плана политических действий, отвечающего интересам сионистского движения.

Основные положения этого плана таковы. Нельзя предлагать никаких конституционных изменений в Палестине, ибо любое подобное изменение, естественно, будет на руку существующему большинству, то есть арабам. Берл не мог отказаться от стремления к созданию еврейского большинства в Палестине и поэтому ему было ясно, что в политической плоскости евреи ничего не могут предложить арабам. Посему следует остановиться на идее национальной автономии, строящейся снизу, то есть из малых ячеек — муниципалитетов. Лишь после того, как автономия на местном уровне окрепнет, возникнет автономия, охватывающая всю национальную общину, и власть в Палестине будет принадлежать двум национальным автономным организациям, которые будут равноправными даже в случае численного неравенства. Такое состояние Берл называл "паритетом".

С точки зрения сионизма этот план обладал несколькими преимуществами. Он заранее предусматривал достаточно длительный инкубационный период роста в надежде на усиление среди арабов демократических сил, с которыми, возможно, удастся прийти к соглашению. Ни на одном этапе из всех, предусмотренных планом Берла, в том числе на конечном — этапе паритета, евреи не будут находиться под властью арабов, а развитие еврейского сектора ничем не будет ограничиваться. Кроме того, в плане Берла последовательно проводился принцип равенства национальных прав на Палестину евреев и арабов,

исходивший из существования двух народов, стремящихся к созданию суверенных государств, и нигде не указывалось, что тогдашнее национальное большинство имеет право на власть в Палестине.

Беспорядки 1929 года или, точнее, реакция на них со стороны евреев, привели к изменению отношения Берла к кругам, призывавшим к соглашению с арабами, то есть к обществу "Брит Шалом" и его сторонникам. Берлу всегда нравились интеллектуалы, у него было с ними много общих интересов. В России у Берла водилось немало приятелей среди интеллектуалов: Лацкий-Бартольди, дружба с которым не выдержала испытания временем, Лещинский и многие другие. В Палестине Берл подружился с Ш. И. Агноном и Довом Саданом.

Даже с интеллектуалами, происходившими из другой, чем он, культурной среды, например из Центральной Европы, Берл находил общий язык. Встретившись с Хуго Бергманом в Германии, Берл, несмотря на формальную принадлежность Бергмана к партии ха-Поэл ха-цаир, поддерживал с ним прочные дружеские отношения. Со временем у Берла завязутся исключительно теплые дружеские связи с Гершомом Шоломом, молодым другом Хуго Бергмана. С глубоким уважением относился Берл к Роберту Вельтшу.

Но личная симпатия и уважение к человеку никогда не мешали Берлу резко критиковать его. Берл считал, что беспорядки 1929 года посеяли панику в обществе "Брит Шалом" и близких к нему кругах и что паника эта оказала деморализующее воздействие на общество.

Члены общества "Брит Шалом", в особенности иерусалимцы Эрнест Симон, Ханс Кохен и Хуго Бергман, были потрясены беспорядками и пришли к выводу, что если в ближайшее время не будет найден путь к договоренности между евреями и арабами, то осуществление целей сионизма станет невозможным. Эта группа проповедовала учение Ахад-Гаама, а не

сионизм максималистского толка. Поэтому она была готова ради соглашения с арабами пойти на уступки и на такие изменения в тексте мандата, которые передали бы власть в Палестине тогдашнему большинству, оговорив лишь, что определенные вопросы будут окончательно решаться британским Верховным наместником. В мировоззрении участников "Брит Шалом" моральные мотивы и чувство вины за сотрудничество евреев с британским империализмом, искажающим в угоду им режим управления Палестиной и препятствующим установлению демократии, перемешались со страхом перед возможностью нового взрыва арабского национализма и ужасами, которые он может повлечь за собой.

Но еще больше, чем паники в Иерусалиме, опасался Берл растерянности среди молодежи, принадлежавшей к рабочему движению. Сложность политической обстановки, лозунги левых и "Брит Шалом" оказывали несомненное влияние на молодежь. Влияние это ощущалось в партии прежде всего в распространении идей "Совместной организации", связанной с отказом от принципа еврейского труда.

И тут терпимость Берла к спорным точкам зрения по арабскому вопросу исчезла. Через несколько дней после беспорядков, когда из Иерусалима стали раздаваться призывы к переговорам, в которых слышалась готовность к отказу от положений Декларации Бальфура и принципа массовой алии, Берл, выступая на полузакрытом собрании, окрестил минималистов из "Брит Шалом" "отщепенцами", намекая на их происхождение из ассимилированных семей Центральной Европы, оторванных от глубинных корней. Эти слова Берла, отражавшие противоречия между евреями Западной и Восточной Европы, произвели настоящую бурю. В последующие годы это недипломатичное выступление не раз оборачивалось против Берла в политических спорах.

В "Давар" была введена цензура материалов, отражавших точку зрения общества "Брит Шалом" и

его сторонников. Когда "Ха-Арец" опубликовала манифест группы под названием "Наша оценка", "Давар" не перепечатала самой статьи, но поместила язвительный сатирический отзыв на нее популярной арабской газеты "Фалаштин". Ответная статья Хуго Бергмана на выступление Ханса Кохена тоже не нашла себе места на страницах "Давар". В час опасности Берл не видел никакого проку в церемониях и терпимости к декларациям, польза которых казалась ему весьма сомнительной для общества, борющегося за существование, где уверенность в своей правоте имеет жизненно важное значение для успеха борьбы.

Отстаивание идей сионизма и воспитания молодежи в духе сионистского максимализма стали центральными вопросами во время поездки Берла по Европе в декабре 1929 года. Первой остановкой на его пути был съезд сионистов Германии, состоявшийся в Иене (декабрь 1929 года). Немецкие сионисты находились под сильным влиянием Роберта Вельтша, взгляды которого были весьма сходны с мировоззрением участников общества "Брит Шалом". Курт Блуменфелд, возглавлявший партию левого центра и являвшийся председателем Союза сионистов Германии, поддерживал Вельтша и не позволял нападать на него. Итак, в Германии Берл нашел те самые настроения, против которых воевал в Эрец, только здесь он был гостем, чужаком, а против него выступали хозяева.

Правда, он не был одинок в этой битве, да и не являлся в ней главным бунтарем. Центральной фигурой на иенском съезде был Хаим Вейцман, оказавшийся в странном положении. Всякий раз, как он проявлял твердость, правые ревизионисты аплодировали, а его постоянные приверженцы — центристы и левые — явно проявляли сдержанность.

Берла представили участникам съезда как редактора рабочей газеты "Давар". В своем выступлении он рассказал о Гистадруте, его функциях и задачах. Увы, фортуна не повернулась к Берлу лицом. Речь его не

произвела впечатления на делегатов съезда. Правда, частые беседы с лидерами немецких сионистов: Оскаром Кохеном, Блохом, Клейски, Шокеном — оказались более успешными, чем выступление перед залом, но Берлу все же трудно было действовать во враждебной ему обстановке, царившей на съезде. Берл говорил по-немецки с идишским акцентом, и речь его коробила слух немецких сионистов не меньше, чем его утверждения, которые были еще резче, чем заявления Вейцмана.

Трудности, сопутствовавшие Берлу при выступлениях вне Эрец-Исраэль, снова дали знать о себе в другой аудитории, которая, казалось бы, должна была быть близкой ему, — на съезде немецкой партии Поалей Цион, состоявшемся после иенского съезда. На этот раз Берлу удалось провести резолюции о полной солидарности с Гистадрутом, отклонявшие требования как ревизионистов, так и "Брит Шалом". Он сумел даже сплотить вокруг себя сильный кружок твердых сторонников из числа членов немецкой партии. Однако в общей дискуссии Берл и тут добился лишь частичного успеха. После того, как Берл выступил с речью, где с присущим ему жаром опровергал аргументы своих противников, присутствовавшие решили, что между ними и "палестинцами" существует коренное различие: они ученики Ромена Роллана и Густава Ландауэра, то есть пацифисты, а "палестинцы" — люди совсем иного сорта.

В начале января 1930 года Берл оставил Германию, где местные сионисты попортили ему немало нервов, и отправился в Лондон. Здеась он столкнулся с совсем иной обстановкой, с людьми иного склада, и его поездка, проходившая до сих пор под знаком провала или, по меньшей мере, неуспеха, приобрела плодотворный характер.

После темной комнатки в безличном берлинском пансионе госпожи Штрок, где Берл жил среди незнакомых немецких евреев, в Лондоне он поселился в скромном домике, где проживала дружная семья

Дова Хоза, всем членам которой Берл полюбился еще со времени их совместного житья в Вене, в начале двадцатых годов. После окружавшей его в Германии холодности Берл оказался в обстановке всеобщей любви: Дов Хоз издавна восхищался им, Хаим Вейцман проявлял к нему симпатию и уважение. Пинхас Рутенберг заботился о нем, как о ребенке, — и даже поспешил заменить кепку, с которой Берл упрямо не желал расставаться, на элегантную шляпу самого шикарного фасона.

Во всем, за что Берл принимался, ему сопутствовала удача. По сравнению с Германией произошли кардинальные изменения. Как и Вейцману, Берлу была насущно необходима дружественная атмосфера, чтобы раскрыться во всей полноте своих сил. И потому теплая встреча, устроенная ему в Лондоне, подготовила почву для его последующих успехов.

Это была уже не первая поездка Берла в Лондон. Но пожалуй, теперь он впервые показал себя в деле, а не являлся просто участником сионистского конгресса. Берл приехал в Лондон, не будучи способен вести беседу по-английски без переводчика. Хотя он служил в Еврейском легионе, под командованием англичан, но английского языка не выучил. И потом, прожив довольно долгое время в Соединенных Штатах, он тоже не научился бегло говорить по-английски. Видимо, у Берла были довольно слабые способности к изучению иностранных языков, может быть, ему не хватало железной самодисциплины, с которой брался за изучение того или иного языка Давид Бен-Гурион, может быть, Берлу трудно было вытерпеть свое косноязычие, когда он начинал говорить по-английски. Такие затруднения характерны для людей, исключительно хорошо владеющих родным языком, которые, почувствовав свою ограниченность при переходе на иностранный язык, теряются от того, что не могут с привычной тонкостью выразить свою мысль. Берл знал, что не силен в иностранных языках, и намеревался ограничить свои

функции общим политическим руководством и инструктажем ответственных работников. Однако весьма скоро деятельность его вышла за пределы узкого круга говорящих на иврите и идиш, включив в свою орбиту англоязычную аудиторию.

У Берла не было никакого официального поста. Он не входил ни в Правление Всемирной сионистской организации, ни в Правление Еврейского агентства. Гистадрут направил его в Лондон к членам английской партии Поалей Цион как представителя трудящихся страны. Но сразу же по прибытии в Лондон Берла пригласили участвовать в заседаниях Правления Всемирной сионистской организации в качестве члена Национального комитета Эрец-Исраэль, во главе которого стоял Рутенберг, потребовавший предоставить Берлу право участвовать в работе правления ВСО. Берл встал на сторону противников законодательного совета и поддерживал деятельность Вейцмана и Рутенберга.

Благодаря тому, что Вейцман понимал проблемы строительства Эрец-Исраэль и необходимость всемерной поддержки энтузиастов-халуцим, несущих на своих плечах тяжесть этой работы, создалась возможность для союза между Вейцманом и рабочим движением. Однако, насколько можно судить, отношения Вейцмана с Берлом были значительно более близкими, чем симпатия и доверие, существовавшие между Вейцманом и другими рабочими лидерами. Берл никогда не был почитателем Вейцмана в том смысле, в каком это можно было сказать о Шпринцаке, а в определенный период и о Бен-Гурионе.

Вместе с тем Берл, конечно, считал "Хаима" одним из крупнейших деятелей сионизма, глубоким знатоком политических вопросов. Конкуренция, омрачившая отношения Вейцмана с Бен-Гурионом, начисто отсутствовала в его отношениях с Берлом — Берл не стремился блистать в лучах славы. Он всегда предпочитал действовать за кулисами. С другой стороны, их сближало общее прошлое — оба они

выросли в среде восточноевропейского еврейства, в обоих ясно проявлялся народный еврейский характер, например, в сильно развитом чувстве юмора. Поэтому церемонный аристократ, знаменитый ученый и изобретатель Вейцман легко нашел общий язык с Берлом — социалистом и самоучкой, который при любом удобном случае стремился подчеркнуть свое плебейство. Берлу было очень приятно, что "Хаим" доверяет ему, приглашает его участвовать в важных дискуссиях, делится с ним своими замыслами. Это не могло не льстить Берлу, хоть он и старался не поддаваться на удочку тщеславия.

Иными были отношения между Берлом и Пинхасом Рутенбергом. По дороге в Лондон Берл заехал на Капри и посетил Максима Горького. Для Берла это была волнующая встреча, ведь русская литература оказала самое сильное, после ивритской, влияние на формирование его личности, а Горький считался тогда величайшим русским писателем. Горький был, кажется, первым значительным представителем русского народа, с которым встретился Берл с тех пор, как оставил родину и отправился в страну предков. Горький приветствовал Октябрьскую революцию, но вокруг его фигуры еще сохранялся ореол гуманиста. В самой встрече с Горьким, в попытке объяснить ему правоту сионизма (особенно после беспорядков 1929 года, трактовавшихся в советской печати как массовое восстание арабского народа против британского империализма и его сионистских приспешников) было нечто от возврата к дням юности.

Краткая беседа с Горьким, однако, разочаровала Берла. Настоящего разговора не вышло, между собеседниками не возникло внутренней связи, хотя Горький относился к сионизму положительно. Остерегаясь критиковать режим Советской России, Горький объяснял все отрицательные явления советской действительности ошибками отдельных глупцов.

Только на один миг удалось Берлу пробить стену, окружавшую русского писателя, — когда Горький

спросил его про Петра Моисеевича — Пинхаса Рутенберга и его работу в Палестине. Когда Берл стал рассказывать о делах Рутенберга в Эрец, Горький вдруг прервал его словами: "Да-да, еще с Петербурга я знал, что он большой человек и совершит великое". Вспоминая об этом, Берл добавил: "В его словах чувствовалась даже какая-то ревность, вызванная тем, что такой человек не остался там, в России". В этой фразе видно не только отношение Берла к Рутенбергу, но и его ярость на то, что другие революционеры-евреи, люди большого полета, способные на самые смелые свершения, предпочли посвятить себя чужой революции, лишив сионистское движение своих талантов. Пересказывая слова Горького, Берл невольно выразил свою полуосознанную-полускрытую ревность к русской революции за то, что она украла у еврейского народа столько лучших его сынов.

Рутенберг был одним из немногих, кто сознательно избрал маленькое, по сравнению с гигантским охватом русской революции, дело сионизма. Берл любил Рутенберга, бывшего эсера, необычайного, импульсивного, непредсказуемого человека, революционера колоссального размаха, которому негде было развернуться в Эрец, но он все же оставался ей верен с истовостью вернувшегося блудного сына. В Рутенберге была какая-то стихийная мощь, отвага. Но и слабости человека всегда под стать его масштабу. Бурная натура Рутенберга, захватывавшая окружающих его людей, делала его исключительно сложным партнером в деловых переговорах, и потому многие предпочитали уклониться от повседневного сотрудничества с ним. Но в грозный час к Рутенбергу всегда бежали за помощью, зная, что лишь его исключительная энергия, его умение повлиять на евреев и даже на весьма далеких от сионизма неевреев может подчас спасти положение. Так случилось и после беспорядков 1929 года, когда Рутенберг был назначен председателем Национального комитета.

Будучи в Лондоне, Берл чувствовал, что одна из

главных его задач — найти узкий проход между двумя высокими утесами — Пинхасом Рутенбергом и Хаимом Вейцманом. Оба они родились вождями, им тесно было в скромных рамках сионистского движения и они, как часто бывает в отношениях между настоящими вождями, не могли ужиться друг с другом. Берлу оба доверяли, считая его классическим рабочим лидером, умным и беспристрастным.

Задача Берла была нелегкой. Желание Рутенберга сбросить с себя власть Правления Всемирной сионистской организации и действовать самостоятельно, с одной стороны, и уязвленная гордость Вейцмана с другой — угрожали гибелью только что возникшей хрупкой коалиции.

В то же время стоявшая перед ним задача как нельзя лучше соответствовала особым свойствам характера Берла — Берл не любил демонстрации силы, внешних атрибутов власти. Это, однако, отнюдь не означает, что закулисное руководство событиями было ему не по душе. Ощущение, что Вейцман и Рутенберг, эти два гиганта, обнажают перед ним свои почти детские слабости, что он может заставить их выполнять его желания, не могло не греть его самолюбия.

В Лондоне Берл сумел добиться успеха в тех областях, о которых и вовсе не думал. Он участвовал в заседании правления федерации сионистских организаций Великобритании, на котором присутствовали также ответственные представители Еврейского агентства, Керен каемет ле-Исраэль и Керен ха-Иесод, и выступил там с речью на идиш. К величайшему удивлению Берла, выступление его произвело на слушателей сильное впечатление. Председатель Английской секции Еврейского агентства Авигдор Голдсмит, только что заинтересовавшийся проблемами сионизма и Эрец-Исраэль, который даже не понимал идиш, назвал речь Берла "блестящей". После выступления Берла окружили рядовые члены Правления, представители провинциальных городков наперебой

приглашали его прочесть у них лекции. Речь Берла выделялась тем, что не касалась вопросов высокой политики, а была посвящена целиком практической сионистской деятельности.

Так началась история исключительных отношений между Берлом и руководителями еврейской общечественности Англии. Он стал любимцем высших кругов английского еврейства. В честь Берла устраивали специальные вечера и обеды, на которых присутствовали члены семейств Сакер, Маркс и Зив. Эти встречи, весьма ограниченные по числу участников, носившие иногда секретный характер, имели целью привлечь богатых английских евреев к решению двух задач, особенно дорогих сердцу Берла: приобретению земель и сбору средств на нужды Хаганы.

Способность Берла договориться с самыми почтенными и богатыми английскими евреями, довольно значительное влияние, которое он оказал на них, имели первостепенное значение для осуществления его планов. Берлу удалось привлечь денежные средства из частных источников. И хотя, по сравнению с огромными потребностями Эрец, это была лишь капля в море, собранные Берлом деньги положили начало его постоянной связи с аристократическими еврейскими семьями Англии. Отныне у Берла появились тайные источники финансирования при закупке оружия, приобретения земель и других расходах, о которых он предпочитал не распространяться. И даже если денег не хватало, к услугам Берла всегда были личные связи и рекомендации, которые в трудную минуту можно было обратить в звонкую монету.

Что же нашла еврейская аристократия Англии в вожде палестинских рабочих? Внешность Берла резко контрастировала с роскошными покоем английских богачей, застольными манерами Берл не блистал, его английский язык был довольно убогим. И при всем при этом он, кажется, очаровал своих сиятельных собеседников больше, чем кто-либо другой из

лидеров Эрец-Исраэль. И мужчины, и дамы дружно восторгались им. Мы не располагаем свидетельствами современников, объясняющими исключительный прием, оказанный Берлу верхушкой еврейского общества Англии.

Можно лишь предполагать, что тут соединилось несколько факторов: во-первых, Берл был особенно хорош в интимной беседе, в узком, избранном кругу. Его далекая от выпренности, искрометная беседа, носившая печать английской "understatement"* , была близка и понятна людям, воспитанным в традициях британской политической культуры. К этому присоединялась глубокая внутренняя вера, которой горел Берл, и, разумеется, его ум и находчивость. Возможно, собеседникам нравилась практичность Берла. Они сами не являлись отвлеченными мыслителями, и "земные" доводы Берла находили у них больший отклик, чем разговоры об идеалах и мировоззрении.

Вероятно, в этом состоит одно из различий между богатыми евреями Англии и Германии. Последние отличались искусенностью в идейных спорах, имели свое собственное мировоззрение, а потому лидер еврейских рабочих Палестины не слишком впечатлял их своим умением дискутировать, к тому же отстаиваемое им мировоззрение было полярно противоположно тому, что им хотелось бы услышать. Немецкие богатеи опасались также открыто проявлять свою принадлежность к еврейскому миру. А руководящие круги английского еврейства не дрожали перед тем, "что скажут", они ждали нового слова, призыва к действию — и Берл отвечал всем их ожиданиям.

Помимо встреч с руководителями английского еврейства, как сионистами, так и несионистами, помимо посредничества между Пинхасом Рутенбергом и Хаимом Вейцманом, помимо участия в заседаниях Правления Всемирной сионистской организации, Берл уделял значительную часть своего времени "внеш-

*Полувывысканность, разговор с подтекстом. (Прим. перев.)

неполитической работе”, обращенной к нееврейской аудитории. К власти в Англии пришло первое лейбористское правительство, и личные контакты с членами кабинета имели первостепенное значение. Представительством союза Поалей Цион в Лондоне талантливо и успешно руководил Дов Хоз. Он был человек огромного личного обаяния, умеющий наслаждаться радостями жизни и знающий, как договариваться с англичанами. Дову Хозу удалось наладить хорошие взаимоотношения с лейбористской партией. Теперь эти связи оказались в распоряжении Берла.

Он встретился с одним из виднейших лейбористских публицистов Брайлсфордом, который произвел на него большое впечатление своим умом — и пессимизмом в отношении сионизма. Брайлсфорд давал сионистскому движению еще лет десять—пятнадцать до тех пор, пока в Палестине не будет учрежден парламентарный режим, сомневался в том, хватит ли этого срока для того, чтобы создать в стране еврейское население, которое сумеет держаться без посторонней помощи.

Брайлсфорд бросил поразившее Берла замечание о смене должностных лиц в министерстве колоний. По-видимому, на пост министра колоний прочили некоего члена лейбористской партии, который был в прошлом шахтером, выдвинулся в профсоюзах и не имел практически никакого образования. Брайлсфорд утверждал, что этот кандидат окажется куда хуже Пасфилда и не будет способен разобраться в палестинском вопросе. ”Для этого нужен человек с другим уровнем образования, с более широкими взглядами”, — говорил Брайлсфорд. Надо думать, товарищам Берла припомнилось это предостережение, когда после Второй мировой войны лейбористская партия снова пришла к власти в Великобритании.

Чем чаще встречался Берл с лейбористами — газетчиками и членами парламента, тем тяжелее давило на него незнание английского языка, ощущение своей немоты. Из многочисленных контактов с

англичанами — с простыми людьми в провинциальных городках, с интеллектуалами и политическими деятелями в Лондоне — Берл убедился в широких возможностях разъяснительной работы в Англии, если бы только нашлись для нее в Эрец денежные средства и подходящие люди.

Несмотря на ограниченную возможность коммуникации, Берл изо всех сил стремился нащупать наиболее плодотворный способ пропагандистской работы в Англии, соответствующий также и тамошней избирательной системе. Политическое чутье Берла, которое руководители Эрец почему-то находили нужным скрывать, предпочитая изображать Берла эдаким философом среди политиков, проявилось во время его поездки в Англию с удивительной яркостью: к концу первого месяца своего пребывания в стране Берл разработал план проталкивания палестинского вопроса в британском парламенте. Система, положенная в основу этого плана, превратится в фундамент политики ВСО в Англии, а затем в Соединенных Штатах Америки.

Согласно плану Берла, во всех местах своего проживания евреи должны способствовать избранию в парламент сторонников сионизма и провалу враждебно настроенных кандидатов. "Я увидел здесь, что система выдвижения кандидатов и сами выборы построены на карьеризме, — писал Берл своим товарищам по Центральному комитету Мапай, — и понял, что мы можем использовать в наших интересах не только подлинных друзей, но и охотников проскочить в парламент". Этот принцип приложим не только к парламентским, но и к муниципальным выборам. Например, в Лидсе влияние партии Поалей Цион намного превосходило ее относительный вес, и потому члены лейбористской партии старались добиться ее поддержки, участвуя на сионистских митингах. Любопытно, что именно Берл, всем существом принадлежавший Эрец-Исраэль, далекий от галутных дел, разработал план, основанный на четком

понимании общей ситуации в Великобритании и, в частности, положения лейбористской партии.

31 марта 1930 года был опубликован отчет комиссии Шоу, начавший новую эпоху в отношениях между сионистским движением и мандатными властями. В этом отчете центр тяжести переносился с политических вопросов на экономические, главным образом на земельную собственность. Обращалось внимание на то, что арабы-издольщики вытесняются еврейскими поселениями, и ставилась под сомнение способность сионистского движения расселить в Эрец дополнительное количество евреев без вытеснения арабов.

Хотя непосредственная вина за беспорядки 1929 года возлагалась на арабов, комиссия нашла "смягчающие их вину обстоятельства" в поступках евреев. Отчет комиссии Шоу оставил горький привкус как в ишуве, так и у руководителей сионистского движения. В месяцы, следовавшие за опубликованием этого отчета, в политике британского правительства обозначились враждебные тенденции по отношению к принципам национального еврейского очага, и особенно к еврейской иммиграции в Палестину. Было введено резкое ограничение иммиграционной квоты, фактически прекратившее иммиграцию.

6 мая 1930 года сэр Джон Хоп-Симпсон был назначен британским правительством полномочным представителем по расследованию экономической емкости палестинских земель. Он должен был определить возможности еврейского поселенчества в Палестине, исходя из сохранения прав арабов. 20 мая 1930 года сэр Хоп-Симпсон прибыл в Палестину. Параллельно миссии Симпсона правительство Макдоналда провело серию консультаций с арабской делегацией в Лондоне, требовавшей прекращения еврейской иммиграции, ограничений на продажу евреям земли и немедленного создания в Палестине национального арабского правительства или, по крайней мере, законодательного совета. Направленность вопросов

Симпсона в его беседах с представителями Исполнительного комитета Гистадрута не предвещала ничего хорошего. Он особо интересовался принципом еврейского труда и его осуществлением на практике — в увольнении арабских рабочих из хозяйств, принадлежавших евреям.

В течение летних месяцев 1930 года руководство сионистского движения вынуждено было занять компромиссную позицию, сблизившуюся до некоторой степени с позицией общества "Брит-Шалом". Компромисс этот вытекал из возникшего у беседовавших с англичанами еврейских деятелей ощущения, что неприятного нового законодательства все равно не избежать, а потому следует договориться с мандатными властями о некотором модус вивенди, обусловленном достижением соглашения с арабами.

Эту точку зрения разделяли Вейцман, Арлозоров, Шпринцак, Бен-Гурион, Руппин, Капланский и другие. Между ними существовали различия в нюансах относительно желаемой тактической линии, однако все они смирились с мыслью о неизбежности мирного соглашения, считали его не только желательным, но и возможным. К этой концепции склонялось большинство руководителей Мапай. Аврахам Кацнельсон даже заявил: "Теперь, слава Богу, начинается прогрессивный сионизм". На этом фоне бросается в глаза позиция Берла. По целому ряду вопросов, обсуждавшихся в тот период, Берл занял гораздо более воинственную и упрямую позицию, чем его товарищи.

Отличная от других линия Берла начала выявляться во время визита Хоп-Симпсона. Берл не был удовлетворен тем, как велись переговоры с ним. Он утверждал, что представители сионистского движения недостаточно подчеркивали возможности поселенчества в Заиорданье, в Негеве и в гористом районе, ограничив область, пригодную для поселенчества, Самарией, Бет-Шеаном и Хулой. Умеренные требования Арлозорова абсолютно не удовлетворяли Берла ни по тактическим, ни по стратегическим соображениям.

ям. Участвовавшие в дискуссии члены центрального комитета Мапай как будто согласились с точкой зрения Берла, но все заседание проходило под знаком арлозоровской осторожности и умеренности.

То же случилось и с другим предложением, внесенным Берлом. Давлению британского правительства на Правление Всемирной сионистской организации Берл хотел противопоставить ответное давление американского еврейства — новаторская идея, опередившая свое время. Для организации антибританских действий в Америке Берл считал необходимым направить в Соединенные Штаты делегацию Национального комитета из пяти человек. Товарищи Берла встретили этот план с полнейшей холодностью, мотивируя свое несогласие внутренней обстановкой в американском еврействе и его организациях, а также опасаясь того, что давление со стороны США вызовет раздражение английского правительства и оно ответит на него враждебными акциями.

Нелегко было отвергнуть предложение Берла, тем более, что возражения против него отдавали не только пассивностью, но и оппортунизмом. Поэтому решено было обратиться в Правление Всемирной сионистской организации, находившееся в Лондоне, и запросить его мнение по этому вопросу. На том американский план был пока что отставлен.

Кроме перечисленных, Берл разошелся с товарищами еще в одном вопросе — о созыве внеочередного Сионистского конгресса в феврале 1931 года. 20 октября 1930 года была опубликована Белая книга Пасфилда, принимавшая на веру все антиссионистские предположения комиссии Шоу и Хоп-Симпсона, но оставлявшая в стороне их позитивные рекомендации об интенсивном развитии Палестины. Если бы планы, содержащиеся в Белой книге, были осуществлены, они положили бы конец строительству еврейского национального очага. В знак протеста против Белой книги Вейцман подал в отставку с поста президента Всемирной сионистской организации, и Берл полагал,

что созыв специального конгресса подчеркнет протест еврейского народа, даст возможность всему Правлению заявить о своей отставке в знак солидарности с Вейцманом, а главное — на конгрессе найдут выход чувства гнева и возмущения, поднявшиеся среди еврейства всего мира, которые привели (особенно в Польше) к усилению ревизионистов. Берл считал, что созыв внеочередного конгресса продемонстрирует гневный протест еврейского народа против Белой книги и послужит его сплочению вокруг Правления ВСО.

Однако большинство членов Мапай, состоявших в Исполнительном Комитете и Правлении Всемирной сионистской организации, выступили против предложения Берла. Во главе противников созыва внеочередного конгресса стоял Бен-Гурион, опасавшийся, как бы на нем не было избрано такое Правление, которое не пожелает сотрудничать с Вейцманом, а может быть, даже займет еще более твердую политическую позицию, чем его собственная. Хотя Исполнительный Комитет ВСО, собравшийся в октябре 1930 года, принял предложение о созыве конгресса, оно постепенно утратило остроту и не было осуществлено. Итак, Берл снова оказался в оппозиции к своим товарищам по партии.

В сентябре 1930 года Бен-Гурион организовал в Берлине конгресс в поддержку трудящихся Эрец-Исраэль. Хотя с ним находилась в Берлине очень сильная группа представителей Мапай, Бен-Гурион в ультимативном тоне потребовал, чтобы на конгресс были направлены Арлозоров и Берл или хотя бы только Берл. Бен-Гуриона не останавливало то обстоятельство, что двое его товарищей были крайне загружены делами, особенно подготовкой к предстоящему визиту заместителя министра колоний Великобритании Шилса. Бен-Гурион заявил, что если его просьба не будет выполнена, он полностью прекратит заниматься организацией конгресса и даже выйдет из состава Исполнительного комитета Гистадрута. Берл

и партия, хоть и неохотно, подчинились требованию Бен-Гуриона. Арлозоров остался в Эрец, а Берл в середине сентября выехал в Берлин. Конгресс прошел успешно и Берл пользовался на нем большой популярностью.

По окончании конгресса он намеревался немедленно вернуться в Эрец, в том числе и из-за состояния Леи, но его направили в десятидневную лекционную поездку по прибалтийским странам, где он побывал впервые. Во время пребывания Берла в Прибалтике вышла Белая книга Пасфила, и планы Берла быстро вернуться домой рухнули. Вместо того, чтобы возвратиться в Эрец, он отправился в Лондон.

Как сильно отличался нынешний визит Берла в Лондон от предыдущего! На этот раз Лондон оказался замкнутым в своем высокомерии, враждебным. Стремясь сократить время и не желая затруднять друзей, Берл поселился не в доме Хозов, а в пансионе, находившемся неподалеку от представительства Всемирной сионистской организации. Берл был не в духе, чувствовал себя усталым. Год назад он верил, что может повлиять на изменение позиции британского правительства то ли доказав правоту требований сионистов, то ли действуя через лейбористских членов парламента, то ли путем широкой еврейской политической деятельности.

Но отчеты комиссий Шоу, Хоп-Симпсона и Белая книга доказали, что разъяснительная работа — вещь ненадежная, потому что тут "не важно, кто прав". Однако если товарищи Берла сделали отсюда вывод о том, что требуется бóльшая гибкость, готовность к соглашению и компромиссу, то Берл решил, что положение обязывает начать более смелую и непреклонную борьбу за сионизм, безо всяких фокусов личной дипломатии. Ведь создавшаяся обстановка — не результат враждебности верховного наместника или точки зрения того или иного министра, она обусловлена соотношением сил между арабами и евреями в Эрец-Исраэль, а потому любая мандатная

администрация Палестины в конце концов займет антисионистскую позицию.

На вторую половину ноября 1930 года было назначено специальное заседание кабинета министров Великобритании, посвященное переговорам с представителями Правления Всемирной сионистской организации, которому суждено было завершиться составлением документа, вошедшего в историю под названием "Послание Макдоналда". Берл не участвовал лично на этом заседании, так как не был членом Правления, однако он принимал участие в работе политической комиссии при Правлении — совещательного органа, разрабатывавшего рекомендации членам Правления.

Снова между Берлом и его коллегами обнаружилось расхождение по двум главным пунктам. Во-первых, о плане экономического развития Палестины, предложенном английским правительством. Все сходилось на том, что план должен открыто гарантировать права евреев, в противном же случае он превратится в план развития для арабов. Решено было также, что евреи должны гарантировать заем, предоставляемый им правительством для осуществления этого плана. Спор развернулся по вопросу о том, что делать с арабами, которые подпадали под категорию "вытесняемых". Большинство предлагало расселить "вытесняемых" арабов на территории Заиорданья, которая превратится в нечто вроде территориального резерва для палестинских арабов. Берл яростно обрушился на это решение: ведь таким образом Заиорданье официально сделается пристанищем "вытесняемых" и там скопится местное арабское население, которое в будущем предотвратит возможность еврейского поселенчества в этом районе.

Будущее Заиорданья чрезвычайно волновало Берла. Даже Бен-Гурион, который по другим пунктам разделял твердую позицию Берла на переговорах, не видел ничего страшного в переселении арабов из западной части Эрец в Заиорданье. Для Берла это

была катастрофа. Вопрос этот остался теоретическим, ибо план экономического развития так и не был осуществлен. Разногласия между Берлом и его товарищами весьма существенны для понимания обстановки в Лондоне и позиций, которые они займут в будущем, но немедленных последствий они не имели.

Вопросом, вокруг которого развернулась настоящая война между Берлом и его товарищами, Шпринцаком и Арлозоровым, был вопрос об алии. В мае 1930 года Шломо Капланский составил разъяснительную записку, поданную британскому правительству от имени Правления ВСО. В ней перечислялись требования Всемирной сионистской организации. Одно из них состояло в том, что иммиграция в Палестину должна быть передана из компетенции мандатного правительства в ведение и под ответственность Еврейского агентства, согласно тексту мандата. Правительство Великобритании отклонило это требование и оставило за собой право каждые полгода определять иммиграционную квоту. Вокруг нее каждые шесть месяцев разгоралась политическая борьба.

После беспорядков 1929 года квота была резко снижена "по экономическим и политическим причинам". По правде говоря, не оставалось никаких шансов на то, что английское правительство согласится передать контроль над иммиграцией Еврейскому агентству. Возникал вопрос, следует ли настаивать на этом требовании на переговорах с представителями английского кабинета министров. На заседаниях политической комиссии Секер, Арлозоров и Шпринцак высказались против выдвижения этого требования, а Берл твердо стоял за его выдвижение.

Разумеется, Берл понимал, что английское правительство не откажется от права контроля над иммиграцией. Однако он считал, что требование, которое отстаивали они с Капланским, поможет выторговать у правительства практическую уступку. Чтобы предотвратить политические конфликты, воз-

никавшие каждые полгода из-за установления иммиграционной квоты, Берл предлагал, чтобы правительство выдавало определенное число въездных виз, а после того, как новые иммигранты вольются в палестинское хозяйство и уровень безработицы среди еврейских трудящихся упадет ниже установленного процента, автоматически выдавались бы новые визы. Если бы формулировка Берла была принята, она означала бы устранение политических учреждений от определения иммиграционной квоты, которая была бы поставлена на чисто экономическую основу.

Как уже говорилось, Арлозоров и Шпринцак выступили против предложения Берла и в конце концов оно не было принято. Легко представить себе разочарование Берла, влияние которого на ход переговоров с членами британского кабинета было в лучшем случае косвенным, когда он обнаружил, что, в сущности, вообще не имеет никаких каналов воздействия на переговоры: Вейцман избегал его и не соглашался с ним, а товарищи по партии "торпедировали" его предложения, принятые политической комиссией.

В одиночестве лондонской комнатухи, отчаявшись в полезности своей работы и тревожась за состояние дел в Эрец и особенно за здоровье близких, Берл писал Лее: "Я чувствую, как в сердце мне закрадывается какое-то раздражение против товарищей — чувство, которое было мне всегда чуждо, которое я всегда ненавидел".

Неприятие его точки зрения означало для Берла проявление личного недоверия к нему. А когда к этому присоединились личные тревоги и унылая обстановка закоптелого Лондона, Берл почувствовал себя лишним и отвергнутым.

Однако Берл нашел в себе силы обуздать дурные предчувствия и даже навязать товарищам свою точку зрения. Берл вернулся в Эрец во второй половине декабря 1930 года. Он не остался в Лондоне на совещание Исполнительного Комитета Всемирной сию-

нистской организации, состоявшееся в январе 1931 года, и предоставил своим товарищам вволю наспориться о добывании денег на поселенчество и довести до конца переговоры с британским кабинетом министров. Следя за переговорами издали, Берл мог с тем большей легкостью критиковать поступки и ошибки товарищей. Он решил продолжить поединок с ними на другой арене, где чувствовал себя в безопасности, — на Совете Мапай.

Третья сессия Совета Мапай проходила в Тель-Авиве с пятого по восьмое февраля 1931 года, за несколько дней до опубликования "Послания Макдоналда", когда его текст уже был известен Берлу и другим руководителям Мапай. Берл прочел на сессии центральный доклад — о политической обстановке. Он одобрил решение о возобновлении переговоров с английским правительством и подчеркнул изменения, внесенные в "Послание Макдоналда" по сравнению с Белой книгой.

Берл превозносил политический успех, заключавшийся в самом факте признания английским правительством представителей еврейского народа, в том, что члены британского кабинета министров вели переговоры с Правлением Всемирной сионистской организации как равные с равными. Однако затем он перешел к критике позиции Шпринцака и Арлозорова в вопросе о контроле над иммиграцией, за их "оппортунистические и поверхностные" взгляды в отношении плана экономического развития и проблемы Заиорданья, за то, что они сводили вопрос о мандатной администрации в Эрец к выбору того или иного лица, не видя его принципиальной важности, и наконец перешел к ударной части своего доклада — к вопросу о "режиме в Эрец".

Берл со всей резкостью выступил против мнения, что следует как можно скорее принять план конституционных изменений, независимо от того, вызвано ли оно желанием обезопасить ищущих от вспышек арабского национализма или уступкой перед давлени-

ем англичан. Готовность поспешно принимать предложения сильных мира сего, исходя из того, что это все равно неизбежно и лучше уж согласиться с ними по доброй воле и добиться таким образом одобрения со стороны общественного мнения, казалась Берлу абсолютно недопустимой, так как при этом не учитывается, от каких требований сионистское движение может отказаться, а от каких — не имеет права.

Берл считал, что сионистская политика — это тактика проволок, по принципу того фольклорного еврея, который обещал пану научить медведя читать молитвенник, надеясь, что со временем либо медведь сдохнет, либо пан помрет. Берл на корню отрицал концепцию, согласно которой можно наложить на законодательный совет такие ограничения, при которых он станет неопасным. Можно возражать против принципа, говорил Берл, и тогда ты стоишь на своей земле. Но с того момента, как ты принимаешь принцип, возникают непредвиденные ситуации, и ограничения, на которые ты полагался, остаются только на бумаге. И еще: существование законодательного органа дает верховному наместнику право по-своему интерпретировать его полномочия и ограничения. Такое положение исключительно опасно в свете прошлого опыта поведения мандатной администрации в кризисные моменты.

Резко критикуя своих товарищей за согласие на создание законодательного совета, Берл доказывал, что это, по существу, означает согласие на власть большинства. Подавляющее большинство людей, вовлеченных в сионистское движение, если и предпочитало пока не пользоваться термином "еврейское государство", стремилось к концентрации в Эрец-Исраэль массового еврейского населения. Возражая против вызывающих, воинственных лозунгов ревизионистов, Берл, тем не менее, не мог смириться с созданием в Палестине арабского государства, не мог смотреть на евреев в ней как на вечное меньшинство.

Единая форма правления, на которую могло

согласиться сионистское движение, это такая, где арабы не управляли бы евреями и евреи не господствовали над арабами, а отсюда вытекала необходимость паритетной структуры законодательного совета. Идеал Берла был иным — развитие автономных органов самоуправления каждой отдельной национальной единицы за счет ограничения полномочий мандатной администрации, в руках которой останется только поддержание безопасности в Палестине.

Такая схема, если бы мандатные власти приняли ее, дала бы евреям, значительно более образованным и организованным, чем арабы, колоссальные преимущества. С другой стороны, этот план был приемлем для общественного мнения Англии как альтернатива правительственному проекту решения палестинской проблемы. Берл утверждал, что британское правительство примет его план, хотя на деле вероятность этого была весьма слабой. Главное значение предложенного Берлом плана состояло в том, что он давал еврейский ответ на план создания законодательного совета и не был связан ни с явным отходом от прежних позиций, ни с изменениями в тексте мандата, ни с согласием на власть большинства.

Берл не скрывал, что его предложения направлены против Арлозорова и его позиций. Арлозоров вынужден был защищаться. Он считал план Берла одновременно утопичным и гибельным: утопичным, потому что современное государство не может удовлетвориться анемичными функциями, отведенными ему Берлом; гибельным, так как он вел к укреплению англо-арабского союза в Палестине. Англичане предоставят евреям возможность поступать как им заблагорассудится, но будут по-прежнему считать себя опекунами арабов, а так как государственная власть и ее рычаги находятся в руках англичан, евреи будут страдать от этого. Кроме того, если евреи затворятся в своей автономии, а арабы захватят господство в мандатных учреждениях, они смогут задушить еврей-

ский национальный очаг. Англичане, утверждал Арлозоров, учредят законодательный совет, невзирая на возражения евреев. Евреям придется сдаться и принять это установление, причем безо всяких ограничений, которых можно было бы добиться в качестве предварительного условия при согласии на план мандатной администрации Палестины.

В дипломатическом аспекте план Арлозорова намного превосходил план Берла. Но прав был все-таки Берл, не искушенный в дипломатических трюках, вообще не веривший в дипломатию. Исходное положение Арлозорова, заключавшееся в том, что невозможно избежать учреждения законодательного совета, а потому надо брать быка за рога и сражаться с ним, не выдержало испытания практикой. Англичане отвергли идею законодательного совета, так как против нее возражали и евреи, и арабы. План этот то откладывали в долгий ящик, то вытаскивали из него, а тем временем наступили иные времена, началась Пятая алия, ситуация в Эрец и в мире изменилась.

И когда латентный конфликт между евреями и арабами снова выплеснулся наружу, он, к добру или к худу, принес с собою революционный план решения палестинского вопроса — план раздела. Таким образом, хотя, выдвигая свой план, Берл рассчитывал лишь выиграть время и отодвинуть угрозу создания законодательного совета, но ход исторического развития тридцатых годов подтвердил правильность его доводов.

Арлозоров представлял собою новый тип еврейского государственного деятеля. Образованный, блестящий, умевший разговаривать с англичанами на их языке, в рамках их понятий, он пытался убедить их и построить с ними систему отношений, основанную на взаимопонимании и, в значительной степени, на взаимном доверии. Берл никогда не вступал с англичанами в непосредственный контакт, его отношение к ним навсегда осталось отношением восточноевропейского еврея — смесь исконной подозри-

тельности и врожденной враждебности к гою, а особенно к гою-властителю. Потому столь упорно, столь отчаянно боролся Берл за свои принципиальные позиции.

Парадоксально, что в свете исторического развития именно Берл с его негибким упорством оказался прав. В будущем, вспоминая попытку создания законодательного совета, Берл не раз будет приводить свой излюбленный довод — надо бороться до конца и уступать лишь в самый последний момент.

Совет Мапай высказался за паритетные предложения и муниципалитеты, отвергнув идею Бен-Гуриона о разделении исполнительной власти на три части: еврейскую, арабскую и английскую, а также предложение Арлозорова согласиться на создание законодательного совета. Поединок между Берлом и Бен-Гурионом, который выступил в поддержку умеренной линии Арлозорова, велся с большой осторожностью, обе стороны избегали открытого столкновения. В Совете Мапай Берл оказался сильнее и ему удалось провести свою резолюцию. Бен-Гурион признал это.

Взаимное сотрудничество было так важно для них обоих, что они пытались сгладить существование между ними разногласия. Во всей этой истории бросается в глаза, что люди, возглавлявшие партию и политический отдел Агентства — Арлозоров, а затем Бен-Гурион, — не смогли диктовать партии свою политическую линию. Настроения широкой общественности были ближе к "еврейскому" подходу Берла к гоям, их власти и политике, чем к современному дипломатическому подходу тех, кто нес официальную ответственность за политику сионистского движения.

КНИГИ ИЗД-ВА "БИБЛИОТЕКА - АЛИЯ"

1. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 1
2. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 2
3. Д-р А.И.Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е.Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И.Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниковский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. Ш.Й.Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов

26. **Элиэзер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ**
27. **Туеня Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН**
28. **ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1**
29. **ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2**
30. **А.Итай и М.Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ**
31. **Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ**
32. **С.Г.Фруг. СТИХИ И ПРОЗА**
33. **Р.Губер. КНИГА БРАТЬЕВ**
34. **ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк**
35. **Дж. и Д.Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА**
36. **И.Башевис-Зингер. РАБ**
37. **Р.Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ**
38. **Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ**
39. **Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ**
40. **Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ**
41. **Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ**
42. **Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ**
43. **Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК**
44. **ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ**
45. **МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник очерков**
46. **Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ**
47. **Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ**
48. **Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ**
49. **Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН**
50. **СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА**
51. **Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ**
52. **Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО**
53. **Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА**
54. **МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах**
55. **Джон Орбах. РИКША**
56. **Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА
СВОЮ СВОБОДУ**

57. **Исаак Бабель. ДЕТСТВО И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ**
58. **Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1**
59. **Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2**
60. **Андре Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ**
61. **Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ**
62. **Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННОЕ**
63. **Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**
64. **Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ**
65. **Сол Беллоу. ПЛАНЕТА м-ра СЭММЛЕРА**
66. **ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:**
И. Кауфман. Библейская эпоха
Л. Финжелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
Ш. Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. **А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ**
68. **АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник**
69. **СКОПУС. Антология поэзии и прозы писателей-репатриантов из СССР**
70. **Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ**
71. **Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ**
72. **Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!**
73. **М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ**
74. **М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ**
75. **Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО**
76. **Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ**
77. **А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА**
78. **Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ**
79. **Х. Н. Бялиж и И. Х. Равницкий. АГАДА**
80. **ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ**
81. **ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:**
Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе

82. **ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ
В ИСПАНИИ**
83. **Х. Бартов. ВЫДУМЩИК**
84. **Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД — ИЕРУСАЛИМ
С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ**
85. **Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"**
86. **Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ**
87. **М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА**
88. **А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ**
89. **Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов**
90. **Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ**
91. **Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ**
92. **М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ**
93. **Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ**
94. **Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**
95. **Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ**
96. **Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**
97. **МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания**
98. **Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)**
99. **Луи Финжелстайн. РАББИ АКИВА**
100. **Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1**
101. **Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2**
102. **Муля М. Мардор СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ**
103. **Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА**
104. **Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА**
105. **Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1**
106. **Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2**
107. **ИВРИТ — ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей**
108. **Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС**
109. **Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ
ГОВОРИТЬ**
110. **Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1**

111. **Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2**
112. **Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1**
112. **Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2**
113. **В ОТКАЗЕ. Сборник**
114. **Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1**
115. **Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2**
116. **Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА**
117. **В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей**
118. **Владимир (Зеев) Жаботинский. ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ. Воспоминания**
119. **Оскар Минц. ПРИЗМЫ**
120. **Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА**
121. **Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ**
122. **Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера**
123. **Израэль Таяр. СИНАГОГА — РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ**
124. **Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1**
125. **Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2**
126. **Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1**
127. **Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2**
128. **Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ**
129. **Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1**
130. **Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2**
131. **Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ**
132. **Ашер Бараш. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ**
133. **Ицхак Орен (Надель). МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ**
134. **Андрэ Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ**
135. **Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...**
136. **Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ**

137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 2
139. ИЗРАИЛЬ. Географический справочник
140. Шломо Гилель. С ВЕТРОМ ВОСТОКА
141. М. Бейзер. ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ
142. Абба Ковнер. КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ
143. Авигдор Шинан. МИР АГГАДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
144. Давид Роскес. ВОПРЕКИ АПОКАЛИПСИСУ
145. Томас Манн. О НЕМЦАХ И ЕВРЕЯХ
146. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 1
147. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 2
148. И. Ахарони, Б. Ротенберг. ПО СЛЕДАМ
ЦАРЕЙ И БУНТАРЕЙ
149. И. Гутман, Х. Шацкер. КАТАСТРОФА И ЕЕ
ЗНАЧЕНИЕ
150. Амос Эттингер. СЛЕПОЙ ПРЫЖОК
151. Феликс Кандель. СЛОВО ЗА СЛОВО
152. Ицик Мангер. ЖИЗНЬ В РАЮ
153. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 1
154. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 2
155. Коннор О'Брайен. ОСАДА. Книга 1
156. Коннор О'Брайен. ОСАДА. Книга 2
157. Давид Шахар. ЛЕТО НА УЛИЦЕ ПРОРОКОВ
158. Владимир (Зеев) Жаботинский. САМСОН НАЗОРЕЙ
159. И. Башевис-Зингер. СБОРНИК РАССКАЗОВ
160. Владимир (Зеев) Жаботинский. ПЯТЕРО
161. Малькольм Хэй. КРОВЬ БРАТА ТВОЕГО
162. А. Эйнштейн. О СИОНИЗМЕ
163. И. Константиновский. СУДНЫЙ ДЕНЬ
164. СКОПУС — II. Сборник произведений израильских
литераторов, пишущих по-русски

165. **Р. Зернова. ИЗРАИЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ.**
Сб. рассказов
166. **П. Пели. ТОРА СЕГОДНЯ**
167. **Р. Маркус, Г. Коэн, А. Галжин. ТРИ ВЕЛИКИХ ЭПОХИ
ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ**
168. **С. Кац. ЕВРЕЙСКИЕ ФИЛОСОФЫ**
169. **Э. Луз. ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ**
170. **Яков Кац. КРИЗИС ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ**

МОЛОДЕЖНАЯ СЕРИЯ

1. **Рут Сэмюэлс. ПО ТРОПАМ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ**
2. **Дорит Оргад. МАЛЬЧИК ИЗ СЕВИЛЬИ**
3. **Ури Орлев. ОСТРОВ НА ПТИЧЬЕЙ УЛИЦЕ**
4. **Амос Оз. СУМХИ**
5. **Шмуэль Хуперт. ЛЬВЫ В ИЕРУСАЛИМЕ**
6. **Й. Сегал. ТАК ПОСТУПАЛИ НАШИ МУДРЕЦЫ**
7. **Яэль Розман. МОЙ РОМАН С БЕН-ГУРИОНОМ И
ПНИНОЙ**
8. **Двора Омер. ПЕРВЕНЕЦ ДОМА БЕН-ИЕХУДЫ**
9. **Сами Михяэль. ПАЛЬМЫ В БУРЮ**
10. **Шмуэль Авидор-Хакохен. И СОТВОРИЛ БОГ...**
11. **Двора Омер. ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА**
12. **Юрий Суль. ПАРТИЗАНЫ ДЯДИ МИШИ**
13. **Ицхак Ной. РОН И ДЖУДИ**
14. **И. Башевис-Зингер. ГАСНУЩИЕ ОГНИ. Сборник рассказов
и сказок для детей**
15. **Эстер Файн. ХАДАС**
16. **Н. Гутман и Э. Бен-Эзер. МЕЖ ПЕСКАМИ И НЕБЕСНОЙ
СИНЬЮ**
17. **СЧАСТЬЕ, ЧТО Я — ЭТО Я! Антология израильской детской
литературы. Книга 1**

18. ОСВЕЩЕННОЕ ОКНО. Антология израильской детской литературы. Книга 2
19. Оded Бецер. ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНА БАР-КОХБЫ
20. Давид Шахар. ТАЙНА РИКИ
21. Абба Эвен. МОЙ НАРОД. Том I
22. Абба Эвен. МОЙ НАРОД. Том II
23. Мартин Гилберт. АТЛАС ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
24. Гила Альмагор. ЛЕТО ИЗ ЖИЗНИ АВИИ

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

**Наши книги можно заказать
также по адресу:
P. O. B. 4140
91041 Jerusalem
Israel**

АНИТА ШАПИРА, профессор Тель-Авивского университета, родилась в Польше в 1940 году. В 1947 приехала в Израиль. Училась в Тель-Авивском университете. В 1974 получила степень доктора (в области истории народа Израиля). В 1974 опубликована и удостоена премии Бен-Цви ее первая книга "Безуспешная борьба", посвященная социальной

истории еврейского ишува в Эрец-Исраэль в 20-х—30-х гг.

Предлагаемая читателю книга "Берл", темой которой является биография Берла Кацнельсона, вышла на иврите в 1980 году и наряду с высокой оценкой специалистов вызвала большой интерес широкой читательской публики. Книга издана на английском языке издательством Кембриджского ун-та (1984), готовится к печати на немецком языке.

Аните Шапира принадлежат также многочисленные статьи в научных журналах (и газетах) по проблемам истории сионизма, истории израильского рабочего движения и истории еврейского ишува в Эрец-Исраэль.